

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ**

ИДЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

**выпуск XXV
Юго-Восточная Азия и Южнотихоокеанский регион
2013 – 2014 гг.**

**МОСКВА
2014**

«Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития»
основан в 1998 году

Индекс **65047** в подписном каталоге
«Издания научно-технической
информации» агентства «Роспечать»

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ №ФС 77-34876 от 29.12.2008

Сборник издается под руководством
Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Мосяков Д.В.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Малетин Н.П.

РЕДАКТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ
Астафьева Е.М., Симония А.А., Фомичева Е.А.,

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Другов А.Ю.
Мурашева Г.Ф.
Пале С.Е.
Рогожин А.А.
Симония А.А.
Соколов А.А.
Тюрин В.А.
Фомичева Е.А.
Хакимов Б.М.

РЕДАКЦИЯ

Другов А.Ю.
Отдел общих проблем, политологии
Тюрин В.А.
Отдел истории
Рогожин А.А.
Отдел экономики
Астафьева Е.М.
Ответственный секретарь

Ю-15 Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.
Выпуск XXV (ЮВА 2013-2014) – М., ИВ РАН, 2014. – 204 с.

Сборник посвящен исследованию социально-экономических процессов, политических, культурных и идеологических аспектов развития в Юго-Восточной Азии, Южнотихоокеанском регионе и в отдельных странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

ISSN 2072-8271

ББК6

© ИВ РАН, 2014
© Редколлегия, 2014
© Коллектив авторов, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Мосяков Д.В., Астафьева Е.М. Научно-практический семинар «Перспективы развития российско-вьетнамских отношений на новом этапе» (краткий обзор)	5
Мосяков Д.В. Международная конференция в Пекине «Кризисное управление и кооперация на море в Тихоокеанской Азии» (краткий обзор)	11

Раздел 1. ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Бойцов В.В. Хозяйственное развитие стран Юго-Восточной Азии и проблема их дифференциации	15
Николаев В.П. Австралийский вариант: санкции против России.....	28

Раздел 2. ИДЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Мосяков Д.В. Перспективы российско-вьетнамского экономического сотрудничества	41
Кобелев Е.В. СССР/Россия – Вьетнам: фрагменты истории.....	45
Локшин Г.М. Политическое сотрудничество России и Вьетнама	55
Соколов А.А. Российско-вьетнамское сотрудничество в области образования.....	64
Фомичева Е.А. Роль религии в общественной жизни и становлении государственности в Таиланде	69
Ряховская Е.И. Проблема маорийской преступности в Новой Зеландии.....	89
Мосолова О.В. Научно-техническая политика правительства Австралии	98
Селезнева А.С. Основные направления современной политики Австралии в области защиты традиционной культуры и интеллектуальной собственности аборигенов.....	107
Заказникова Е.П. Приоритеты внешней политики Австралии и проблема интеграции АТР	115

Раздел 3. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Астафьева Е.М. Сингапурский мятеж 1915 г. и Сингапурский бунт 2013 г.: трагическое стече- ние обстоятельств?	142
Скоробогатых Н.С. Австралия – СССР в 1940-е годы: динамика отношений. Часть 2. Время упущен- ных возможностей	155
Минина Ю.Д. Эволюция представлений о традиционном европейском костюме во Вьетнаме в XVIII – начале XX вв.	181

Раздел 4. ПРИЛОЖЕНИЯ

Аннотации, ключевые слова	195
Summaries and Key words	199
Сведения об авторах	203

С условиями публикации в сборнике можно ознакомиться в редакции по адресу:
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, ИВ РАН, Центр Юго-Восточной Азии,
Австралии и Океании, или отправив запрос по электронной почте:

sea-apd@bk.ru, uva6254535@yandex.ru

©

*Мосяков Д.В.
Астафьева Е.М.
ИВ РАН*

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИХ
ОТНОШЕНИЙ на НОВОМ ЭТАПЕ»
(краткий обзор)**

21 ноября 2014 г. в Институте востоковедения РАН состоялся Научно-практический семинар «Перспективы развития российско-вьетнамских отношений на новом этапе». С приветствием к участникам семинара обратился заместитель директора ИВ РАН, доктор исторических наук В.Я. Белокреницкий. Он подчеркнул важность российско-вьетнамских отношений, которые имеют глубокие корни и, несомненно, самые благоприятные перспективы. В.Я. Белокреницкий высказал убеждение в том, что предстоящий визит Генерального секретаря ЦК Компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга в Москву послужит дальнейшему развитию дружбы и сотрудничества между двумя странами и пожелал участникам семинара успешной работы.

В ходе работы семинара были рассмотрены и проанализированы вопросы истории российско-вьетнамских отношений, дан анализ их современного состояния, и намечены ключевые перспективы их дальнейшего развития. Проведение семинара было приурочено к важному событию в российско-вьетнамских отношениях - визиту Генерального секретаря ЦК Компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга в Москву. В докладах, с которыми выступили такие известные специалисты по Вьетнаму и Юго-Восточной Азии как Е.М. Кобелев, Г.М. Локшин, Д.В. Мосяков, А.А. Соколов, А.П. Цветов, Е.В. Колдунова рассматривались как вопросы истории отношений СССР и России с Вьетнамом, так и проблемы политического сотрудничества и взаимодействия России и Вьетнама на международной арене, экономическое сотрудничество и обмены в сфере культуры и образования.

В докладе, с которым выступил Е.В. Кобелев¹ указывалось, что на протяжении 40 лет, начиная со дня признания Советским Союзом Демократической Республики Вьетнам (30 января 1950 г.), две наши страны были связаны настолько тесными узами сотрудничества, что в результате сформировалось «универсальное явление» международных отношений того времени – «братская советско-вьетнамская дружба». Именно этими словами характеризовалось наше сотрудничество в партийных и государственных документах обеих стран, в политических и научных статьях вьетнамских и советских авторов. Е.В. Кобелев в своем докладе привел малоизвестные данные, которые без каких-либо комментариев показывают масштабы взаимного сотрудничества. С 1953 г. по 1991 г. общий объем поставок советского вооружения и военной техники составил в ценах того времени 15,7 млрд. долл. В частности, было поставлено: 2000 танков, 1700 БТР, 7000 орудий и минометов, свыше 5000 зенитных пушек и установок, 158 зенитно-ракетных комплексов, свыше 700 боевых самолетов, 120 вертолетов, свыше 100 боевых кораблей, введено в строй 117 военных объектов.

Неоценимый вклад в победу вьетнамского народа внесли советские военные специалисты. По данным ГОУ Генерального штаба ВС СССР, с 11 июля 1965 г. по 31 декабря 1974 г. в боевых действиях во Вьетнаме приняли участие 6359 офицеров и генералов и более 4,5 тыс. солдат и сержантов советских Вооруженных сил.

В докладе Г.М. Локшина², в котором затрагивались вопросы стратегического партнерства России и Вьетнама автор указал, что сегодня российско-вьетнамские отношения являются важным фактором обеспечения мира и безопасности, как в Юго-Восточной Азии, так и в целом в АТР. Их международная значимость особенно возросла после подписания в 2001 г. Декларации о стратегическом партнёрстве между РФ и СРВ. В июле 2012 г. стороны приняли решение повысить статус этих отношений до уровня «всеобъемлющего стратегического партнёрства». Как считает Г.М. Локшин это относительно новая формула во-

¹ См. Кобелев Е.В.

² См. Локшин Г.М.

шла в международные отношения вместо широко известной в прошлом формулы «мирного сосуществования государств с различным социальным строем». Она включает в себя все известные принципы концепции мирного сосуществования: ненападение, невмешательство, добрососедство и равноправное взаимовыгодное сотрудничество. Сегодня, подчеркнул Г.М. Локшин, между РФ и СРВ выстроена разветвленная система активных политических контактов и диалога как на высшем, так и на всех других уровнях. Президент РФ уже трижды побывал с визитами в СРВ. Аналогично все руководители СРВ поочередно побывали с ответными визитами в РФ. Установлен постоянно действующий диалог между министерствами иностранных дел, обороны, различными ведомствами и крупнейшими корпорациями обеих стран. Большое значение обе стороны придают сотрудничеству по линии народной дипломатии. Каждый визит на высшем и высоком уровне – это важный шаг в развитии двустороннего сотрудничества. Без сомнения, что предстоящий визит Генерального секретаря ЦК Компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга покажет единство по ключевым международным вопросам руководства России и Вьетнама, даст новый импульс для раскрытия огромного потенциала взаимного сотрудничества.

В докладе Д.В. Мосякова главное внимание было уделено современному состоянию экономических связей, особенно взаимных инвестиций и товарооборота. В докладе отмечалось, что в 2013 г. объем товарооборота России с Вьетнамом по данным Федеральной таможенной службы России, увеличился на 8,5% по сравнению с 2012 г. и составил \$3,9 млрд. долларов, при этом российский импорт из Вьетнама увеличился на 14,3%, а экспорт сократился на 1,1%. Доля Вьетнама в общем российском товарообороте в 2013 г. составила 0,43%. По данным вьетнамской статистики, доля России во вьетнамском экспорте составила 1,44%, во вьетнамском импорте — 0,65% (в 2012 году — 0,73%).

Прямо скажем, указал Д.В. Мосяков, эти цифры совсем не впечатляют, хотя, с другой стороны, почти 4 млрд. долларов товарооборота сегодня неплохо с учетом того, что еще недавно лидеры двух стран ставили задачу выйти на 1 млрд. долларов во взаимной торговле. Что касается инвестиций, то Д.В. Мосяков отметил, что по состоянию на начало 2014 г. накопленный объ-

ем прямых вьетнамских инвестиций в России составил 2,47 млрд. долл. США. Этот объем вложен в 19 проектов на нашей территории. Подавляющая доля вьетнамских инвестиций – 91% приходится на российско-вьетнамские проекты сотрудничества в нефтегазовой отрасли. В свою очередь по данным вьетнамской статистики Россия к 2013 г. занимала лишь 18 место по общему объему инвестиций в 1,95 млрд. долл. США.

Ситуация, по мнению Д.В. Мосякова, должна принципиально измениться, когда будет подписано соглашение и зарабатывает зона свободной торговли между Россией и Вьетнамом. Это позволит, считает автор, организовать настоящий прорыв во взаимных связях и в товарообороте и в инвестициях. В этой связи крайне важным представляется предстоящий визит в Москву генерального секретаря ЦК Компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга. Известно, что руководство обеих стран полно решимости развивать и расширять взаимное сотрудничество, укреплять его geopolитическое, и экономическое содержание. Во время визита по всей видимости будет уточнена дорожная карта сотрудничества, в соответствии с которой к 2020 г. обе страны рассчитывают путем ускоренного развития взаимных связей и инвестиций, расширения контактов и обменов на всех уровнях достичь взаимного товарооборота на уровне 10 млрд. долларов в год.

В докладе А.П. Цветова основное внимание было уделено понятию «стратегическое партнерство» применительно к российско-вьетнамским отношениям. Автор приходит к выводу, что сегодня политическое руководство двух стран рассчитывает, что по мере развития и роста влияния России и Вьетнама в Азии и мире СРВ станет центральным элементом российской внешней политики в Юго-Восточной Азии. Он считает, что стратегическое сотрудничество России и Вьетнама является взаимовыгодным и отвечает национальным интересам двух стран, а документом наивысшего уровня, где российско-вьетнамские отношения наделяются статусом «всеобъемлющего стратегического партнерства», является Концепция внешней политики РФ 2013 г.

В докладе А.А. Соколова³ основное внимание уделяется проблемам российско-вьетнамского сотрудничества в сфере

³ См. Соколов А.А.

культуры и образования. Автор, в частности, указывает, что на современном этапе вьетнамская сторона проявляет большую активность и результативность в поддержании и развитии российско-вьетнамских связей в области литературы и культуры. Во Вьетнаме постепенно возвращается интерес к русской, особенно современной, литературе. В прессе чаще публикуются статьи о русской литературе, высказываются мнения о необходимости переводить современных российских авторов. Среди вьетнамских читателей есть немало людей, которые учились и работали в Советском Союзе, а затем в России. И они хотят знать, какие события происходят в стране, в которой они провели часть своей жизни, какие новые авторы появились, что любят читать современные россияне. В литературных журналах и газетах печатаются произведения современных прозаиков и поэтов. За последние годы во Вьетнаме были выпущены отдельные книги таких авторов, как Р. Гамзатов, В. Токарева, А. Маринина, С. Лукьяненко, опубликованы сборники рассказов, в том числе Л. Улицкой, Т. Толстой, В. Пелевина, С. Довлатова, Ю. Бuida, В. Маканина и др. Также издаются научные исследования и учебные пособия по русской словесности.

Особенностью современных российско-вьетнамских связей, считает А.А. Соколов, является деятельность различных практических творческих, культурных и исследовательских центров в обеих странах. Наиболее показательный пример – Центр по изучению культуры и языков «Восток - Запад» (Trung tâm văn hóa và ngôn ngữ Đông Tây) в Ханое. Вокруг него объединились талантливые переводчики и серьезные исследователи: Доан Ты Хюен, Тхюи Тоан, Ву Тхе Кхой, Дао Туан Ань, Ле Van Нян и др. За последние годы усилиями этого центра во Вьетнаме были опубликованы многие произведения М. Булгакова, И. Тургенева, М. Лермонтова, а также других русских и советских авторов.

Относительно российско-вьетнамского сотрудничества в сфере образования докладчик указал, что с 1951 г. и примерно до распада СССР в Советском Союзе получили высшее, а также среднее и специальное образование (преимущественно техническое) около 30 тыс. граждан Вьетнама. За последующие 15 лет российские вузы окончили ещё свыше 20 тыс. вьетнамцев. Кро-

ме того, более 2 тыс. вьетнамских граждан стали в СССР/ России кандидатами наук, а более 200 – докторами науки.

В настоящее время граждане в России обучается около 6000 вьетнамских студентов, которые обучаются на бюджетной основе – по квоте, и на платной основе. Они по-прежнему отдают предпочтение инженерно-техническим специальностям, архитектурно-строительного профиля (8,5%), электронной технике, радиотехнике, связи и оптике (4,1%), авиационной и ракетно-технической технике (3,7%), робототехнике и комплексной автоматике, а также биомедицине и биотехнологии (3,3%).

В докладе Е.В. Колдуновой отмечалось, что российско-вьетнамские отношения являются важным элементом всей системы международных отношений не только в Юго-Восточной Азии, но и в Азии в целом. Она в частности указала, что российско-вьетнамские связи оказывают большое влияние на взаимодействие России и Вьетнама в ключевых международных организациях, таких как ВАС, АСЕМ, АТЭС.

При подведении итогов научного семинара участники выразили мнение о том, что российско-вьетнамские связи имеют сегодня как никогда важное значение для обеих стран, что и у России и у Вьетнама есть общие геополитические интересы и вызовы, которые служат надежным фундаментом крепнущих связей и, что визит Генерального секретаря ЦК Компартии Вьетнама в Москву подчеркивает доверительный и близкий характер отношений двух стран.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ в ПЕКИНЕ
«КРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ и КООПЕРАЦИЯ на МОРЕ
в ТИХООКЕАНСКОЙ АЗИИ»
(краткий обзор)**

24-25 ноября 2014 г. в Пекине под эгидой Китайского института международных исследований состоялась международная конференция «Кризисное управление и кооперация на море в Тихоокеанской Азии». В конференции приняли участие представители и видные ученые главным образом из азиатских стран - Индонезии, Камбоджи, Вьетнама, Малайзии, Бангладеш, Индии, Японии, России. От США было приглашено несколько представителей, от Европы - никого. Если западные специалисты и были, то они, как Марк Валенсия или Гвен Робинсон¹, представляли азиатские страны.

Еще одна особенность конференции заключалась в том, что на ней с установочными докладами выступили действующие китайские дипломаты – главы отдельных департаментов, которые должны были разъяснить наиболее сложные вопросы китайской политики. Выступление одного из них И Сяньляня², было довольно жестким и бескомпромиссным, другое же Тан Циншена³ - намного более мягким и компромиссным. И Сяньлян заявил в частности, что с точки зрения географии у Китая не очень удобная позиция в отношении выхода флота в открытый Океан. Китай окружен закрытыми и полузакрытыми морями. Такое положение автоматически ведет к конфликтным ситуациям. Но Китай сегодня «не идет на разжигание конфликта и благодаря этому страны Юго-Восточной Азии живут в мире и процветании». Стратегия Китая, указал этот докладчик, - *win-win cooperation* и

¹ М. Валенсия представлял Китай, Гвен Робинсон – Таиланд.

² Yi Xianliang (Deputy Director General Department of boundary and Ocean affairs, VFA, PRC).

³ Tan Qingsheng (Director, Department of Asian affairs, MFA, PRC).

страна стремится развивать взаимовыгодные отношения со всеми своими соседями на двусторонней основе.

Относительно ситуации в морях окружающих Китай И Сяньлян указал на несколько важных вещей: 1) КНР и США должны приспособиться (*adobter*) друг к другу иначе будут большие проблемы; 2) в морях вокруг Китая преобладает тенденция к стабильности; 3) конфликты Китая политизируются международной прессой, которая показывает негативную роль Китая в отношениях с соседями; 4) 80% за то, что Китай не будет эскалировать ситуацию.

Вот уже 40 лет, сказал он, Китай успешно разрешает конфликты на 12 границах по суше. Морские конфликты по поводу границ следует контролировать с помощью UNCLOS⁴, так как Китай является сегодня морской державой и будет строить себя в этом же качестве и дальше, увеличивая свои возможности в окружающих морях. В качестве базовой политики Китай предполагает выстраивать мягкую архитектуру (*soft architecture*) в отношениях с соседями, развивать морскую осторожность.

Докладчик также отметил, что 9-ти пунктирная линия, пересекающая Южно-Китайское море, впервые появилась еще на гоминьдановских картах в 1948 г. С тех пор ничего принципиально не изменилось в этом вопросе и, поэтому сегодня «Китай претендует на все острова Наньша, так как это есть наш континентальный шельф».

Особенно жестко чиновник МИД КНР высказался относительно отношений с Японией. Он сказал, что «Желтое море и Восточно-Китайское море - ключевые для Китая. Дайюдао (Сенкаку - яп.) – это, как показывает история, китайские острова. С Японией относительно них у нас нет территориального вопроса. Вопрос только в том, когда Япония добровольно вернет эту территорию». На этот вопрос пока нет ответа, поэтому эскалация ситуации в районе этих островов вполне реальна. Определенные претензии представитель МИД КНР высказал также и в отношении корейских властей, которые задерживают китайских рыбаков в международных водах и препятствуют их промыслу.

⁴ UNITED NATIONS CONVENTION ON THE LAW OF THE SEA - конвенция ООН по морскому праву от 1982 г.

Другой представитель китайского МИД Тан Циншен в своем выступлении был более оптимистичен и настроен на компромисс. Он указал на важность для развития сотрудничества со странами ЮВА фонда Китай-АСЕАН, в который уже переведено Китаем 3 млрд. юаней. В рамках этого фонда реализуется, как он сказал, 17 программ сотрудничества. Он также указал на значимость нового глобального китайского проекта Шелкового пути, подчеркнув одинаковую значимость и сухопутного и морского коридоров. В целом он выразил убежденность в том, что противоречия между Китаем и странами АСЕАН не носят глубокого характера - они вполне преодолимы и сотрудничество Китая и стран АСЕАН дальнейшем, будет только расширяться.

Что касается выступлений собственно ученых-участников конференции, то они носили главным образом практический характер и были по большей части посвящены выработке конкретных мер для укрепления безопасности и доверия на море, вроде совместных проектов в сфере морских культур, в хозяйственном освоении, в борьбе с загрязнением моря. Индонезийский представитель Хашим Джалал выказал озабоченность и сказал, что в Индонезии нервничают, когда «китайский флот входит в Индийский Океан, а индийский – в Тихий». Одним из китайских участников было высказано предложение о том, что если рыбаки из соседней страны заходят в спорные воды, то не следует их арестовывать. Представитель Филиппин в свою очередь указал, что международный арбитраж может быть наилучшим способом разрешить проблемы и, что Филиппины осуждают Китай за отказ от арбитража. В целом никто из участников конференции ни в докладах, ни в комментариях и вопросах, ситуацию не обострял и даже индийский представитель Виджай Сахуджа, традиционно осуждающий Китай за экспанссионистскую политику в отношении Индии, высказался за поиски взаимоприемлемых решений.

Марк Валенсия - один из наиболее авторитетных американских аналитиков морских конфликтов, работающий сегодня на китайский исследовательский институт, выступил за важность американо-китайского консенсуса, приветствовал подписание документа о мерах доверия на море, которое было заклю-

чено между Китаем и США вскоре после прошедшего недавно саммита АТЭС в Пекине.

В целом, конференция в Пекине запомнилась тем, что, с одной стороны, на ней не звучало политических обвинений и все происходило в рамках академической вежливости, а с другой - наиболее жесткие заявления были сделаны не учеными, а чиновниками МИД Китая. В своих докладах они четко дали понять неизменность как китайской позиции по островам в Южно-Китайском и в Восточно-Китайском море, так и в отношении США, политика которых в Азии упоминалась и в официальных и собственно научных докладах. Из всего комплекса упоминаний американской политики и интересов вырисовывается главная тема китайской политики - желание КНР заключить глобальный компромисс с американцами в Азии на выгодных для себя условиях. Что касается России, ее политики и интересов в Азии и АТР упомянуто не было вообще, за исключением выступления российского участника. Создается ощущение, что ни научная общественность стран Азии, ни китайские ученые и политики еще не свыклись с мыслью о том, что Россия превращается в полноправного участника азиатских политико-экономических процессов и ее роль и влияние может быть значимы для их позитивного развития.

©

Бойцов В.В.
ИСАА МГУ

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ и ПРОБЛЕМА ИХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

С включением в состав АСЕАН во второй половине 1990-х гг. Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи сообщество завершило объединение всех стран региона ЮВА в единую интеграционную группировку. В связи с этим, естественно, возникает вопрос о результатах совместного развития стран-членов АСЕАН в новых условиях и, прежде всего, темпах их экономического роста, структуре производства, положении в мировом хозяйстве и т.п. Не менее важным представляется и вопрос о дифференциации стран-членов группировки и степени ее однородности и основных их тенденциях, обнаружившихся в эти годы.

В целом, для исследуемого периода, с 1996 по 2012 гг., характерна тенденция к постепенному затуханию темпов экономического развития региона. Если в предшествующий, аналогичный по продолжительности, период времени 1980-1996 гг. темпы роста ВВП в ЮВА достигали в среднем в год 6,2%, то в 1996-2012 гг. они снизились до 4,5%, или на 1,7 процентных пункта (п.п.). В то же время среднегодовые темпы роста мировой экономики снизились с 2,9% до 2,8%, или всего на 0,1 п.п., а всех развивающихся стран, вместе взятых, даже возросли – с 3,5% до 5,8%, или на 2,3 п.п. В результате вклад стран АСЕАН в мировое производство хотя и увеличился, но весьма незначительно – с 1,9% до 2,4%, или на 0,5 п.п., а в совокупное производство развивающихся стран и вовсе сократился – с 11,5% до 9,5%, или на 2,0 п.п. Соответствующие перемены произошли и в производстве ВВП на душу населения. Если с 1996 по 2012 гг. ВВП на душу населения в странах региона, в сопоставлении со средним для всего мирового хозяйства, повсеместно, за исключением Таиланда, увеличился в 1,1 – 3,1 раза, то аналогичный показатель, в сопоставлении со средним для развивающихся стран, за исключением Вьетнама и Брунея, напротив, снизился в

1,01 – 2,1 раза¹. С точки зрения автора, все эти факты, свидетельствуют о постепенном перемещении стран ЮВА из центра хозяйственной динамики развивающихся стран на ее периферию.

Сходные процессы наблюдаются и в сфере экспортной торговли, сыгравшей в прошлом столь важную роль в ускорении темпов экономического роста большинства стран региона. Так, среднегодовые темпы роста экспорта товаров и услуг странами региона сократились с 9,1% в 1980-1996 гг. до 6,1% в 1996-2012 гг., или на 3 п.п., тогда как во всей мировой торговле возросли с 5,4% до 5,7%, или на 0,3 п.п., а во внешней торговле развивающихся стран – с 5,5% до 8,3%, или на 2,8 п.п. В результате удельный вес региона в мировом экспорте товаров и услуг, хотя и возрос, но всего лишь с 5,7% до 6,1%, или на 0,4 п.п., тогда как его вклад в международную экспортную торговлю развивающихся стран сократился с 30,5% до 22,4%, или на 8,1 п.п.

Вместе с тем, в большинстве стран ЮВА экспортные операции все еще остаются важнейшим, а иногда и все возрастающим фактором их экономического развития. Например, доля экспортной торговли в ВВП возросла с 1996 по 2012 гг. в Лаосе на 13,2 п.п., в Сингапуре – на 19,1 п.п., в Брунее – на 21,4 п.п., в Камбодже – на 29,1 п.п., в Таиланде – на 36,0 п.п., во Вьетнаме – на 39,0 п.п. и достигла в Лаосе 36,2%, в Камбодже – 54,1%, в Таиланде – 75,0%, во Вьетнаме – 80,0%, в Брунее – 81,4% и в Сингапуре, благодаря реэкспорту, – 195%. При этом, несмотря на некоторое снижение удельного веса экспортных операций в общественном производстве Малайзии, (на 5,1 п.п.), она составила там значительную величину – 87,0%. Все эти показатели превышают средние индикаторы для всего мирового хозяйства, а также для развивающихся стран в целом, составившими в 2012 г. соответственно 30,3% и 28,2%.

Еще более заметным, несмотря на абсолютный рост, оказалось снижение динамики прямых иностранных инвестиций (ПИИ), размещаемых в странах ЮВА. Если в 1980-1996 гг. темпы роста новых чистых ПИИ составляли в среднем в год 16,5%, то в 1996-2012 гг. – 9,3%, или на 7,2 п.п. меньше. В то же время во всем мировом хозяйстве они снизились всего с 9,8% до 9,5%, или на 0,3 п.п., а в развивающихся странах, вместе взятых даже

возросли – с 2,6% до 11,6%, или на 9,0 п.п. В результате вклад новых чистых ПИИ в страны региона в их перемещение в масштабах всего мирового хозяйства, хотя и возрос, но на весьма незначительную величину – 0,2 п.п., тогда как их удельный вес в притоке этих инвестиций в развивающиеся страны сократился с 24,4% до 11,6%, или на 12,8 п.п., что свидетельствует о заметном снижении интереса международных инвесторов к размещению своего капитала в странах ЮВА, по сравнению с новыми быстро развивающимися экономиками и прежде всего Китаем, Индией, странами Латинской Америки и некоторыми другими.

Вместе с тем роль новых ПИИ в экономике многих стран региона продолжает оставаться заметной. Так, вклад чистых ПИИ в ежегодный приток новых капиталовложений за период с 1996 по 2012 гг. увеличился в Малайзии на 0,3 п.п., в Таиланде – на 6,7 п.п., в Камбодже – на 14,0 п.п. и в Сингапуре – на 41,5 п.п. В результате удельный вес ПИИ в новых инвестициях достиг в 2012 г. в Таиланде 9,8%, в Малайзии – 12,4%, в Сингапуре – 70,2% и в Камбодже – 71,2%, что свидетельствует о заметной и даже решающей роли иностранного капитала в экономическом развитии этих стран. В большинстве случаев эти показатели превышают средние как для мирового хозяйства, так и для развивающихся стран в целом, составивших в 2012 г. соответственно 8,8% и 8,0%. Даже в тех странах региона, где в последние годы наметилось сокращение вклада новых иностранных капиталовложений в инвестиционный процесс, он остается весьма заметным, а подчас и значительным. Например, на Филиппинах, удельный вес ПИИ в новых капиталовложениях за рассматриваемый период сократился на с 7,6% до 7,0%, в Индонезии – с 8,9% до 6,4% и во Вьетнаме – с 36,6% до 19,7%.

В целом, как мы видим, состояние и перспективы развития экономики большинства стран ЮВА, несмотря на сокращение относительных масштабов их в мировом хозяйстве и среди развивающихся стран, по-прежнему находятся в зависимости, во многих случаях даже возрастающей, от объема, структуры, и динамики их внешнеэкономических связей.

Появление новых, понижательных тенденций в динамике экономического развития стран ЮВА после завершения формирования АСЕАН в границах всего региона, с точки зрения авто-

ра, скорее всего не связано с этим фактом, также как и с дефектами организации и функционирования группировки. Скорее всего, по его мнению, этот процесс связан со структурной перестройкой, наметившейся в рассматриваемый период в большинстве стран ЮВА. Главное направление этой перестройки заключается в постепенном сокращении темпов и масштабов роста обрабатывающей промышленности и соответственно вклада этой отрасли в общественное производство. Так, с 1996 по 2012 гг. удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП снизился в Брунее на 0,6 п.п., в Индонезии – на 1,7 п.п., на Филиппинах – на 2,3 п.п., в Малайзии – на 3,6 п.п., в Сингапуре – на 4,5 п.п. и в Лаосе – на 7,4 п.п. и лишь в трех странах – Вьетнаме, Таиланде и Камбодже увеличился, весьма незначительно – соответственно на 2,2 п.п., 4,3 п.п. 5,4 п.п. В результате удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП составил в 2012 гг. в Лаосе 8,4%, в Брунее – 11,8%, в Камбодже – 16,0%, во Вьетнаме – 17,4%, на Филиппинах – 20,5%, в Сингапуре – 20,7%, в Индонезии – 23,9%, в Малайзии – 24,2% и в Таиланде – 34,0%, что, как правило, выше или практически равно аналогичному показателю для мирового хозяйства, составившего в 2011 г. 16,1%, и в то же время в большинстве случаев ниже соответствующего среднего индикатора для развивающихся стран, равного в том же 2011 г. 21,1%².

Перемены в динамике обрабатывающей промышленности большинства стран региона вызвали и изменения во всем их индустриальном секторе. В первую очередь они затронули страны, которые прежде других приступили к промышленному строительству – Филиппины, Малайзию и Сингапур, где вклад индустриального сектора в их производство за рассматриваемый период сократился соответственно на 1,1 п.п., 2,7 п.п. и 6,5 п.п. и достиг в Сингапуре 26,7%, на Филиппинах – 31,1% и в Малайзии – 40,8%, приблизившись к аналогичному показателю для всего мирового хозяйства, равному в 2012 г. 26,7% и оказавшись в Сингапуре и на Филиппинах ниже среднего индикатора для развивающихся стран. – 35,9%.

Параллельно в большинстве стран региона стала постепенно просматриваться тенденция к более быстрому расширению сферы услуг, главным образом за счет ее современных отраслей.

Так, за 1996-2012 гг. вклад сферы услуг в производство ВВП возрос в Камбодже на 3,4 п.п. в Малайзии – на 4,3 п.п., в Сингапуре – на 6,6 п.п., на Филиппинах – на 9,8 п.п. и в Лаосе – на 10,2 п.п. В Индонезии и во Вьетнаме он остался практически без изменений и лишь в Брунее и Таиланде сократился соответственно на 5,5 п.п. и 14,4 п.п.

Однако, несмотря на позитивную динамику, удельный вес услуг в общественном производстве почти всех стран ЮВА, за исключением Сингапура и Филиппин, остается ниже, чем во всем мировом хозяйстве и в группе развивающихся стран. Так в 2012 г. доля сферы услуг в ВВП составила в Брунее 28,2%, в Лаосе – 35,8%, в Индонезии – 38,6%, в Камбодже – 40,1%, во Вьетнаме – 41,7%, в Таиланде – 44,2%, в Малайзии – 49,1%, на Филиппинах – 57,1% и в Сингапуре – 73,2%, тогда как во всем мировом хозяйстве она достигла 70,2%, а в группе развивающихся стран – 53,8%.

Таким образом, можно констатировать, что в ЮВА в рассматриваемое время наметился поворот от форсированной индустриализации, осуществлявшейся за счет ускоренного развития, прежде всего отраслей обрабатывающей промышленности, и обеспечивавшей в целом высокие и устойчивые темпы их экономического роста, к постепенной сервисизации их экономики, более характерной для современного этапа экономического развития и нередко сопровождающейся снижением динамики хозяйственного роста.

Изменения в темпах, структуре и других составляющих хозяйственного комплекса повлияли и на уровень и особенности дифференциации стран ЮВА как по компонентам их экономической и социальной сферы, так и отдельным странам. Для оценки масштабов и динамики этого процесса были выбраны шесть индикаторов, характеризующих важнейшие составляющие современного хозяйства, являющиеся репрезентативными для всех стран региона, независимо от уровня и специфики их экономического развития, и обеспеченные сопоставимыми статистическими показателями. Поэтому, например, пришлось отказаться от использования такого важного для большинства стран региона индикатора, как урожайность зерновых культур и прежде всего риса, так как он не может быть учтен при оценке

уровня экономического развития Сингапура из-за отсутствия в стране этой отрасли. В то же время отсутствие большинства необходимых статистических показателей и ненадежность имеющихся в наличии вообще не позволили включить в расчеты одну из стран региона – Мьянму.

В итоге для анализа были оставлены следующие индикаторы: ВВП на душу населения, производимый в течение года; подушевое потребление энергии за год в нефтяном эквиваленте; удельный вес занятых вне аграрного сектора во всем экономическом активном населении; доля обрабатывающей промышленности в производстве ВВП; валовые инвестиции на душу населения и, наконец, удельный вес высокотехнологичной продукции в экспорте.

Для оценки степени дифференциации в регионе по указанным выше признакам использовался коэффициент вариации, называемый также коэффициентом однородности³.

Результаты расчетов свидетельствуют, что, по данным на 1996 г., коэффициенты вариации почти всех перечисленных нами признаков, характеризующих уровень экономического развития стран ЮВА, за исключением одного – коэффициента доли обрабатывающей промышленности в ВВП, не позволяют говорить о какой-либо даже минимальной хозяйственной однородности региона, так как находятся в пределах от 53,5% до 159,0%, т.е. являются либо полностью, либо даже слишком неоднородными. Что касается коэффициента вариации доли обрабатывающей промышленности в общественном производстве – 39,4%, то его величина дает возможность оценить эту совокупность всего лишь как находящуюся в стадии перехода от неоднородной к однородной. И хотя расчеты, выполненные на основе данных 2012 г., констатируют, что по всем исследуемым параметрам, кроме показателя валовых инвестиций на душу населения, коэффициенты вариации снизились и тем самым обнаружили тенденцию к некоторому сближению хозяйственных структур стран ЮВА, эти перемены оказались столь незначительными, что не изменили принципиально оценку уровня хозяйственной дифференциации, сложившейся в регионе. В самом деле, почти все коэффициенты вариации указанных признаков, кроме все того же коэффициента доли обрабатывающей про-

мышленности в ВВП, располагаются в интервале от 44,8% до 153,8%, а коэффициент вариации доли обрабатывающей промышленности в ВВП снизился за рассматриваемый период всего лишь до 37,9%, что по-прежнему позиционирует эту совокупность как находящуюся в стадии перехода от неоднородности к однородности (см.: Приложение 1).

Если перейти теперь от характеристики хозяйственной дифференциации в регионе в целом по выбранным компонентам к анализу дифференциации между отдельно взятыми странами, то последняя достаточно наглядно характеризуется с помощью показателей степени сходства (близости) или расстояния между отдельными объектами (странами).

Существуют разные способы измерения этого расстояния. Среди них наиболее предпочтительными, на взгляд автора, представляются те из них, что дают возможность провести многомерную классификацию исследуемых объектов и расположить их в иерархической последовательности согласно увеличению расстояния между ними.

Из всех такого рода многочисленных способов измерения расстояния между исследуемыми объектами автор выбрал один, относящийся не только к числу сравнительно простых, но и сравнительно широко распространенных – так называемое евклидово расстояние. Для целей данного исследования достаточным было найти относительную степень близости между рассматриваемыми объектами (странами) или их местоположение по отношению к какому-либо одному из этих объектов (стран). В качестве такого «эталонного» объекта был выбран экономический лидер региона – Сингапур, расстояние до которого от каждого объекта (страны) после так называемого нормирования разностей было измерено с помощью соответствующих расчетов⁴. Статистическую базу расчетов составили выделенные ранее и использованные в других целях компоненты (признаки) и их индикаторы.

Результаты анализа говорят, прежде всего, о наличии в 1996 г. громадного разрыва в уровнях экономического развития между Сингапуром, с одной стороны, и всеми другими странами ЮВА, с другой. И, во-вторых, свидетельствуют о сложившейся в регионе к тому времени иерархии отдельных стран и их групп.

Эта иерархия, судя по расчетам автора, имела в указанное время следующий вид. Во главе ее, как уже говорилось, с большим отрывом находился Сингапур, далее – Бруней и Малайзия, затем – Таиланд, Филиппины и Индонезия, за ними – Вьетнам и Лаос и, наконец, – Камбоджа.

Спустя 16 лет, в 2012 г. разрыв в уровнях экономического развития между Сингапуром и другими странами региона не только не сократился, но еще больше увеличился. Еще больше отдалилась от ближайших соседей пара Бруней – Малайзия. В то же время круг стран, образующих среднюю часть иерархии расширился (за счет Вьетнама, покинувшего связку с Лаосом) и несколько «уплотнился». И последнее, произошли, хотя и весьма незначительные изменения позиций отдельных стран. Например, Филиппины переместились в региональной иерархии с пятого места на четвертое, а Камбоджа покинула последнюю позицию, вытеснив туда Лаос. В итоге иерархия стран ЮВА по уровню экономического развития приняла в 2012 г. следующий вид: Сингапур, за ним – все те же Бруней и Малайзия, затем – Филиппины, Таиланд, Индонезия и Вьетнам, и наконец, новая пара – Камбоджа и Лаос (см.: Приложение 2).

Для оценки степени дифференциации стран ЮВА по качеству жизни была использована та же методика, что и в процессе анализа меры их однородности по уровню экономического развития. В качестве основных показателей, положенных в основу расчетов были выбраны индикаторы, являющиеся репрезентативными для всех стран региона, независимо от их величины, объема, структуры и особенностей производства и т.п. и широко используемых специалистами и аналитиками порознь или в различных комбинациях: объем ВВП, направляемый на потребление, в пересчете на душу населения; средняя ожидаемая продолжительность жизни; количество потребляемых калорий в день на душу населения; удельный вес грамотных во всем взрослом населении; вовлеченность женщин в трудовую деятельность и количество персональных компьютеров на 1000 человек.

Результаты расчетов свидетельствуют, прежде всего, о значительно большей взаимной близости стран региона по качеству жизни, чем по уровню экономического развития. Так, по данным

на 1996 г., коэффициенты вариации трех из шести индикаторов, характеризующих качество жизни, а именно среднюю продолжительность ожидаемой жизни (9,4%), количество потребляемых в день калорий на душу населения (14,1%) и вовлеченность женщин в трудовую деятельность (20,4%) позволили считать эти совокупности вполне однородными. Еще одна совокупность – показателей удельного веса грамотных во всем взрослом населении (35,3%) могла быть квалифицирована как находящаяся в стадии перехода от неоднородной к однородной. И только две совокупности – характеризующие объем ВВП, направляемого на потребление на душу населения (154,0%) и количество компьютеров на 1000 человек (172,4%) являлись не просто неоднородными, а слишком неоднородными.

К 2012 г. коэффициенты вариации всех исследуемых параметров снизились еще больше, а число индикаторов, относящихся к однородным, увеличилось с трех до четырех за счет включения в их число статистической совокупности, характеризующей удельный вес грамотных во всем взрослом населении. В итоге на указанную дату коэффициент вариации индикаторов вовлеченности женщин в трудовую деятельность в регионе составил в 3,9%, средней продолжительности ожидаемой жизни – 6,6%, удельного веса грамотных во всем взрослом населении – 8,3% и количества потребляемых в день калорий на человека – 8,5%. В то же время коэффициенты вариации показателей подушевого ВВП, направляемого на потребление, и количества компьютеров на 1000 человек, несмотря на некоторое снижение, остались на исключительно высоком уровне и соответственно составили 137,9% и 152,0%, что по-прежнему квалифицирует характеризуемые ими совокупности как слишком неоднородные (см.: Приложение 3).

Если теперь обратиться к дифференциации между отдельно взятыми странами ЮВА по качеству жизни, то здесь, как и в случае оценки их хозяйственной дифференциации, очевиден еще больше возросший с 1996 по 2012 гг. и без того громадный разрыв между все тем же Сингапуром, с одной стороны, и остальными странами региона, с другой. Сформировалась и следующая за Сингапуром пара – Бруней и Малайзия. Сложился и круг стран, образующий среднюю часть региональной иерархии

и охватывающий Таиланд, Вьетнам, Филиппины и Индонезию. Определилась и замыкающая пара – Камбоджа и Лаос. В то же время, если не считать Сингапур, в формирующейся иерархии произошло и некоторое ее общее «уплотнение». Если, например, разрыв между коэффициентами однородности, характеризующими качество жизни следующего вслед за Сингапуром Брунея и находящегося по этому показателю на последней позиции в регионе Лаоса, достигал в 1996 г 3,6 раза, то к 2012 г. он сократился до 2,1 раза (см.: Приложение 4).

Заметно большая степень однородности между странами ЮВА по качеству жизни, по сравнению с соответствующими показателями, характеризующими уровень их экономического развития, по мнению автора, является, прежде всего, следствием активной социальной политики руководства этих стран, направленной на повышение жизненного уровня их населения и обеспечение там социальной и политической стабильности в обществе и государстве.

В целом, приведенные выше факты и выполненные на их основе расчеты свидетельствуют о происходящей на протяжении последних полутора десятка лет в ЮВА смене тренда их развития. Во-первых, наметился переход от высоких темпов экономического роста к более умеренным. Во-вторых, произошел отказ от гипериндустриализации в пользу постепенной сервисизации. И, в-третьих, несмотря на сохраняющуюся высокую зависимость стран региона от международных экономических связей, их вклад в мировую торговлю и перемещение капитала заметно сократился.

Что касается внутрирегиональной дифференциации, то ситуация здесь более сложная и противоречивая. Во-первых, разрыв между экономическим лидером ЮВА – Сингапуром и всеми другими странами региона как по уровню хозяйственного развития, так и по качеству жизни не только не сокращается, но все больше возрастает. Во-вторых, в ЮВА начинает прослеживаться тенденция к формированию нескольких групп стран близких друг к другу по основным хозяйственным и социальным характеристикам. Так, например, складывается группа из двух стран – Брунея и Малайзии, которые по уровню экономического развития и качеству жизни стабильно находятся намно-

го ближе к лидеру – Сингапуру, чем все остальные страны региона. Вслед за этой группой формируется пока еще несколько растянутая, но постепенно сближающаяся в пространстве группа стран, которую можно было бы назвать группой середины или центра. И в конце иерархии находятся два откровенных аутсайдера – Камбоджа и Лаос. В-третьих, в ЮВА, если не считать Сингапур, идет процесс, пусть крайне медленного, «уплотнения» региональной иерархии и прежде всего группы середины (центра). И, в-четвертых, несмотря на некоторое улучшение коэффициентов однородности охваченных исследованием компонентов хозяйственного развития и качества жизни, многие из них, в особенности характеризующие уровень хозяйственного развития, продолжают оставаться неоднородными и даже слишком неоднородными. Автор полагает, что в обозримом будущем отмеченные тенденции развития стран ЮВА и эволюции их внутрирегиональной дифференциации в основных своих чертах сохранятся без каких-либо существенных изменений.

¹ Здесь и далее подсчитано по данным: The World Bank. Date. Indicators. – <http://data.worldbank.org/indicator/all>.

² Статистические показатели удельного веса обрабатывающей промышленности во всем мировом хозяйстве и в развивающихся странах в целом на более позднюю дату, чем 2011 г., в источнике отсутствуют.

³ Коэффициент однородности измеряет колеблемость (вариацию) группообразующего признака и дает представление о степени однородности статистической совокупности. Рассчитывается по формуле: $v = \delta / \bar{x} \cdot 100\%$, где \bar{x} – среднее арифметическое признака, а δ – его среднее квадратическое отклонение. Чем меньше величина коэффициента вариации, тем однороднее статистическая совокупность. Если он находится в пределах до 30%, то такая совокупность в целом признается однородной, от 30% до 50% – переходной от однородной к неоднородной, от 50% до 100% – неоднородной, а свыше 100% – слишком неоднородной.

⁴ $d_{ab} = \sqrt{(X_{a1} - X_{b1})^2 + (X_{a2} - X_{b2})^2 + \dots + (X_{ap} - X_{bp})^2}$, где d_{ab} – евклидово расстояние между объектами a и b ; X_{a1} – значение первого признака для объекта a ; X_{b1} – значение первого признака для объекта b ; X_{ap} и X_{bp} – значение признака p для объектов a и b .

Приложение 1
Коэффициент однородности стран ЮВА по уровню экономического развития, %*

Го- ды	ВВП на душу населе- ния в ценах 2005 г.	Потребле- ние энер- гии на душу населения, кг нефтя- ного экви- валента	Удель- ный вес занятых вне аг- рарного сектора во всем эконо- мически актив- ном населе- нии	Доля об- рабатывающей промышленности в ВВП	Вало- вые ин- вести- ции на душу населе- ния	Удель- ный вес высоко- техноло- гичной продук- ции во всем экс- порте
1996	159,0	135,5	53,5	39,4	142,2	109,6
2012	153,3	125,2	44,8	37,9	142,2	109,6

Подсчитано по: The World Bank. Data. Indicators. –

<http://data.worldbank.org/indicator/all>

Приложение 2

**Степень сходства (близости) между отдельными странами ЮВА по
уровню экономического развития, евклидово расстояние***

Страна	1966 г.	2012 г.
Бруней	2.662	2.909
Вьетнам	5.246	5.432
Индонезия	5.246	5.266
Камбоджа	4.417	6.192
Лаос	5.587	6.625
Малайзия	3.074	3.985
Мьянма	--	--
Сингапур	0.000	0.000
Таиланд	3.963	5.210
Филиппины	4.011	4.950

* Подсчитано по: The World Bank. Data. Indicators. –

<http://data.worldbank.org/indicator/all>

Приложение 3**Коэффициент однородности стран ЮВА по качеству жизни, %***

Го- ды	ВВП на потребле- ние на душу населения в ценах 2005 г.	Средняя ожидаемая продол- житель- ность жизни	Количе- ство по- требляе- мых кало- рий в день на душу населения	Удель- ный вес грамот- ных во всем взрослом населе- нии	Заня- тость среди взросло- го жен- ского населе- ния	Коли- чество компь- ютеров на 1000 человек
1996	154,0	9,4	14,1	35,3**	20,4	172,4
2012	137,9	6,6	8,5	8,3	3,9	152,0

* Подсчитано по: The World Bank. Data. Indicators. –

<http://data.worldbank.org/indicator/all>

** В 1997 г.

Приложение 4**Степень сходства (близости) между отдельными странами ЮВА по
качеству жизни, евклидово расстояние***

Страна	1966 г.	2012 г.
Бруней	1.536	3.722
Вьетнам	4.139	5.545
Индонезия	3.945	6.113
Камбоджа	5.195	7.302
Лаос	5.495	7.740
Малайзия	3.224	4.122
Мьянма	–	–
Сингапур	0.000	0.000
Таиланд	4.484	5.065
Филиппины	4.507	5.776

*Подсчитано по: World Bank. Data. Indicators. –

<http://worldbank.org/data/indicator>

©

Николаев В.П.
ИВ РАН

АВСТРАЛИЙСКИЙ ВАРИАНТ: САНКЦИИ ПРОТИВ РОССИИ

Восстановление исторической справедливости – вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации по результатам народного референдума, состоявшегося 16 марта 2014 г. вызвало резко негативную реакцию австралийского правительства. В преддверии референдума премьер-министр Австралии Тони Эбботт заявил о согласии с заявлением Барака Обамы, который охарактеризовал действия властей России как нарушающие международное право. Лидер парламентской оппозиции Билл Шортен (АЛП) сообщил, что поддерживает позицию правительства консерваторов.

По поручению министра иностранных дел Австралии Джули Бишоп 3 марта в МИД был вызван российский посол В.Н. Морозов, которому в официальной форме была выражена обеспокоенность австралийского правительства действиями России на Украине. Дж. Бишоп призвала разрешить конфликт путем дипломатических переговоров и российско-украинского диалога. В ответ В.Н. Морозов заявил, что он разделяет обеспокоенность австралийского правительства относительно стабильности на Украине, но отметил, что создавшееся положение трудно поддается решению. Разъясняя позицию России по крымской проблеме, посол сказал: «Российское правительство сделает все, что в его силах, чтобы защитить интересы русского населения Крыма»¹.

Австралия фактически признала новое украинское правительство, пришедшее к власти 22 февраля 2014 г. в результате государственного переворота, и призвала его и далее сохранять спокойствие. Было заявлено, что Австралия целиком поддерживает территориальную целостность и суверенитет Украины и считает применение силы совершенно неприемлемым.

Еще до введения санкций против России австралийские власти начали обострять австралийско-российские отношения.

Премьер-министр Т. Эбботт сообщил, что запланированный ранее визит в Россию министра торговли Эндрю Робба отменен. Также был исключен из графика визит в Австралию российского консультанта по национальной безопасности. Но по вопросу антироссийских санкций австралийское правительство определилось позднее, после консультаций с правительством Британии.

Еще 11 марта Д. Бишоп считала, что санкции против России в связи с событиями на Украине маловероятны. «Экономические и другие санкции обсуждаются. Этот вариант не исключается, но я не думаю, что США и Европа придут к консенсусу по этому вопросу.» – заявила она². На следующий день 12 марта в Лондоне в ходе ежегодной встречи министров обороны и министров иностранных дел Британии и Австралии прошли консультации и были согласованы позиции двух стран в отношении украинского кризиса и наказания России. Детально обсуждались перспективы Европейского Сообщества и Великобритании в связи с «русской интервенцией» на Украине и предстоящим референдумом в Крыму, также в Британском национальном совете безопасности и во время встречи австралийских министров с британским премьер-министром Дэвидом Кэмероном.

Аргументы против референдума в Крыму состояли в том, что в Конституции Украины нет положения о проведении регионального референдума по вопросу о выходе из состава страны; на результаты референдума повлияет присутствие войск России на полуострове; сам референдум подготовлен спешно.

«...Российская интервенция противоречит собственным российским соглашениям и договорам с Украиной, в то время как они обещали и, конечно, гарантировали защиту украинского суверенитета»³.

Нагнетание политической истерии и запугивание австралийцев началось еще в конце февраля. 1 марта Австралийское правительство изменило свои рекомендации для выезжающих на Украину. Ввиду нестабильной политической ситуации в Крыму и серьезного риска ее дальнейшей эскалации, а также потенциальной возможности применения силы правительство

Австралии повысило оценку уровня опасности для лиц, желающих выехать в Крым, до категории «выезд не рекомендуется», – сказано в заявлении, с которым Д. Бишоп выступила 2 марта. Гражданам Австралии, находящимся в Крыму, было рекомендовано проявлять повышенную бдительность и покинуть полуостров. В тех же случаях, когда отъезд небезопасен, ограничить свои передвижения, оставаться в помещениях и избегать демонстраций и больших скоплений людей.

Дж. Бишоп отметила, что на экстренных заседаниях Совета безопасности ООН «Австралия четко и твердо определила свою позицию: однозначная поддержка территориальной целостности и суверенитета Украины и абсолютная неприемлемость применения силы или угрозы применения силы»⁴.

В Совете безопасности и на заседании Генеральной Ассамблеи ООН Австралия голосовала за резолюции, осуждающие Россию. В выступлении Гэри Куинлана, посла и постоянного представителя Австралии при ООН на заседании 3 марта в Совбезе к России были предъявлены обвинения в нарушении норм международного права. Действия России «...идут в разрез с Уставом ООН. Они также противоречат договоренностям, в которых Россия является одной из сторон – а именно, Будапештскому меморандуму 1994 г., заключительному Акту Хельсинского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., а также Двустороннему договору 1997 г. о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной», – заявил австралийский представитель⁵.

19 марта австралийский министр иностранных дел Дж. Бишоп объявила о намерении ввести адресные финансовые санкции и запрет на въезд в Австралию в отношении лиц, причастных к нарушению со стороны России суверенитета и территориальной целостности Украины. «Я самым решительным образом осуждаю действия президента России Владимира Путина по аннексии Крыма, являющегося украинской территорией», – заявила министр⁶. Она определила, что на этом этапе вводимые Австралией санкции будут установлены против восьми российских и четырех украинских граждан, причастных к крымскому референдуму, имена которых не были названы из-

за опасения того, что эти лица попытаются вывести свои активы из страны.

Решение Австралии присоединиться к США и странам Западной Европы при введении антироссийских санкций было с одобрением оценено в выступлении британского министра иностранных дел Уильяма Хейга, сделанном им в Палате общин британского парламента. Дж. Бишоп также проинформировала о санкциях против временного министра иностранных дел Украины.

В начале недели премьер-министр Австралии Тони Эбботт сообщил, что правительство приняло решение об ужесточении санкций против России – теперь они будут соответствовать режиму санкций Европейского союза.

Премьер-министр Тони Эбботт сказал, что правительство Австралии крайне обеспокоено эскалацией военного конфликта в Украине, и новые санкции были введены после консультаций с партнерами Австралии в Европе, США и Канаде.

Тони Эбботт предупреждает: «Россия должна понимать, что, если она и далее не будет предпринимать действий по улучшению ситуации на Востоке Украины, цена для ее экономики и международной репутации будет только возрастать. Правительство Австралии не исключает возможности введения в будущем новых санкций против России».

19 июня австралийское внешнеполитическое ведомство сообщило, что вступили в силу финансовые санкции и ограничения на перемещения против 50 лиц и 11 компаний, «которые имели отношение к угрозе суверенитету и территориальной целостности Украины».

Санкции введены Австралией, в частности, в отношении советника президента РФ Сергея Глазьева, главы Совета Федерации Валентины Матвиенко, сенатора Андрея Клишаса, спикера Госдумы Сергея Нарышкина, депутатов Елены Мизулиной и Алексея Пушкова, вице-премьеров Дмитрия Рогозина и Дмитрия Козака, помощников президента РФ Владислава Суркова, Владимира Кожина и Андрея Фурсенко, главы администрации президента РФ Сергея Иванова, первых замглавы администрации Кремля Вячеслава Володина и Алексея Громова, и.о. главы Крыма Сергея Аксенова, бизнесменов Юрия Ко-

вальчука, Аркадия и Бориса Ротенбергов, Геннадия Тимченко, главы РЖД Владимира Якунина, а также ряда лидеров непризнанных ДНР и ЛНР. В этот список также попали Банк Россия, ИнвестКапиталБанк, СМП-банк, ООО "Стройгазмонтаж", ООО "Авиа Групп Норд", Стройтрансгаз групп, Волга-Групп, Черноморнефтегаз, а также другие компании и лица.

1 сентября Австралия расширила санкции против России из-за обострения ситуации на Украине. Они коснулись оборонного, финансового и нефтяного секторов российский экономики.

Премьер-министр Австралии Тони Эббот сообщил парламенту, что санкции предусматривают запрет на экспорт вооружения и оборудования для нефтяного сектора России, ограничивают доступ российских госбанков на австралийский рынок капитала, а также запрещают инвестиции в Крым и установление торговых отношений с республикой.

«Я хочу абсолютно точно прояснить, что запугивание малых наций более крупными, а также утверждение, что сильный всегда прав, не имеет права на существование в нашем мире», — заявил Эббот.

«Как минимум 2500 человек потеряли жизни в этом конфликте. Давайте будем честно говорить о том, что происходит. Россия начала это, и Россия несет ответственность за эти жизни», — продолжил он.

Эббот добавил, что речь идет также об усилении точечных финансовых санкций и расширении списка «невъездных» лиц. В расширенный список санкций войдут 63 российских и украинских физических лица, а также 21 компания.

По словам Эббота, ужесточение санкций было скоординировано с США, Канадой и Евросоюзом.

Министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что Россия будет исходить из своих национальных интересов в случае новых санкций Запада. «Это (ответные меры) не будет связано с “хлопаньем дверью”, с какими-то обидами, должно понятными. Мы будем прежде всего отталкиваться от собственных интересов — защитить свою экономику, защитить свою социальную сферу, защитить наш бизнес

и одновременно сделать выводы из действий наших партнеров», — сказал министр.⁷

Решение Австралии ввести санкции в связи с ситуацией на Украине против ряда лиц и компаний из РФ совершенно не-продуктивно и Москва на него ответит, заявил уполномоченный МИД РФ по правам человека, демократии и верховенству права Константин Долгов.

«Это шаг, который, безусловно, является недружественным. Это ущемление законных прав и интересов российских граждан. Как всегда, нами такие шаги без соответствующего адекватного ответа не оставляются», - подчеркнул он. Дипломат напомнил, что эта позиция РФ относится ко всем односторонним санкциям и она хорошо известна.

Со своей стороны президент России Владимир Путин призвал международных партнеров «прекратить истерику, отказаться от риторики холодной войны и признать, что у России есть национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать».

«Нам угрожают санкциями, но мы и так живем в ряде ограничений. У нас есть все основания полагать, что пресловутая политика сдерживания России продолжается и сегодня. Нас пытаются сдвинуть в угол за то, что мы не лицемерим и называем вещи своими именами. Но все имеет предел», – заявил В.В. Путин⁸.

Международная практика введения санкций против государств и террористических организаций может быть осуществлена либо на коллективной основе, либо на основе решения конкретной страны. Право установления коллективных санкций принадлежит Совету безопасности ООН. Так 3 марта за введение антироссийских санкций в Совбезе высказались двенадцать государств, включая Австралию – временного члена Совета безопасности. Китайская Народная Республика воздержалась при голосовании, а Российская Федерация наложила вето на решение Совбеза. В свою очередь Генеральная Ассамблея ООН может принять резолюцию о введении санкций. Но это решение будет иметь рекомендательный характер. Введение санкций против России поддержали 100 государств из 191 члена ГА ООН, против высказались 11 стран и 58 воздержались.

В настоящее время Австралия поддерживает санкции, установленные по решению Совета безопасности ООН против десяти стран, а также двух террористических организаций – Аль-Каиды и талибан. На основании собственного решения санкции Австралии применяются против Ирака, КНДР, Ливии, Фиджи, Сирии, Зимбабве и против лиц, связанных с режимом Милошевича в бывшей Югославии. Правовой основой для объявления и осуществления санкций является закон *Autonomous Sanction Regulations*, принятый в 2011 году и дополненный 10 сентября 2013 года⁹.

Очевидно, что санкции, объявленные Австралией против России, имеют символическое значение. Они должны продемонстрировать солидарность австралийских властей с Западным миром, верность Содружеству (британскому) и договору об оборонном союзе США. Возникает вопрос: какие еще меры может позволить себе Австралия для расширения санкций и усиления давления на Кремль?

Торгово-экономические отношения двух стран находятся на достаточно низком уровне, чтобы стать инструментом воздействия Австралии на Россию.

В 2012/2013 финансовом году стоимость товарооборота составила 1495 млн. австрал. долл. Экспорт из России в Австралию превосходил австралийский экспорт в РФ, соответственно, 814 и 681 млн. австрал. долл. Россия поставляла в Австралию нефть (686 млн. австрал. долл.), удобрения (48 млн.), электрооборудование (8 млн.), транспортные средства (6 млн.). В Австралии закупалась говядина (113 млн.), живой скот (69 млн.), другое мясо (49 млн.), шкуры и кожа (43 млн.). Скрытые статьи австралийского экспорта оценивались в 291 млн. Экспорт услуг из Австралии в РФ (туризм и бизнес услуги) пре-восходили российский экспорт услуг в Австралию, соответственно, 151 млн. и 82 млн. австрал. долл.¹⁰.

Австралия находится на 95 месте среди стран, в которые направлялся экспорт из России, и на 41 месте в российском импорте.

На фоне обострения российско-австралийских отношений Россией были предприняты меры по ограничению экспорта из Австралии мясной продукции. С 27 января 2014 г. Россель-

хознадзор запретил ввоз субпродуктов из мяса крупного рогатого скота, а с 31 марта запрет был распространен на охлажденную говядину из Австралии. С 7 апреля запрещены поставки всех видов говядины. Поводом послужило обнаружение в них запрещенного стимулятора роста тренболона. В 2013 г. было зафиксировано свыше 30 случаев наличия тренболона в мясе из Австралии¹¹.

Австралия поставляет в Россию около 5% от общего объема российского импорта говядины и субпродуктов из нее. По данным Евразийской экономической комиссии, в 2013 г. Австралия поставила в страны Таможенного союза 2,6 тыс. тонн свежей и охлажденной говядины почти на 42 млн. долл. и 27,97 тыс. тонн замороженной на 93,5 млн. долл. Практически вся она предназначалась для России. В целом объем поставок говядины в Россию в 2013 г. составил около 611 тыс. тонн, в основном из стран Латинской Америки: Бразилии, Парагвая и Уругвая¹². Запретительные меры на австралийский экспорт мяса более существенны для Австралии чем для России.

Австралию покидает крупнейшая российская компания «Норильский никель». Ее дочерняя компания Norilsk Nicel Australia Pty Ltd. 21 января 2014 г. подписала соглашение о продаже золоторудных активов в Западной Австралии с австралийской компанией Saracen Metals Pty, принадлежащей Saracen Mineral Holdings Ltd., за 35 млн. долл. Общая сумма сделки составит 100 млн. австрал. долл. (88 млн. долл. США), из которых 60 млн. Saracen потратит на покрытие экологических расходов по реабилитации земель. Сделку по продаже двух рудников и обогатительной фабрики планируется закрыть до июня 2014 г.¹³

Австралия поставляет в Россию уран для обогащения и использования в ядерных реакторах на электростанциях в России по соглашению, заключенному в 1990 г. Более расширенное Соглашение о кооперации в использовании ядерной энергии в мирных целях было подписано в сентябре 2007 г. во время первого визита в Австралию В.В. Путина, возглавлявшего в тот период правительство Российской Федерации. Соглашение вступило в силу в ноябре 2010 г. Согласно договоренности, обогащенный в России уран может экспортироваться в третьи

страны, охваченные контролем МАГАТЭ. Австралия уже приостановила действие соглашения в 2008 г. во время российско-грузинского кризиса.

В начале сентября 2014 г. Австралия объявила о прекращении экспорта урана в Россию из-за позиции Москвы по украинскому конфликту. Но Россия перестала закупать уран у Австралии задолго до санкций. Как заявили в госкорпорации «Росатом», Россия с 2012 года не импортирует уран из Австралии и не имеет с Канберрой никаких контрактов по ввозу этого материала. Единственная поставка австралийского урана в РФ состоялась в 2012 году. «Это был один контейнер весом чуть больше 10 тонн. Австралийский уран был обогащен на одном из предприятий «Росатома» до энергетического уровня и продан одной из международных энергетических компаний с целью дальнейшего производства из него ядерного топлива для АЭС», — пояснил представитель предприятия.

14-16 ноября 2014 г. в столице австралийского штата Квинсленд городе Брисбене состоится саммит G20. Председательство в этой организации перешло от России к Австралии после проведения форума в 2013 г. в Санкт-Петербурге. В интервью австралийскому агентству Ski News 12 марта 2014 г. Дж. Бишоп заявила: «Мы не хотели бы рассматривать более решительное действие, такое как приостановка участия России в G20, или что-либо подобное этому»¹⁴.

Еще в конце февраля 2014 г. австралийский посол в России Пол Майлер заметил по поводу подготовки саммита «Группы двадцати» в Австралии: «Сейчас, когда австралийское правительство в «двадцатке» набирает скорость, вдохновляет нас именно пример России»¹⁵.

По мнению австралийской газеты «Sydney Morning Herald»: «Запрет Путину на участие в саммите G20, который состоится в Брисбене, без коллективного решения всех лидеров «большой двадцатки», было бы чесчур»¹⁶. Газета отмечает, что «кризис на Украине предлагает своеобразное испытание для правительства Эбботта – сидеть как можно спокойнее и делать как можно меньше... Австралия, в буквальном смысле, не может оказать никакого влияния на украинские события... Министр иностранных дел Дж. Бишоп имеет право при-

соединить голос к высказываниям и озабоченности, но в этом вопросе Австралии нужно следовать, а не вести за собой»¹⁷.

В интервью, которое премьер-министр Австралии Тони Эбботт дал 31 июля 2014 года корреспонденту австралийского радио Н. Митчеллу, на вопрос о возможности участия В. Путина в саммите G20 было заявлено: «что эта конференция является в первую очередь экономическим форумом, а не встречей по вопросам безопасности. Саммит представляет возможность для лидеров крупных и самых представительных экономик конструктивно и коллективно решать вопросы, которые не могут быть решены в одностороннем порядке. Вместе мы можем сделать мир более процветающим, более финансово безопасным. Поэтому участие России в саммите будет лучше чем ее отсутствие».

Премьер-министр Австралии Тони Эбботт намерен использовать саммит стран G20, чтобы высказать президенту России Владимиру Путину свое мнение о крушении малайзийского Boeing и «убийстве» граждан Австралии.

Эбботт накануне заявил, что понимает чувства австралийцев и «не особенно счастлив» по поводу российской политики. Он также добавил, что «Австралия не может самостоятельно принимать решения, кого впускать, а кого нет». Однако, премьер пообещал жестко высказать Путину все, что думает. Говоря о том, как поступит, он, в частности, использовал термин *shirt front*, который в австралийском футболе (игра, похожая на регби) означает «броситься спереди на противника и свалить его на землю».

«Я намерен сказать Путину, что австралийцы были убиты. Предстоит много жестких разговоров с Россией, но я подозреваю, что мой разговор с Путиным будет самым жестким из всех», — заявил Эбботт, слова которого приводит Financial Times . «Я собираюсь сказать Путину, что австралийцы были убиты, и они были убиты поддерживаемыми Россией повстанцами, использующими поставляемое Россией оборудование. Мы очень недовольны этим. Мы принимаем, что вы не хотели, чтобы это произошло, но сейчас мы требуем, чтобы вы в полной мере сотрудничали в рамках расследования», — сказал он (цитата по АР).

Правительство Австралии испытывало серьезное давление по поводу участия Путина в саммите G20: австралийское общественное мнение склонно обвинять Россию в гибели малазийского рейса MH17 над Украиной 17 июля, писала *Sydney Morning Herald*. Из 298 пассажиров на борту самолета 38 были гражданами Австралии.

Австралия пыталась добиться согласия на блокирование участия президента России Владимира Путина в ноябрьском саммите в Брисбене от саммита НАТО 4-5 сентября, писала *The Australian*. Однако в конце сентября министр иностранных дел Австралии Дж. Бишоп заявила, что лидеры G20 не пришли к единому мнению по поводу участия Путина. По словам министра, большинство представителей G20 считают, что Путин должен посетить саммит, чтобы «столкнуться с международным осуждением» действий России на Украине.¹⁸

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: Австралия не самостоятельна в установлении санкций против России, а следует в кильватере за США и теми странами Европейского Сообщества, которые готовы к усилению конфронтации с РФ; у Австралии мало реальных рычагов для нанесения экономического ущерба России; приоритетная сфера австралийских интересов в экономике, политике, оборонной политике находится в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а не вдали от ее берегов. По замечанию австралийской газеты *«Sydney Morning Herald»*: «коалиция, находясь в оппозиции прошлому правительству, была в гневе, когда премьер-министр Австралии Кевин Радд принимал гиперактивное участие в делах арабского мира и проводил компанию за военную интервенцию в Ливии. Эбботт с тех пор отмечал необходимость более скромного подхода к международным делам и сосредоточение на событиях, происходящих по соседству. Есть много дел в своей стране, так что Украина, как бы тяжело не было для тех кто вовлечен в эти события, не является приоритетом»¹⁹.

Выбирая между двумя взаимопротивоположными принципами: сохранение территориальной целостности и право нации на самоопределение, Австралия действует исходя из политической целесообразности. Так, она может выступать про-

тив сепаратистских движений, а, с другой стороны, поддерживать их.

В период деколонизации Океании Австралия поддержала разделение британской колонии Острова Эллис и Гилберта на два государства: Тувалу и Кирибати. Не возражала она и против разделения Подопечной территории Тихоокеанские острова, находившейся под управлением США, на несколько самостоятельных государств. Активной была роль Австралии при разделении острова Тимор и образования независимого государства Тимор Лeste. В то же время Австралия не поддержала сепаратистские движения на Новых Гебридах (ныне Республика Вануату) и Папуа Новой Гвинеи, где жители острова Бугенвиль стремились выйти из состава государства.

События на Украине и в Крыму живо обсуждались среди русских и украинцев, живущих в Австралии. Совет российских соотечественников, созданный в Австралии в 2007 году, поддержал Россию в ее стремлении присоединить Крым. В то же время Союз украинских организаций Австралии выступил с антироссийских, националистических позиций. 16 марта в Сиднее прошли две демонстрации: одна приветствовала присоединение Крыма к России, а вторая выразила свой протест политике России на Украине. Никаких столкновений между двумя колоннами демонстрантов не было.

Российская и украинская диаспоры в Австралии призывают к мирному разрешению кризиса. В Сиднее состоялась встреча представителей обеих диаспор, на которой было заявлено о недопустимости действий против разжигания этнической розни в Австралии. События, происходящие за десять тысяч миль от Австралии, не должны повлиять на отношения двух славянских общин. Участники собрания призвали чаще проводить встречи двух общин, совместные культурные мероприятия. Было принято решение обратиться к церковным лидерам двух общин для проведения совместной молитвы о мире на Украине. Присутствовавшие на встрече священники Украинской Православной Церкви и Русской Православной Церкви за рубежом поддержали это решение.

¹ Цит. по www.unification.com.au/news/story/1791

² Цит. по www.russian.rt.com/article/24015

³ Цит. по www.foreignminister.gov.au/transcripts/Pages/2014

4 Цит. по www.russia.embassy.gov.au/mscwrussian/Ukrain.Jul

5 Там же

6 Там же

7 <http://www.vedomosti.ru/politics/news/32808101/avstraliya-rasshirila-sankcii-protiv-rossii#ixzz3IeoXyTgO>8 www.gudok.ru/sujet/sanktsii-protiv-rossii/?ID=10404029 <http://dfat.gov.au/sanctions/about-sanctions.html>

10 Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade.

www.dfat.gov.au/geo/fs/russ.pdf

11 www.finam.info/news12 www.itar-rass.com/economika/108904713 www.bfm.ru/news/24423414 www.foreignminister.gov.au/transkripts/Pages/2014/j

15 «Независимая газета» 24.02.2014

16 www.smh.com.au/federal-politics/20140303-33zPiq.html

17 Там же

18 <http://www.vedomosti.ru/politics/news/34628071/premer-avstralii-poobeschal-putinu-samyj-zhestkij-razgovor>19 www.smh.com.au/federal-politics/political-opinion/russias-incursion-into-ukraine-a-good-time-for-australia-to-follow-not-lead-international-condemnation-20140303-33ziq.html

©

Мосяков Д.В.
ИВ РАН

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА^{*}

Сегодня российско-вьетнамские отношения развиваются в сложной политической обстановке как для России, так и для азиатско-тихоокеанского региона. Однако, для Москвы, на фоне введенных Западом санкций, жизненно важной альтернативой становится восточное направление ее политики. Крайне существенной представляется задача — наполнить конкретным содержанием, объявленный еще несколько лет назад руководством страны курс «поворот на Восток».

В рамках этой политики сегодня можно выделить несколько наиболее существенных направлений, среди которых одно из важнейших — вьетнамское. Значение этой страны для успеха азиатской политики России не раз подчеркивал президент Путин, который в своей статье, опубликованной накануне выборов 2012 г., назвал Вьетнам вместе с Китаем и Индией ключевой страной для России в Азии.

Действительно, сегодня отношения России и Вьетнама находятся на очень высоком уровне взаимного доверия, и сотрудничество развивается в разных сферах — это поставки российской военной техники, совместные проекты в сфере нефти и газодобычи, в строительстве атомной электростанции, в развитии российского туризма и в целом ряде других важных отраслей. В то же время очевидно, что сегодня эти отношения очень далеки от показателей советской эпохи, когда на долю СССР приходилось около 60-70% всего объема внешней торговли Вьетнама, и за счет импорта из СССР Вьетнам покрывал свои потребности по нефтепродуктам на 80-90%, по минеральным удобрениям — на 70%, по прокату черным металлов — на 75%.

* Доклад, представленный на Научно-практическом семинаре Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН «Перспективы развития российско-вьетнамских отношений на новом этапе», 21 ноября 2014 г.

Слишком глубоким и длительным был провал в этих отношениях в 90-е годы. Относительно периода упадка взаимной торговли и взаимных связей России и Вьетнама в целом существуют разные точки зрения. Некоторые исследователи полагают, что завершением периода распада в российско-вьетнамских отношениях стал 1994 г., когда в ходе визита в Россию премьер-министра Правительства СРВ Во Ван Киета состоялось подписание Договора об основах дружественных отношений между Россией и Вьетнамом, определившего главные принципы двусторонних связей в новых условиях. Ответный визит в Ханой главы российского правительства В.С. Черномырдина последовал в 1997 г. Но даже и после этого визита, несмотря на все его положительные последствия, возрождение сотрудничества происходило очень медленно. Переговоры представителей двух стран больше были обращены в прошлое — решали вопросы, связанные с определением вьетнамского долга и порядка его выплаты, чем собственно планированием будущего. Главным светлым пятном в двусторонних отношениях оставалась деятельность совместной нефтяной компании «Вьетсовпетро», превратившейся в прибыльное и современное предприятие. Но все-таки не оно стало главным драйвером восстановления взаимных связей, а сотрудничество в военной сфере. В 1995 г., например, в российском экспорте во Вьетнам 66% (230 млн. долларов) приходилось на вертолеты, запасные части для авиационной техники и другие компоненты вооружения. В это же время возобновились поставки авиационной техники, вновь актуальным стало сотрудничество в сфере морских вооружений.

Интерес к взаимному сотрудничеству подкреплялся растущим убеждением двух сторон относительно того, что у них общие geopolитические интересы и вызовы. Ощущение этой общности стало фундаментом для формирования отношений стратегического партнерства и восстановления торговых связей и инвестиций. Следует признать, что этот процесс оказался сложным. Товарооборот рос медленно и неровно, так как за годы российского отсутствия на вьетнамском рынке тот оказался заполнен азиатскими, американскими и европейскими конку-

рентами. В 2005 г. товарооборот составил 912 млн. долларов, а в 2006 г. почти 1 млрд. 100 млн. долларов.

В 2013 г. объем товарооборота России с Вьетнамом увеличился на 8,5% по сравнению с 2012 г. и составил \$3,9 млрд. долларов, при этом российский импорт из Вьетнама увеличился на 14,3%, а экспорт сократился на 1,1%. Доля Вьетнама в общем российском товарообороте в 2013 г. составила 0,43%. По данным вьетнамской статистики, доля России во вьетнамском экспорте в 2013 г. составила 1,44%, во вьетнамском импорте — 0,65%.

Интересной особенностью современных российско-вьетнамских отношений является то, что сегодня вьетнамский бизнес вкладывает в Россию больше, чем российский во Вьетнам. В России работают около 300 вьетнамских компаний. Основная сфера их деятельности — торговля, пищевая промышленность, производство строительных материалов. По состоянию на начало 2014 г. накопленный объем прямых вьетнамских инвестиций в России составил 2,47 млрд. долл. США. Этот объем вложен в 19 проектов на российской территории. Подавляющая доля вьетнамских инвестиций — 91% приходится на российско-вьетнамские проекты сотрудничества в нефтегазовой отрасли. В свою очередь, по данным вьетнамской статистики, Россия в 2013 г. открыла 11 новых проектов и сделала дополнительные вложения в один действующий проект (0,15 млн. долл. США) с общим зарегистрированным капиталом в 1021,83 млн. долл. США. По инвестиционной активности среди стран-инвесторов в 2013 г. Россия занимает 5 место. В целом же вьетнамская статистика фиксирует Российскую Федерацию на 18 месте по общему объему инвестиций в 1,95 млрд. долл. США.

Совершенно очевидно, что сегодняшний уровень и взаимной торговли, и инвестиций не удовлетворяет обе стороны, не соответствует высокому уровню политического сотрудничества. Перспектива прорыва и изменения ситуации лежит в сконцентрированной организации зоны свободной торговли между Россией и Вьетнамом. После того как зона свободной торговли России и Новой Зеландии «застопорилась» из-за экономических санкций, этот проект стал приоритетным в плане формирования та-

ких зон с участием России. Планируется, что соглашение об этой зоне подпишут до конца 2014 г. (в крайнем случае — в начале 2015 г.). В случае успеха переговоров (а к этому есть все основания) формирование зоны свободной торговли позволит организовать настоящий прорыв во взаимных связях и в товарообороте, и в инвестициях. На успех этого проекта работают сегодня несколько факторов. Прежде всего — это огромный интерес со стороны вьетнамских предпринимательских кругов с одной стороны, и растущий интерес российских в выходе на азиатские и, в том числе, вьетнамские рынки. Очевидны здесь и последствия санкционной политики Запада, вынуждающих Россию реально активизироваться на Востоке.

Не менее существенно и то, что в условиях развивающегося стратегического партнерства, актуальность которого в современных условиях только возрастает, высшее руководство обеих стран не раз заявляло о том, что твердо намерено создавать наилучшие условия для быстрого роста экономических связей. Наконец следует отметить и третий важный момент — для привлечения зарубежных прямых инвестиций во Вьетнам и в Россию смогут быть более активно использованы механизмы соответствующих совместных частно-государственных инвестиционных фондов, что может придать дополнительный импульс торговым связям.

В этой связи крайне важным представляется предстоящий в конце ноября с.г. визит в Москву генерального секретаря ЦК Компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга. В новых условиях, сложившихся в современном мире, руководство обеих стран полно решимости развивать и расширять взаимное сотрудничество, укреплять его геополитическое, и экономическое содержание. К 2020 г. обе страны рассчитывают путем ускоренного развития взаимных связей и инвестиций, расширения контактов и обменов на всех уровнях достичь взаимного товарооборота на уровне 10 млрд. долларов в год.

©

Кобелев Е.В.
ИДВ РАН

СССР/РОССИЯ – ВЬЕТНАМ: ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ*

На протяжении 40 лет, начиная со дня признания Советским Союзом Демократической Республики Вьетнам (30 января 1950 г.), две наши страны были связаны настолько тесными узами сотрудничества, что в результате сформировалось уникальное явление международных отношений того времени – «братская советско-вьетнамская дружба». Именно этими словами характеризовалось наше сотрудничество в партийных и государственных документах обеих стран, в политических и научных статьях вьетнамских и советских авторов.

Действительно, диалектика исторического развития распорядилась таким образом, что практически все этапы многолетней борьбы вьетнамского народа вначале за национальное освобождение, а затем в защиту уже завоеванной независимости оказались неразрывно связаны с нашей страной, с солидарной поддержкой нашего народа. Не будет преувеличением сказать, что всесторонняя военная и экономическая помощь со стороны СССР сыграла решающую роль в успешном завершении вьетнамским народом двух войн сопротивления – вначале против французских колонизаторов, затем против агрессии США.

Реальные масштабы советской военно-технической помощи Вьетнаму иллюстрируют следующие красноречивые цифры. С 1953 по 1991 г. общий объем поставок вооружения и военной техники составил в ценах того времени 15,7 млрд. долл. В частности, было поставлено: 2000 танков, 1700 БТР, 7000 орудий и минометов, свыше 5000 зенитных пушек и установок, 158 зенитно-ракетных комплексов, свыше 700 боевых

* Доклад, представленный на Научно-практическом семинаре Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН «Перспективы развития российско-вьетнамских отношений на новом этапе», 21 ноября 2014 г.

самолетов, 120 вертолетов, свыше 100 боевых кораблей, введено в строй 117 военных объектов¹.

Неоценимый вклад в победу вьетнамского народа внесли советские военные специалисты. По данным ГОУ Генерального штаба ВС СССР, с 11 июля 1965 г. по 31 декабря 1974 г. в боевых действиях во Вьетнаме приняли участие 6359 офицеров и генералов и более 4,5 тыс. солдат и сержантов советских Вооруженных сил"².

Опираясь на бескорыстную помошь нашей страны, вьетнамское политическое и военное руководство постепенно сумело превратить Северный Вьетнам в поистине неприступную крепость, которую безуспешно штурмовали в течение восьми лет авиация и корабли 7-го военного флота США. Созданную в ДРВ высокоеффективную, оснащенную современным вооружением и техническими средствами общенациональную систему противовоздушной обороны американские генералы оценили впоследствии как одну из самых мощных систем ПВО, когда-либо имевших место в истории войн.

В отличие от многих других стран, которым наша страна помогала в их борьбе за национальное освобождение, во Вьетнаме до сих пор помнят о советско-российской помощи и постоянно на всех уровнях пишут и говорят о чувствах благодарности и признательности вьетнамского народа. Вьетнамская сторона и сегодня конкретными акциями демонстрирует не-прекращающую симпатию к СССР / России за весомый вклад в исторические победы вьетнамского народа. Так, 10 декабря 2009 г. около аэропорта Камрань на территории бывшего пункта базирования кораблей ВМС СССР был торжественно открыт памятник советским, российским и вьетнамским военнослужащим, погибшим во Вьетнаме при исполнении служебного долга. В июне 2013 г. в Ханое была проведена международная конференция на тему «90 лет со дня первого приезда Хо Ши Мина (Нгуен Ай Куока) в Россию». В докладах вьетнамских ученых прозвучали, нередко впервые, полные данные о размерах и характере военной помошь Вьетнаму со стороны СССР, что явилось откровением для многих участников конференции и представителей вьетнамских СМИ. А в заливе Халонг на «острове Титова» (этот остров в 1962 г. космонавту номер 2

«подарил» сам Хо Ши Мин), вскоре будет открыт памятник Герману Титову, который более 20 лет был бессменным руководителем Общества дружбы с Вьетнамом.

Вместе с тем нельзя не вспомнить, что история формирования «братьской дружбы» не была дорогой с прямым движением. Так, в начале 1960-х годов резко ухудшились отношения между КПСС и Партией трудящихся Вьетнама (ПТВ). Тому было две фундаментальных причины. Первая - тогдашний руководитель КПСС Н.С. Хрущев энергично продвигал концепцию «мирного сосуществования» в международных делах. А вьетнамское руководство в 1960 г. приняло судбоносное решение о начале вооруженной борьбы на Юге страны и объявило о создании Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. И Хрущев рассматривал эти действия вьетнамцев как подрыв его мирного политического курса.

Вторая причина – началось открытое противоборство между КПСС и КПК, и в Москве считали, что Ханой постепенно переходит на позиции Пекина. И тому было довольно много свидетельств в самом Вьетнаме. В апреле 1964 г. в Ханое прошло Особое совещание ЦК ПТВ, где в ходе дебатов, по данным китайских СМИ, чаша весов склонилась в сторону поддержки линии Пекина. Вскоре после этого в Москву прибыла делегация ПТВ во главе с недавно избранным Первым секретарем ЦК Ле Зуаном.

Автор этого доклада был переводчиком на встрече вьетнамской делегации с делегацией КПСС, которую возглавлял второй человек в партии М.А. Суслов. Вспоминаю, как Суслов монотонно перечислял все «прегрешения» вьетнамского руководства и призывал пересмотреть «ошибочный курс», а Ле Зуан в ответной речи вроде бы довольно аргументированно опровергал эти обвинения. Неизвестно, как бы развивались дальше взаимоотношения в треугольнике КПСС – ПТВ - КПК, если бы не последовавшие затем драматические события в СССР и во Вьетнаме. В октябре 1964 г. произошло отстранение от власти Хрущева, и новое руководство КПСС стало пересматривать отношение к ситуации в Южном Вьетнаме. В Ханое же в условиях, когда военное вмешательство США приобретало все более массированный характер, пришли к логическому выводу, что

Вьетнам вряд ли устоит в войне против самой мощной империалистической державы без современного советского оружия.

В этих условиях руководителям СССР и ДРВ удалось договориться о единстве действий, отодвинув в сторону вопросы идеологического порядка. Чтобы предупредить дальнейшую эскалацию военных действий США против ДРВ, в Москве было принято решение направить в Ханой делегацию в составе председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина и секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова. Администрация США, естественно, знала об этом визите. Тем не менее, 7 и 8 февраля 1965 г., как раз в то время, когда в Ханое шли советско-вьетнамские переговоры, американская авиация подвергла масированный бомбардировке несколько южных городов ДРВ.

Эти налеты стали началом широкомасштабной воздушной войны, которая продолжалась без малого восемь лет. В те годы я работал в Ханое корреспондентом ТАСС, и лично для меня как непосредственного очевидца тех событий до сих пор остается загадкой, почему администрация США выбрала для начала воздушной войны против ДРВ именно эти дни, когда в Ханое находилась высокая советская делегация. Может быть, в Вашингтоне рассчитывали запугать не только Ханой, но и Москву?

Результат, естественно, получился обратный. Так, в первый день переговоров вьетнамская сторона положила на стол огромный перечень видов вооружения, которое она хотела бы получить от СССР, на что реакция А.Н. Косыгина и Ю.В. Андропова была довольно скептической. Однако на следующий же день после этих налетов, возмущенные действиями Вашингтона, который подчеркнуто игнорировал присутствие в Ханое членов руководства второй сверхдержавы, они решительно высказались за оказание максимально возможной военной и другой помощи ДРВ. Эта позиция была четко выражена в заявлении Советского правительства, а затем повторена в совместном заявлении правительства ДРВ и СССР.

Для укрепления обороноспособности ДРВ Советский Союз в срочном порядке начал поставлять ей современное оружие – боевые самолеты, зенитные ракеты, танки, артиллерию, материальные средства и боеприпасы. В ДРВ были командированы

советские военные специалисты, а в СССР были приняты на учебу тысячи будущих вьетнамских ракетчиков и летчиков. Результаты совместных усилий не замедлили сказаться. Уже к июлю 1965 г. в ДРВ была создана эффективная система ПВО.

Так получилось, что я был непосредственным свидетелем одного из первых боев советских зенитно-ракетных комплексов с американской авиацией. С началом войны вьетнамские власти не разрешали иностранным журналистам, выезжать в районы бомбёжек. Мы, советские корреспонденты, пожаловались Андропову, что не имеем возможности видеть своими глазами, что происходит, а вынуждены черпать информацию из газеты «Нян зан» и других вьетнамских печатных изданий. Андропов, по-видимому, серьезно переговорил с вьетнамским руководством, и, начиная с середины февраля, мы стали регулярно выезжать в южные районы ДРВ.

Это произошло в середине июля 1965 г., где-то на границе между провинциями Тханьхоя и Нгеан. Тогда американские пилоты, привыкшие к безнаказанности, ходили строем по три самолета и на небольшой высоте. Мы сидели в окопах в какой-то безвестной деревушке, и вдруг на наших глазах вверх взмыла ракета и сбила сразу два американских F-105. Никогда не забуду, как к месту падения самолета бежали крестьяне и радостно кричали: «Ten lua ta do!» (Вот они, наши ракеты!).

Наконец, самый драматический фрагмент истории отношений между двумя нашими странами – это несколько лет до и после распада Советского Союза. Еще на закате перестройки определенная часть российской политической элиты стала проявлять признаки своеобразной аллергии в отношении «братьского сотрудничества» с Вьетнамом и выступила с призывами избавиться от него как от «ненужного бремени». В результате началось постепенное свертывание политических, торгово-экономических, общественных и других связей с этой страной, которое после распада СССР приобрело обвальный характер.

27 декабря 1991 г. СРВ признала Российскую Федерацию правопреемницей Советского Союза. Россия и Вьетнам вступили в процесс глубокой трансформации двусторонних отношений. Поиск новой модели отношений шел болезненно. Огромный потенциал многогранного сотрудничества, создан-

ный в предыдущие десятилетия, несколько лет практически бездействовал.

Вместе с тем, несмотря на взаимную смену внешнеполитических приоритетов, народы обеих стран не могли долго мириться с неожиданным забвением десятилетиями складывавшихся между ними традиций дружбы и сотрудничества. Постепенно, благодаря прежде всего усилиям вьетнамской стороны (это надо особо подчеркнуть), долгосрочные национальные интересы обеих сторон взяли верх над сиюминутными трудностями. Начались активные поиски модели взаимоотношений, соответствующей кардинально изменившимся внутриполитическим и международным условиям. Решающее значение для вывода российско-вьетнамских отношений на новый этап развития имел первый за всю 60-летнюю историю двусторонних российско-вьетнамских связей официальный визит во Вьетнам главы российского государства - Президента В.В. Путина (март 2001 г.). В ходе визита был подписан исторический документ - Декларация о стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам.

Важно при этом отметить, что Россия стала первой страной, с которой Вьетнам установил отношения принципиально нового для вьетнамской внешнеполитической практики формата - отношения стратегического партнёрства. В то же время и для России Вьетнам является единственной страной Юго-Восточной Азии, с которой наша страна установила и развивает отношения стратегического партнёрства.

Декларация о стратегическом партнёрстве стала, по существу, программой развития отношений между двумя странами в новом веке. Основное ее содержание сводится к следующему логическому выводу: несмотря на глобальные перемены на международной арене и, особенно, в самих наших двух странах, Россию и Вьетнам связывает такое множество исторически обусловленных сближающих факторов, что сама жизнь требует от них продолжения тесного дружественного сотрудничества, разумеется, на взаимовыгодной основе и с учетом новых мировых реалий. Главное, в чем и Москва, и Ханой проявили полное единодушие: «стратегическое партнерство» должно оста-

ваться основополагающим фактором взаимоотношений двух государств.

Говоря, что российско-вьетнамские отношения приобрели новый характер, строятся на новых принципах и подчинены решению новых задач, обе стороны в то же время ни в коей мере не намерены предавать забвению мощный потенциал традиционной советско-вьетнамской дружбы и сотрудничества, накопленный за многие годы отношений между двумя нашими народами. На эту важную особенность стратегического партнерства между Россией и Вьетнамом неизменно указывают руководители обеих стран. Так, в выступлении на митинге в Ханое В.В. Путин следующим образом сформулировал задачу бережного отношения к тому вкладу, который внесли старшие поколения в создание фундамента российско-вьетнамской дружбы: «Надежно сохранять все то лучшее, что нас объединяет и сближает. Не растерять и не предать забвению честно заработанный и дорогой ценой доставшийся нам общий позитивный капитал».³

Россия и Вьетнам весьма гармонично дополняют друг друга по многим важнейшим позициям государственных интересов каждой стороны. Так, по мнению вьетнамских экспертов, в России вьетнамцы видят, прежде всего, дружественную внeregиональную державу, которая не только сохранила, но и наращивает дальше весомый политический, экономический и военный потенциал, и которая может быть и на деле является полезной для «балансировки» отношений Вьетнама с другими мировыми державами и политико-экономическими центрами.

Что же касается Вьетнама, то с точки зрения российского научно-политологического сообщества, - это крупная, динамично развивающаяся дружественная Россия страна, являющаяся одним из ведущих членов влиятельной региональной группировки - АСЕАН. В Указе президента РФ В.В. Путина № 605 от 7 мая 2012 г. СРВ названа **одним из трех самых важных (наряду с Китаем и Индией) стратегических партнеров России в Азии**.

К 2012 г. сотрудничеству двух наших стран в новом формате минуло чуть более 10 лет и эти годы со всей убедительностью продемонстрировали, что стратегическое партнерство –

это именно та форма взаимоотношений, которая позволяет не только сохранить традиции былой дружбы, но и успешно наращивать взаимодействие во всех сферах двустороннего сотрудничества. В результате 27 июля 2012 г. в ходе официального визита в Россию Президента СРВ Чыонг Тан Шанга стороны достигли исторической договоренности о принципиальном повышении уровня стратегического партнерства, подписав «Совместное заявление об укреплении отношений **всеобъемлющего стратегического партнерства** между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам».

Через год, в ходе очередного официального визита в СРВ В.В. Путина 12 ноября 2013 г., было подписано «Совместное заявление о дальнейшем укреплении отношений **всеобъемлющего стратегического партнерства**». Выразив в этом документе взаимное удовлетворение результатами развития нового формата отношений, стороны отметили: «*Главы государств подтвердили обоснованность придания российско-вьетнамскому стратегическому партнерству всеобъемлющего характера, что открыло качественно новые возможности для наращивания взаимовыгодного сотрудничества по широкому спектру направлений, включая интенсивный политический диалог на высшем и высоком уровнях, упрочение межпартийных, межпарламентских, межведомственных, межрегиональных связей и гуманистических обменов*»⁴.

Россия заинтересована в сильном и процветающем Вьетнаме. Такой характер отношений России с Вьетнамом есть неотъемлемая, составная часть политики В. Путина по наращиванию отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, по подъему азиатской части России. Во всемерном наращивании комплексного потенциала стратегического партнерства с Россией, как представляется, заинтересован и Вьетнам. Как заявил президент СРВ Чыонг Тан Шанг в июле 2012 г. в Москве, «*укрепление и развитие отношений традиционной дружбы и всеобъемлющего стратегического партнерства с Российской Федерацией является одним из важнейших приоритетов внешней политики Вьетнама*»⁵.

В отношениях между РФ и СРВ нет каких-либо нерешенных политических вопросов, которые бы тормозили их страте-

тическое партнерство, как нет и политических сил, которые выступали бы против развития и укрепления традиционных уз дружбы между нашими народами. Россия – единственная великая держава, которая никогда не имела каких-либо серьезных, тем более вооруженных, конфликтов с Вьетнамом. Более того, миллионы вьетнамцев хорошо знают и не забывают о том, что именно благодаря бескорыстной военной помощи и политической поддержке Советского Союза, преемницей которого является Россия, Вьетнам вышел победителем во всех войнах в защиту своей независимости, которые он был вынужден вести во второй половине XX века.

К сожалению, несмотря на внешне безоблачное состояние политических отношений между нашими странами, в них, тем не менее, постоянно присутствуют различного рода «раздражители». Главный из них и наиболее застарелый - это проблема нелегальной миграции вьетнамской рабочей силы в Россию. Ответные действия со стороны Москвы, а именно - периодические массовые высылки вьетнамских мигрантов, причем с широким показом этого по российскому телевидению, как правило, вызывают весьма негативную реакцию вьетнамского общественного мнения, которое, естественно, не может оценивать такие действия объективно и воспринимает их как враждебные в отношении Вьетнама. Считаю, что правительству двух стран необходимо создать совместную комиссию для глубокого изучения сути этой проблемы и принятия соответствующих двусторонних мер.

Другой серьезный «раздражитель» стал сказываться в последние годы, по мере нарастания вьетнамо-китайского конфликта вокруг проблемы принадлежности островов в Южно-Китайском море. Особенно серьезный характер приобрел этот «раздражитель» в мае 2014 г., когда Китай в одностороннем порядке установил свою нефтяную платформу в районе, который Ханой считает своей исключительной экономической зоной.

В мае-июне 2014 г. вьетнамская сторона настойчиво зонировала позицию России в отношении этих действий Китая. При этом стало очевидно, что большая часть вьетнамских должностных лиц, экспертов, журналистов продолжают мыс-

лить стереотипами периода «братской советско-вьетнамской дружбы», настаивая на необходимости активной реакции России в поддержку вьетнамской позиции. Между тем Россия связана узами всеобъемлющего стратегического партнерства и с Вьетнамом, и с Китаем. Поэтому россияне, прежде всего политики и ученые, видят свою задачу в том, чтобы всемерно содействовать процессу поисков мирного урегулирования спорных проблем в Южно-Китайском море. Кроме того, позиция российского политологического сообщества сводится к тому, что Россия искренне заинтересована в дальнейшем сохранении максимально дружественных отношений между Вьетнамом и Китаем.

Дальнейшее углубление всеобъемлющего стратегического партнерства с Вьетнамом является сегодня одним из ключевых направлений российской внешней политики, направленной на обеспечение мира и безопасности и укрепление позиций России в регионах ЮВА и АТР. Этот подход не подвержен политической конъюнктуре, он имеет фундаментальный, долгосрочный характер и, несомненно, будет определять характер, направления, масштабы и алгоритм российско-вьетнамских отношений на всю обозримую перспективу.

В целом, как показывает анализ всего комплекса факторов, определяющих развитие российско-вьетнамских отношений на нынешнем этапе и в долгосрочной перспективе, потенциал двустороннего сотрудничества имеет весьма солидный и многообразный фундамент. Дальнейшее расширение и углубление этого сотрудничества на основе принципов всеобъемлющего стратегического партнерства, несомненно, отвечает национальным интересам и чаяниям народов обеих стран.

¹ Война во Вьетнаме: взгляд сквозь годы // Институт военной истории Министерства обороны РФ. М., 2000. С. 25

² Война во Вьетнаме... Как это было (1965-1973) // Институт военной истории Министерства обороны РФ. М., 2005. С. 502

³ Цит. по: СССР / Россия – Вьетнам: вехи сотрудничества. М., 2011, С. 147.

4. Цит. по: «Проблемы Дальнего Востока», 2014, № 1. С. 3.

5. Цит. по: Nghien cuu quoc te. (Ha Noi). 2012, N 3. Tr. 65.

©

Локшин Г.М.
ИДВ РАН

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ и ВЬЕТНАМА*

Российскую Федерацию и Социалистическую Республику Вьетнам с 2001 г. связывают отношения стратегического партнерства, которые с 2012 г. были подняты до уровня «всеобъемлющего стратегического партнерства». После распада СССР отношения с СРВ были не только полностью деидеологизированы, но практически резко сокращены, что привело к утрате почти всех позиций в этой стране. Отношения начали быстро восстанавливаться лишь после первого визита президента РФ В.В. Путина во Вьетнам в 2001 г.. Сегодня Вьетнам – это одна из немногих стран мира, взаимодействие с которыми проходит без каких-либо серьезных проблем, хотя, конечно, далеко не все ещё возможности используются на полную силу. Однако на современном этапе эти отношения являются важным фактором обеспечения мира и безопасности, как в Юго-Восточной Азии, так и в целом в АТР.

Что означает на практике термин «стратегическое партнерство»? Общего определения пока не существует. Это – появившаяся относительно недавно формула построения межгосударственных отношений в XXI веке, которая пришла на смену утратившим прежнее значение принципам мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Но она их не отменила, а развila и адаптировала к новым условиям после окончания «холодной войны». Напомню, что они означали **ненападение, невмешательство во внутренние дела, добрососедство, равноправное и взаимовыгодное сотрудничество**. Из них в отношениях России с СРВ после распада СССР важно подчеркнуть полное и последовательное невмешательство.

* Доклад, представленный на Научно-практическом семинаре Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН «Перспективы развития российско-вьетнамских отношений на новом этапе», 21 ноября 2014 г.

ство во внутренние дела друг друга. Россию связывают отношения стратегического партнерства, как с Китаем, так и с Вьетнамом.

Определяя понятие «стратегическое партнерство», можно, прежде всего, подчеркнуть, чем оно не является. Это – не военный союз. Стратегическое партнерство, в нашем представлении, в корне отличается от военно-блокового сотрудничества, состоящего в признании общего вероятного противника и планировании совместной военной деятельности против него. Оно не несет угрозы другим странам и направлено на укрепление мира и поиск альтернатив любым военно–силовым методам решения проблем отношений между государствами. Оно основано на абсолютном приоритете политических и иных мирных средств в урегулировании возникающих проблем и конфликтных ситуаций.

Стратегическое партнерство – это такая форма организации совместной деятельности государств в основных сферах, которая рассчитана на долгосрочную перспективу и, следовательно, на взаимном доверии. Оно основано на договорном признании интересов друг друга, уважении и соблюдении этих интересов и направлено на достижение общих или сходных жизненно важных целей.

Стратегическое партнерство предполагает взаимный, позитивный, предупредительный подход к решению двусторонних, субрегиональных, региональных и глобальных проблем, основанный на международном праве и соблюдении законных интересов государств и народов. Это, естественно, требует постоянного диалога, периодической координации, взаимодействия, сотрудничества при проведении внешней политики, политики безопасности с целью ненанесения ущерба друг другу и остальным партнерам.. Для этого между РФ и СРВ за прошедшие годы **выстроена разветвленная система активных политических контактов и диалога, как на высшем, так и на всех других уровнях, что создало прочную базу политического сотрудничества**. Президент РФ уже трижды побывал с визитами в СРВ. Аналогично все руководители СРВ поочередно побывали с ответными визитами в РФ. Установлен постоянный действующий диалог между министерствами иностранных

дел, обороны, экономического развития, образования и науки, а также между другими ведомствами и крупнейшими корпорациями обеих стран. Большое значение обе стороны придают сотрудничеству по линии народной дипломатии. Каждый визит на высшем и высоком уровне – это важный шаг в развитии двустороннего сотрудничества. Он тщательно готовится и сопровождается подписанием важных соглашений и договоренностей. Не является исключением и предстоящий визит Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга в Россию в качестве лидера правящей и единственной в стране партии, а потому де facto её главного руководителя.

Контакты Москвы и Ханоя в последние годы были настолько интенсивными, что даже дали повод западным экспертам говорить, будто Россия и Вьетнам объединяют усилия в пику наращающему мощь Китаю. Но это уже из «теории заговоров».

Хотя установление отношений стратегического партнерства в основном нацелено на эффективное развитие долгосрочных двусторонних отношений, вместе с тем обе стороны придают большое значение всестороннему политическому сотрудничеству по самым актуальным вопросам мирового развития и по региональным проблемам безопасности в ЮВА и АТР. Позиции России и Вьетнама по большинству международных проблем либо совпадают, либо близки.

Стороны выступают за формирование нового, более справедливого и демократического мироустройства и в то же время отмечают возрастание вызовов и угроз в мировой политике и экономике. Глобальный кризис 2008-2012 гг. продемонстрировал неэффективность международной финансово-экономической архитектуры, которая не отражает реалии монополярного мира. Справиться с новыми вызовами можно только сообща, объединяя ресурсы и усилия, учитывая законные интересы всех членов международного сообщества. Этую принципиальную позицию разделяют обе стороны. Путь к достижению цели лежит через построение такой модели нового мироустройства, в основе которой были бы многосторонние начала, верховенство международного права, принципы Устава ООН, включающие взаимное уважение суверенитета, террито-

риальной целостности государств и невмешательство в их внутренние дела. Это не совсем совпадает с принятой российской концепцией многополюсного или поликентричного мира, но, по сути, очень близка к ней.

Руководители двух государств неизменно акцентируют внимание на том, что линия на внешнее силовое вмешательство во внутренние конфликты суверенных государств, на применение односторонних санкций без согласия Совета Безопасности ООН и без надлежащего учета внутриполитических, этнических, конфессиональных, культурных и иных особенностей чревата подрывом стабильности и ростом напряженности в международных делах, что подтвердили события в Ираке, Ливии, Сирии и другие.

Россия и Вьетнам считают международную безопасность неделимой и всеобъемлющей. Это неоднократно отмечалось в совместных декларациях руководителей двух стран. Они постоянно утверждают, что безопасность одних государств нельзя обеспечивать за счет безопасности других, в том числе путем расширения военно-политических альянсов и создания глобальных и региональных систем противоракетной обороны. Так сказано в их совместном Заявлении от 28 июля 2012 г., и это является однозначным обращением, как к Китаю, так и к США.

Стороны активно взаимодействуют в ООН и других международных организациях. Россия особенно высоко оценивает активную роль Вьетнама в АСЕАН, его поддержку сотрудничества России с другими странами АСЕАН, в принятии России в Восточноазиатский саммит и его роль моста и примера эффективного сотрудничества с Россией для всех государств региона. Они также тесно взаимодействуют в рамках Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ) и Совещаний министров обороны стран АСЕАН с партнерами по диалогу (СМОА+).

В канун 70-летия победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов важно отметить, что Россия и Вьетнам решительно отвергают всякие попытки пересмотреть историю Второй мировой войны, поставить под сомнение решающую роль советского народа в победе над фашизмом и милитаризмом.

Стороны уже давно вышли на согласованные подходы к вопросам совершенствования архитектуры безопасности и сотрудничества в ЮВА и АТР. На втором саммите Россия – АСЕАН в Ханое в октябре 2010 г. стороны договорились о том, что она должна основываться на принципах коллективности, многосторонности и равенства, на общепринятых нормах международного права, включая особенно важную для Вьетнама Конвенцию ООН 1982 г. по морскому праву. Декларированные в последние годы договоренности руководителей обоих государств показали последовательность и неизменность курса России в Восточной Азии и во всем АТР. Она не ставит перед собой задачу защиты своих морских коммуникаций в регионе, хотя Тихоокеанский флот России всё чаще показывает свой флаг в Тихом и Индийском океанах. Она не вынашивает планов создания своих военных баз в ЮВА (включая и хорошо известную базу в Камране) и не намерена с кем-либо соперничать за влияние. Все её усилия направлены на укрепление сотрудничества не только с Вьетнамом, но и со всеми странами Восточной Азии, которое ни против кого не направлено. **Но и своими важными интересами в регионе, она пренебрегать не намерена, особенно в новой для неё международной обстановке**

Российско-вьетнамское всеобъемлющее стратегическое партнерство во всех его формах и проявлениях основано на проверенном временем доверии сторон друг к другу, на совпадении ряда важных национальных интересов. Оно является важным фактором сохранения региональной стабильности, мира и безопасности. Россия стала самым крупным поставщиком оружия для этой страны, а Вьетнам одним из главных его покупателей. Лидеры обоих государств неоднократно подчеркивали, что **военно-техническое сотрудничество и партнерство двух стран в сфере обороны и безопасности постоянно развиваются в соответствии с основными принципами международного права**, обеспечивая укрепление обороноспособности Вьетнама и совместное противостояние новым вызовам, миру и стабильности в АТР. Они не направлены против какой-либо третьей стороны

В последние годы политика России в ВА и ЮВА не привлекает к себе большого внимания. Но она демонстрирует тен-

денцию к полной независимости и тактической гибкости. С одной стороны, она поддерживает Китай в противостоянии давлению США, а с другой – работает на определенное сдерживание амбиций Китая в Азии. Роль «младшего брата» Китая в Азии для неё неприемлема. Она постоянно делает свои шахматные ходы в ЮВА, демонстрирующие её независимость и статус великой державы, хотя он сейчас и выглядит достаточно спорным.

В целях деэскалации напряженности она активно и на всех уровнях стимулирует все заинтересованные стороны проявлять ответственный подход, исходить из интересов поддержания стабильности в регионе, уважения и соблюдения норм международного права.

И на данном этапе именно Вьетнам готов в этом всячески Россию поддерживать в поисках опоры для балансирования экспансии Китая в ЮВА. Он в целом поддерживает усилия России, направленные на поиск дипломатического решения территориальных споров в регионе. И, действительно, его партнерство с США и Россией укрепляет его позиции в переговорах с Китаем.

Таким образом, несмотря на постоянно укрепляющуюся дружбу с Китаем Россия спокойно, без шума, но достаточно открыто демонстрирует нежелание жертвовать своими интересами в регионе и углубляет военно-политическое сотрудничество с Вьетнамом.

К сожалению, в последние месяцы в позитивный процесс наращивания российско-вьетнамского всеобъемлющего стратегического партнерства неожиданно вмешалось резкое обострение ситуации в регионе Южно-Китайского моря, вызванное односторонними действиями Китая по установлению нефтяной платформы в районе, который Ханой считает своей исключительной экономической зоной. 15 мая 2014 г. Россия призвала обе страны к сдержанности и скорейшему урегулированию проблемы путем переговоров. Эта позиция была довольно холодно встречена общественным мнением страны, хотя по факту Россия не осудила, но и не поддержала действия КНР, что уже не первый раз вызывало там большое недовольство.

Но на это были свои весомые причины, как, впрочем, и у Вьетнама в ООН по событиям в Крыму. Вьетнам явно опасается стать второй Украиной для Китая, и потому не голосовал в ООН против резолюции с осуждением России по Крыму. Это как раз и подтверждает в обоих случаях, что стратегическое партнерство – не военный союз, и не обязывает стороны во всем поддерживать друг друга. Но глубоко ошибочная и безграмотная статья, появившаяся 23 мая 2014 г. на ленте государственного агентства РИА «Новости» в разгар кризиса в Южно-Китайском море и справедливо вызвавшая бурю возмущения в общественном мнении Вьетнама, подтверждает необходимость ответственного и взвешенного подхода к сложным проблемам этого региона.

Россия не является участником всё чаще разгорающихся споров в Южно-Китайском море и не будет в них втянута. Она исходит из того, что все вовлеченные государства должны строго следовать принципу неприменения силы или угрозы силой, продолжать настойчивый поиск путей политико-дипломатического урегулирования имеющихся проблем на основе норм международного права, зафиксированных, прежде всего, в Уставе ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.. Консультации и переговоры по территориальным проблемам Южно-Китайского моря должны вести непосредственные участники споров в определенном ими самими оптимальном формате. Россия также поддерживает усилия Вьетнама и государств АСЕАН по выработке юридически обязывающего Кодекса поведения в Южно-Китайского моря на основе Декларации о поведении сторон 2002 г.

Политика РФ в отношении положения в этом регионе остается открытой и нацеленной на создание климата доверия и тесного взаимодействия со всеми странами, большими и малыми. У неё нет никаких идеологических или иных противоречий ни с Китаем, ни с традиционно дружественным Вьетнамом, ни с какими другими государствами АСЕАН. Её двусторонние отношения и участие в многосторонних структурах развиваются. Сегодня главное: установить приемлемые для всех правила игры, создать механизм многостороннего взаимодействия, основанный на существующих структурах и формах, которые все

могут быть включены в расширенную сеть партнерства. Наш министр иностранных дел В.С. Лавров называет это «сетевой дипломатией» (*a network diplomacy*). И мы бы хотели видеть АСЕАН в роли главного двигателя – *«primus moto»* этого процесса и рассматриваем эту организацию главным фактором региональной безопасности и сотрудничества. Лидеры Вьетнама и других стран АСЕАН всегда особо подчеркивают, что любые новые образования или механизмы сотрудничества в регионе могут быть только дополнением и строиться на основе уже существующих структур и по принципу «асеаноцентричности», то есть при сохранении ведущей роли АСЕАН и её известных принципов. И в этом они неизменно получают полную поддержку российской стороны. В принципе эту позицию не раз высоко оценивали и одобряли руководители Вьетнама на всех уровнях. Есть все основания полагать, что она получит подтверждение и дальнейшее развитие в предстоящих переговорах с Генеральным секретарем ЦК КПВ Нгуен Фу Чонгом.

Таковы, как представляется, основные элементы политического сотрудничества России и Вьетнама, подкрепляемые растущим торгово-экономическим, научно-техническим и культурным сотрудничеством при традиционной поддержке широких кругов российской общественности. В современной обстановке от наших политиков, наблюдателей и аналитиков требуется большая ответственность, осторожность, сдержанность в оценках. Главное – не подбрасывать горючее в постоянно тлеющий и всегда готовый разгораться костер.

Мы вступили в достаточно продолжительный период новой «холодной войны», как бы она не отличалась от предшествовавшей. Следует в этой связи ожидать и активного вмешательства в зоны российских интересов, в том числе и во Вьетнаме. В сложившихся обстоятельствах в Восточной Азии, как США, так и Китай (каждый в своих интересах) будут подталкивать Вьетнам к сворачиванию военно-политического и экономического сотрудничества с Россией. Неотвратимо начинается и процесс активной милитаризации Японии.

В этих условиях требуется особо внимательный подход к выполнению всех взятых обязательств по контрактам и догово-

ренностям с СРВ, особенно в области обычной и атомной энергетики.

Важно усилить поддержку государством и стимулирование инициатив частных корпораций по расширению инвестиционного сотрудничества, формирование информированного и дружественного общественного мнения в стране по отношению к достижениям СРВ и развитию делового и культурного сотрудничества, поощрению туризма и сотрудничества общественных и научных организаций.

Необходимо скорейшее завершение переговоров о Зоне свободной торговли между Вьетнамом и государствами Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Россия может внести более активный вклад в снижение напряженности и остроты противоречий в Южно-Китайском море, как возможный посредник, так и гарант будущих договоренностей.

Необходимо конкретизировать стратегические и тактические цели участия России в таких многосторонних форумах, как АРФ, Совещание министров стран АСЕАН плюс 8 (АДММ+8), Восточноазиатский форум и Расширенный морской форум АСЕАН+8

В последнее время вновь приобретает значение сотрудничество в борьбе с пиратством и обеспечении свободы судоходства в Южно-Китайском море.

©

Соколов А.А.
ИВ РАН

РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО в ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Первые вьетнамцы появились в нашей стране в начале 1920-х гг. Это были студенты коминтерновских вузов, главным образом – Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ). Через эту систему коммунистического образования в Советской России прошло около 70 вьетнамцев, или, как их тогда называли, индокитайцев. Их учеба в СССР стала важным этапом в подготовке новой формации национальных политических деятелей Вьетнама, а также в распространении всего советского опыта общественно-политического строительства после завоевания этой французской колонии независимости. В этих вузах прошли обучение действительно выдающиеся борцы за национальное освобождение – первый генеральный секретарь Компартии Индокитая Чан Фу, видные деятели партии – Ле Хонг Фонг, Нгуен Тхи Минь Кхай и др. Большой вклад в развитие общественных наук во Вьетнаме внесли Нгуен Кхань Тоан, ставший первым президентом национальной Академии наук – Комитета общественных наук, и патриарх вьетнамской исторической науки Чан Ван Зяу. Ну, и самым знаменитым московским выпускником стал Хо Ши Мин – первый президент независимого Вьетнама, с именем которого связаны многие страницы мировой истории XX века.

* * *

После установления 30 января 1950 г. дипломатических отношений между СССР и ДРВ в Москву на учебу стали направляться представители вьетнамской молодежи. Первая группа студентов и стажеров-практикантов из этой далекой азиатской страны прибыла в Москву осенью 1951 г., когда во Вьетнаме шла война Сопротивления против французских колонизаторов, и состояла из 21 человека. Высшее образование в Советском Союзе они получили по таким специальностям, как

химия, механика, металлургия, сельское хозяйство, юридические науки, архитектура.

Спустя год, 30 октября 1952 г. президент ДРВ Хо Ши Мин направил председателю Совета министров СССР И.В. Сталину письмо, в котором, в частности, писал: «Мы хотели бы направить в СССР на учебу 50–100 учащихся, получивших во Вьетнаме 9-летнее образование, среди них имеются партийные и беспартийные, их возраст – от 17 до 22 лет»¹. И в сентябре 1953 г. новая группа вьетнамских студентов, состоявшая из 49 человек, прибыла в СССР. Здесь они получили образование по таким специальностям, как электротехника, медицина, гидромелиорация, metallurgия, сельское хозяйство.

Тогда в Советском Союзе только начали изучать Вьетнам и вьетнамский язык. Поскольку специалистов не хватало, то нередко различные советские организации приглашали вьетнамских студентов помочь им в переводе различных материалов, для работы во вьетнамской редакции Московского радио, дублирования документальные фильмы на вьетнамский язык. С их помощью был подготовлен и первый практический русско-вьетнамский словарь.

После окончания войны в Индокитае и заключения Женевских соглашений в 1954 г. вьетнамские юноши и девушки стали достаточно регулярно приезжать на учебу в Советский Союз. Всего в 1950-е годы в нашей стране прошли обучение около 80 вьетнамских студентов, аспирантов и стажеров.

В начале 1960-х годов в СССР на учебе и стажировке находилось около 300 вьетнамцев, все они должны были досрочно (многие не завершив образование) вернуться на родину из-за политических разногласий между партийным руководством СССР и КНР, в которые косвенно была вовлечена и вьетнамская сторона.

Начиная с 1967 г., когда уже шла Вторая индокитайская война (против американской агрессии), начинает возрастать количество вьетнамцев, приезжающих на учебу в СССР. Это были: (1) студенты, аспиранты, стажеры, (2) курсанты военных училищ и (3) кадровые работники партийных и государственных органов. Масштабы этого «людского потока» существенно расширились после того, как в 1972 г. в Ханойском институте

иностранных языков был открыт факультет русского языка. Отныне все вьетнамцы, направлявшиеся на учебу или стажировку в Советский Союз, должны были в той или иной форме пройти обучение на этом подготовительном факультете. Такая подготовка, несомненно, повышала качественный уровень будущих студентов.

* * *

С 1951 г. и примерно до распада СССР около 30 тыс. граждан Вьетнама получили высшее, а также среднее и специальное образование (преимущественно техническое) в нашей стране. За последующие 15 лет российские вузы окончили ещё свыше 20 тыс. вьетнамцев. Кроме того, 2 тыс. вьетнамских граждан защитили в СССР/ России кандидатские и 200 – докторские диссертации².

В настоящее время вьетнамские студенты приезжают на учебу в Россию:

- по соглашению между правительствами РФ и СРВ;
- по программе «долг-помощь» (в счет выплаты задолженности Вьетнама России);
- в счет бюджета правительства СРВ (программа подготовки высококвалифицированных кадров за рубежом);
- по форме финансирования вьетнамскими генеральными компаниями;
- по межвузовскому соглашению;
- по квотам, выделяемым ежегодно РФ неправительственным организациям;
- на коммерческой основе.

В России сегодня обучаются более 6 тыс. студентов из Вьетнама на условиях контракта и по государственной линии. Они учатся в более чем 150 вузах Российской Федерации, главным образом в вузах Рособразования (более 70%), а также в вузах субъектов РФ, муниципальных и иной ведомственной подчиненности, в частных вузах. Прежде всего – в Москве (не менее 50%), Санкт-Петербурге (более 10%), Астрахани, Воронеже, Иркутске, Новосибирске, Ростове-на-Дону и других городах³.

По данным Министерства образования и науки России, в 2005 г. граждане СРВ, обучающиеся в российских вузах, отда-

вали предпочтение следующим специальностям: инженерно-технические - 32,2%, экономика, финансы, менеджмент - 18,2%, русский язык - 16,1%, естественные и точные науки - 10,5%, медицина - 4,5%, социально-гуманитарные - 3,1%, право - 1%, культура и искусство - 1,4%, педагогика - 0,3%, сельское хозяйство - 0,7% и др.⁴ Среди инженерно-технических специальностей приоритетом пользуются архитектура и строительство, электронная техника, радиотехника, связь и оптика, авиационная и ракетно-техническая техника, робототехника и комплексная автоматика, биомедицина и биотехнологии.

В 2005-2006 академическом году граждане СРВ обучались по следующим учебным программам: дипломированные специалисты (40%), бакалавры (23,3%), учащиеся подготовительного отделения (13,6%), стажеры (11,9%), магистры (2,7%), аспиранты (0,9%), докторанты (0,1%)⁵. Наибольшей популярностью у вьетнамских юношей и девушек пользуются МГУ им. М.В. Ломоносова, РУДН, МГТУ им. Н.Э. Баумана, Российский химико-технологический университет им. И.М. Губкина, Московская медицинская академия им. И.М. Сеченова, Московский автомобильно-строительный университет, Московский государственный строительный университет, Московский энергетический университет, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Московский авиационный институт, Московский технический университет связи и информации, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Иркутский государственный педагогический университет, Тульский государственный университет, Волгоградский государственный технический университет, Сибирская государственная геодезическая академия (г. Новосибирск) и др.

Малая численность вьетнамских студентов в российских вузах объясняется рядом причин. Так, по мнению вьетнамской стороны, сами российские вузы недостаточно активно рекламируют свои услуги в СРВ. Но, наверное, главной причиной, снижающей привлекательность России в качестве страны обучения, является недостаточная безопасность проживания вьетнамских юношей и девушек в нашей стране.

Кроме того, следует иметь в виду и такое обстоятельство. Отвечая на вопрос, почему сейчас большая часть молодых вьетнамцев предпочитают ехать на учебу в США и Европу, и в меньшей степени в Россию, посол СРВ в РФ Буй Динь Зинь сказал следующее: «Каждый хочет иметь хорошо оплачиваемую работу. Молодые люди получают хорошее высшее образование на Западе, в Японии, Австралии. Прекрасно осваивают английский язык и могут устроиться на хорошо оплачиваемую работу на иностранных или совместных предприятиях во Вьетнаме. А те, кто окончил вуз в СССР или России и знает только русский язык, не могут найти достойную работу. Между нашими странами давно нет необходимого уровня деловых связей. Правда, за последние три года появилась обнадеживающая тенденция – число вьетнамских студентов в России увеличивается»⁶.

¹ <http://rusarchives.ru/evants/exhibitions/vietnam1/23.shtml>, дата посещения: 30.11.2007.

Экспонаты историко-документальной выставки «Советско-вьетнамское сотрудничество. 1950-1990 гг.». Перевод с французского. Документ рукописный.

² Арефьев А.Л. Обучение вьетнамских граждан в российских вузах // Миграция между Россией и Вьетнамом. История, современные тенденции и роль в социально-экономическом развитии стран. Материалы Международной научно-практической конференции (29 ноября 2007 г.). М., 2007. С. 45.

³ Арефьев А.Л. Указ. соч. С. 47.

⁴ Данные схемы 1. См.: Арефьев А.Л. Указ. соч. С. 46.

⁵ Данные схемы 2. См.: Арефьев А.Л. Указ. соч. С. 47.

⁶ Интервью Посла Вьетнама Буй Динь Зиня (см.: <http://www.VietNews.ru>, дата доступа: 14.12.2010).

©

Фомичева Е.А.
ИВ РАН

РОЛЬ РЕЛИГИИ в ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ и СТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ в ТАИЛАНДЕ

Для того чтобы оценить религиозную ситуацию в Таиланде в начале XXI в., следует рассмотреть общие факты и цифры, характеризующие разные религиозные общины в стране. Важно также проследить некоторые исторические тенденции, имеющие отношение к сфере религии. Кроме того, нужно понять, какое место религия занимает в жизни страны, государства и индивида, ответы на какие общественные и личные запросы она дает. На взгляд постороннего, Таиланд не испытывает проблем в сфере религии, за исключением мусульманского юга страны. Действительно, религиозная карта Таиланда представляется весьма однородной. Таиланд известен как буддийская страна, и это абсолютно верно. Большинство населения исповедует буддизм, роль которого весьма велика в истории, культуре, государственном строительстве. Национальная самоидентификация тайцев связана с буддийской религией, недаром существует поговорка: «Быть тайцем – значит быть буддистом».

Буддизм является основной религией Таиланда. По конституции, король обязательно должен быть буддистом. Одновременно, по той же конституции, он является покровителем всех религий. В то же время, попытки некоторых политических и религиозных активистов закрепить в основном законе страны исключительное положение буддизма как государственной религии не были поддержаны правительством и большей частью образованной общественности. Эта позиция представляется разумной в условиях сепаратистских настроений и обострения террористической напряженности на мусульманском, по преимуществу, юге страны. Она позволила избежать взрыва недовольства, а, следовательно, деструктивных для государства социальных последствий.

В Таиланде насчитывается около 400 тыс. буддийских монахов и более 30 тыс. храмов и монастырей. Хотя численность приверженцев других вероучений в Таиланде несравненно меньше, чем буддистов, тем не менее, они живут в стране и имеют возможность отправлять свои религиозные культуры. По данным Национальной службы статистики, из 64 млн. жителей страны 94% являются буддистами, 5% - мусульманами, примерно 0,7% - христианами. Перепись 2000 г. дает следующие цифры: буддисты - 94,6%, мусульмане - 4,6%, христиане - 0,7%, приверженцы других религиозных взглядов составляют 0,1%¹. Некоторые неправительственные и религиозные организации предлагают другие цифры: буддисты - от 85% до 90%, мусульмане - 10%, христиане - 1-2%². Очевидно, что в данном случае акцентируется внимание на относительном возрастании мусульманского фактора в стране. Как видим, данные из разных источников отличаются незначительно и дают общее представление о численном соотношении приверженцев буддизма и других религий. Они подтверждают тот факт, что буддисты представляют собой самую крупную религиозную группу в стране.

Таиландский буддизм – буддизм южного течения – тхеравады (учение старцев), называемый также хинаяна (малая колесница в отличие от махаяны – великой или большой колесницы). Буддизм тхеравады имеет ряд теологических отличий от северной ветви буддизма – махаяны, связанных с представлением о личности Будды и о высшей цели приверженцев вероучения. Буддизм тхеравады проник на Индокитайский полуостров сначала из Индии с миссионерами, посланными правителем империи Маурьев Ашокой в III в. до н.э., а затем – с острова Цейлон (Шри Ланка).

Буддизм сыграл большую роль в укреплении тайской государственности (подобно тому, как православие содействовало становлению государственности Киевской Руси). Эта связь между религией и государством сохранилась до настоящего времени, буддизм остается одной из скреп таиландской государственности.

Буддизм утвердился в тайских княжествах-государствах в XIII в., о чем свидетельствуют памятники материальной куль-

туры. Например, в Чиангмае стоит копия столба Ашоки, относящаяся ко временам Менграя, правителя княжества Ланна в XIII в. В Аютхае, столице тайского государства, существовавшего в XIV-XVIII вв., можно видеть множество разрушенных буддийских храмов и статуй Будды³. После разгрома и разрушения в 1767 г. Аютхай бирманскими войсками, центр буддийской сангхи, в то время уже достаточно влиятельной, переместился вместе с королевской властью сначала в Тхонбури, а затем в Бангкок.

В Бангкокский период в стране была принята государственная идеология, суть которой выражалась тремя взаимосвязанными понятиями «национальный-король-религия». Буддизм рассматривался как один из элементов этого идейного триединства, на котором держалась тайская государственность на протяжении XX века.

Целостность этой концепции стала размываться в начале XXI в., когда участились нападки на монархию (в основном из-за рубежа), как на один из элементов этой концепции, что подрывает ее в целом. Одновременно усилилась критика поведения отдельных монахов, нарушающих устав буддийской сангхи, а также недостатков внутри самой монашеской общины. Положение дел внутри сангхи перестало быть ее внутренним делом и стало всесторонне и широко обсуждаться в обществе. Так, в сентябре 2013 г. было принято решение реквизировать значительную собственность, приобретенную для личных целей популярным монахом Нен Кхамом (в миру Вирапхоном Сик phоном), обвиняемым в целом спектре нарушений, включая присвоение монастырских пожертвований, нарушение правил поведения монаха, интимные отношениях с несовершеннолетней. Сам он был лишен сана и скрывается от правосудия за границей⁴. Этот случай породил общественную дискуссию о необходимости отстранить монахов от управления церковными пожертвованиями⁵.

В том же 2013 году миряне во главе с влиятельным монахом Маха Быа грозились собрать 150 тыс. голосов за импичмент заместителя премьер-министра, который одобрил кандидатуру престарелого и больного монаха на пост патриарха, что вывело внутренний конфликт за пределы сангхи, в общество.

Одна из женщин сенаторов требует снять запрет для женщин входить в реликварии буддийских храмов и тем самым обеспечить равноправие. Бывший премьер-министр Таксин Чиннават резко отреагировал на критику со стороны монахов, которые публично высказались о нем по ТВ. Разразился скандал, и известный защитник традиционных ценностей Сулак Сиварак дал Таксину отпор, заявив, что «он ничего не знает о тайской культуре». В обществе возникла дискуссия о правах монахов на свободу слова⁶. Все это возбуждение вокруг сангхи сопровождается исходящими из-за рубежа призывами к введению в стране республики. С политической точки зрения, учитывая роль религии и монархии в Таиланде, снижение роли буддизма и изменение государственного строя могли бы породить кризис национальной идентичности, вызвать разрушение культурно-национальной среды. (Интересно, что при очевидном размывании религиозности в странах Запада, в других районах мира роль религии в общественных процессах, напротив, возрастает. Не случайно в сентябре 2013 г. в США было объявлено о создании при государственном департаменте подразделения по работе с мировыми религиями. Его глава Шон Кейси заявил: «Мое назначение говорит о признании возрастания важности религиозного фактора во внешней политике США»⁷.

Тайский буддизм представляет собой высоко интегрированную общность. В его рамках сложились две местные школы – Маханикай и Тхаммаютникай. В научной отечественной и зарубежной литературе их часто называют сектами (см. труды Берзина Э.О., Корнева В.И., Ребриковой Н.В.). Представляется, что правильнее было бы называть их школами, поскольку между этими двумя направлениями тайского буддизма нет непреодолимой границы и противостояния, монахи обеих школ иногда проводят совместные религиозные мероприятия. Таиландское монашество составляет единую сангху (церковную общину) во главе с патриархом, которая объединяет обе школы Маханикай и Тхаммаютникай. Однако между ними есть и некоторые различия. Несмотря на то, что Маханикай по численности во много раз превосходит более новую школу Тхаммаютникай (примерное соотношение их приверженцев 95% и 5% последователей), последняя продолжает пользоваться определенной

популярностью, имеет свой главный монастырь в столице страны – ват Бовоннивет Вихан Ратчаворавихан, первым настоятелем которого был принц Монгкут. Он же был и основателем этой школы в свою бытность монахом в середине XIX в. Будущий король провел в монашестве 27 лет и хорошо изучил буддийское учение и древнюю религиозную литературу на языке пали. Его реформаторское течение Тхаммаютнай отличалось от существовавшего тогда учения Маханикай тем, что ратовало за возврат к чистоте изначального буддизма и требовало более строгого устава монастырской жизни. Школа Тхаммают и ныне имеет приверженцев среди членов королевской семьи, наследной знати, некоторых высокопоставленных чиновников. В монастыре Бовоннивет, центре этой школы, находились во временном монашестве нынешний король Пхумихон Адульядет, его сын принц Вачиралонгкон и его внук, ряд политических деятелей, в том числе бывший премьер-министр Тханом Киттикачхон.

Влияние буддизма в Таиланде распространяется на разные стороны жизни государства, страны, народа и отдельного индивида. Прежде всего, буддизм определяет мировоззрение тайца и его представления о своей земной жизни, смерти и посмертном существовании. Буддизм дает ответ на главный вопрос, который волнует любого человека - вопрос о жизни и смерти. Он предлагает верующим концепцию заслуг (бун), приобретаемых благими поступками, и теорию перерождения, которая дает мирянину надежду на лучшую следующую жизнь, переплетая предопределенность судьбы и приобретенные в жизни личные заслуги. Буддизм дал тайцам морально-этические нормы, необходимые для жизни человека. Он формирует нравственные принципы общества, определяет те заслуги, которые помогают верующему буддисту улучшить свою карму, утверждает нормы бытового поведения для каждого верующего. Простых мирян буддизм вовлекает в годовую череду праздников и обрядов, тем самым включая их в узаконенной обычаем ход жизни социума. Буддийские обряды – ежедневная практика бытовой жизни мирянина и одновременно институт его социализации, поскольку через них отдельный человек чувствует свою вовлеченность в целостную общность своего народа.

да. Как институт социализации следует также рассматривать временное монашество, которое завершает этап становления молодого мужчины-мирянина как личности. Однако надо признать, что в настоящее время обычай временного монашества теряет свою популярность. Значительная часть молодежи, особенно в городах, не соблюдает его больше.

Буддизм предлагает два разных пути совершенствования: для монахов и для мирян. Высокий путь буддийская религия предусматривает для тех избранных, которые выбирают монашество, - отказ от мирских благ и привязанностей, выход из цепи перерождений и, в конечном итоге, достижение нирваны. Монахи проживают в монастырях, стремясь выполнять все 227 правил «Винаи»¹. Главные из них: не убивать, не красть, не лгать, не употреблять спиртного, не сближаться с женщинами, не прикасаться к ним, не слушать музыку, не посещать зрелищные мероприятия, не дотрагиваться до денег, золота, серебра, преодолевать жадность, ненависть, похоть, не бояться смерти. Следует сказать, что в современном обществе ряд этих запретов снят, так монахи могут смотреть телевизор, в том числе футбольные матчи. Есть и другие послабления.

Напротив, народный буддизм – это отказ от нирваны как жизненной цели человека. Путь мирянина – это вера в то, что в процессе реинкарнации путем совершенствования своей кармы, приобретая религиозные заслуги (бун) можно улучшить свою карму и добиться нового рождения в более высоком статусе. Сангха, а конкретнее – монахи и монастырь, дают мирянам возможность приобретения заслуг и, соответственно, улучшения своей кармы. Как пишет финская исследовательница Марья-Лина Хейкла-Хорн: «сангха является полем для приобретения заслуг»⁸.

Вокруг монастыря и монашеской общиной исторически была сосредоточена духовная и общественная жизнь тайского крестьянина. Буддийский монастырь превратился в духовный и социальный институт общества и центр жизни сельской общины.

¹ «Виная» – дисциплина, правило (пали, санскрит) – свод правил и распорядок буддийской общины (сангхи), записанный в канонических текстах.

ны, обеспечивая общение с монахами, которые давали начатки знаний детям, медицинские и житейские советы прихожанам. В настоящее время народное образование отделено от сангхи. Согласно конституции, в стране введено всеобщее обязательное начальное образование. При монастырях продолжают учиться немногочисленные послушники, часто сироты или дети из бедных семей. На территории храмов (ватов) до сих пор проходят ярмарки и культурные фестивали. В жизнь, сосредоточенную вокруг буддийского монастыря, включаются сами монахи, миряне, следующие обычаю временного монашества, а также прихожане. Такое положение, характерное для традиционного уклада жизни общины, главным образом крестьянской, во многом сохраняется в провинциях, особенно в отдаленных от столицы, там, где буддийский ват продолжает играть социальную роль. Однако постепенно, особенно в городах, монастыри и храмы утрачивают ее, сохраняя ритуальную сторону религии.

Буддизм оказывает огромное влияние на искусство Таиланда, поскольку темы, связанные с личностью Будды, сюжеты из его земной жизни, положения его учения продолжают оставаться важным стимулом и источником для художественного творчества.

Таким образом, буддизм завоевал особое положение в стране и стал поистине народной религией, играя уникальную роль в судьбе тайцев, дав ответы на главные вопросы индивида и обеспечив самые разные потребности личности, общества и государства, охватывая религиозные, культурные, образовательные, социальные, политические стороны существования общества. Буддизм во многом сформировал национальный характер тайцев. Наконец, буддизм – один из структурных элементов таиландского общества и опора государственности в триединстве «нация-король-религия».

Особое место в Таиланде занимают буддийские монахи-отшельники, так называемые «лесные монахи», – учителя и проповедники, к которым приходят в поисках нравственного прозрения, за мудрым советом и поучением. Среди них особой известностью пользуются великие учителя, такие как Пхуддаса бикху, атьян (учитель) Ман, атьян Сао Кантасило Махат-

хера. Многие из них обличали безнравственность общества потребления, призывали к совершенствованию личности, состраданию и помощи слабым. В поисках собственного тайского справедливого устройства общества студенческие политические активисты периода подъема демократического движения 1973-1976 гг. шли к ним в поисках специфического национального пути развития.

Некоторые из известных монахов активно участвовали в жизни крестьянской общины, не только окормляя их духовно, но и оказывая помощь в практических делах обустройства крестьянской общины, в защите прав крестьян. Со своей стороны, государство неоднократно пыталось и пытается использовать в политических целях влияние монахов на население. Так оно поступало в 60-70-е гг. XX в. для того, чтобы использовать их авторитет в народе для организации крестьян на борьбу против повстанческого движения компартии Таиланда. Во время студенческой революции 1973-1976 гг. симпатии сангхи разделились. Некоторые монахи поддерживали демократически настроенных левых студентов, другая часть клириков яростно выступала против них, призывая убивать «коммунистов». Правительство организовало два буддийских университета, где монахи помимо религиозного образования получают практические знания по реализации проектов развития сельской общины с тем, чтобы помогать крестьянам советом в решении насущных социальных и экономических проблем. В свою бытность премьер-министром Таксин Чиннават также делал попытки привлекать монахов для работы с крестьянами с целью реализации своих программ в провинции. Вмешательство монахов в политику и в жизненные проблемы мирян противоречат одному из принципов буддийского монаха – его неучастию в мирских делах. Однако оно совмещается с одним из положений буддизма махаяны о том, что монах может сознательно отказаться от достижения нирваны и стать бодисатвой, посвятив себя служению людям. И среди монашества, и среди мирян ведутся дискуссии о возможности участия монахов в мирской жизни и степени такого участия.

Буддийские монахи ведут миссионерскую работу среди горных племен, приверженцев анимизма, проповедуя буддийское учение и тем самым вовлекая их в таиландское общество.

Было бы наивно полагать, что буддизм, тесно связанный с духовной и мирской жизнью общества и с тайской государственностью, смог избежать разлагающего влияния современного мира. Кризис религии, характерный для разных обществ начала XXI века, бесспорно, затронул и таиландский буддизм, однако, здесь оншел не так далеко, как в других странах. В тайской деревне все еще сохраняются традиции и здесь роль монастыря и монахов значительна. В городе урбанистический стиль жизни оставляет мало пространства для традиционного созерцательного стиля жизни, но и здесь буддизм продолжает оставаться жизнеспособным, многие городские жители регулярно соблюдают религиозные обряды. В то же время многих горожан, зачастую из числа имеющих высшее образование, более не устраивает традиционный буддизм. Их духовные запросы не находят реализации в рамках традиционной сангхи, которую они считают архаичной. Современное тайское городское общество выдвигает новые критерии личного успеха, связанные в основном с приобретением материального благосостояния. Характерно, что не взирая на усилившийся прозелитизм иностранных религиозных проповедников и сект таиландцы в своих духовных поисках обращаются не к ним, а к буддизму, хотя и в форме новых сект. Возможно здесь сказываются гибкость и восприимчивость тайского буддизма, а с другой стороны – его устойчивость. Несмотря на упорный натиск западного христианства в разные эпохи (в Аютхае, в Бангкокский период в XIX в.) в Таиланде, в отличие от Вьетнама и Филиппин, ни католицизм, ни протестантизм не играют значимой роли.

В 70-е годы XX века в Таиланде возникли две секты – Тхаммакайя и Санти Асок, которые стали завоевывать все больше приверженцев в 80-е годы после подавления студенческого движения. (Финская исследовательница Марья Лина Хейккила-Хорн называет их «группами», Рори Маккензи – «движениями»). Их появление связывают с кризисом общества и сангхи, с новыми духовными потребностями городских, более образованных жителей. Первая из них сосредоточила вни-

мание на особой практике медитации, которая должна способствовать внутреннему совершенствованию личности. Концентрируя внимание на хрустальном шаре, расположенному на уровне живота, последователи этой секты могут через медитацию прийти к видению Будды внутри себя. Эти практики медитации стали весьма популярны в среде интеллигенции. Храмы секты посещали принцесса СиринTHON, генерал Чавалит Йонгчайот и Атхит Камланг-эк⁹. В настоящее время Фонд Тхаммакая превратился в широкое международное движение, имеет отделения в восемнадцати странах, включая Европу и Америку, свое радиовещание, издает религиозную литературу.

Секта Санти Асок проповедует аскетизм, призывает отказаться от алкоголя и курения, воздерживаться от употребления мясной пищи и т.п. Монастыри Санти Асок расположены как в Бангкоке, в районе Бангкапи, так и в провинциях Сисакет, Накхон-Саван, Накхон-Патхом, Накхон-Рачасима. Вокруг монастырей созданы школы для детей, вегетарианские рестораны, издательства, занимающиеся публикацией проповедей своего религиозного учителя Пхотхирака и иной религиозной литературы, разъясняющей суть учения; базары, доходы от торговли которых идут на благотворительные цели. Ее основатель Пхотхирак был посвящен в монахи школы Тхаммаюттай, затем перешел в школу Маханикхай. Он последовательно критиковал образ жизни церковных иерархов и монахов за недостаток аскетичности. Его учение призывает вернуться к чистоте и простоте исторического буддизма. В 1975 г. Пхотхирак основал свой первый монастырь в провинции Накхон-Патхом. Он и его последователи широко пропагандировали свои взгляды в школах, университетах, других общественных местах. В 1989 г. решением Верховного совета сангхи и верховного патриарха ему было вменено немедленно отказаться от монашества. Однако Пхотхирак заявил, что не снимет монашеского сана, но выходит из официальной сангхи. В 1989 г. Пхотирак и восемьдесят его последователей были осуждены по обвинению в уголовном преступлении против религии, поскольку носили одежду буддийских монахов, не имея на это права, и поскольку они, признавая религию буддизма, не подчиняются правилам сангхи. Деятельность секты была приостановлена, но в 2010 г. все

обвинения, как религиозного свойства (за нарушения правил сангхи), так и политического (за поддержку политических партий и движений и участию в политической деятельности) с ее лидера были сняты.

В настоящее время в стране действует несколько центров Санти Асок. В секте посвящают в монахи. В настоящее время в ней состоит около сотни монахов и монахинь, которые обязаны соблюдать «Правила для последователей Санти Асок», два десятка послушников и около тысячи мирян, связанных с монастырями. Десятки тысяч последователей секты живут по всей стране. Аdeptы и монахи секты Санти Асок принимают участие в политике. Одним из видных членов Санти Асок является известный политический деятель Чамлонг Симыанг, в его партии Паланг Тхамма состояли некоторые члены секты. Монахи Санти Асок, называвшие себя Армия Тхаммы, поддерживали его акции на улицах. Сам духовный лидер Пхотхирак лично участвовал в нескольких антиправительственных манифестациях, включая акции «желтых рубашек» против правительства Самака Сунтхаравета в 2008 г., за что руководство секты и ее члены подвергались судебным преследованиям¹⁰. Руководство Санти Асок поддерживало контакты с некоторыми политическими партиями и движениями (Пхаланг Тхамм и Народный альянс за демократию)¹¹.

Буддизм тхеравады исповедуют, помимо Таиланда, жители других государств Индокитайского полуострова - Камбоджи, Мьянмы, Лаоса, что является для этих стран объединяющим религиозным и культурным элементом. Незначительное по численности меньшинство населения Таиланда исповедует буддизм махаяны, в основном это этнические китайцы и вьетнамцы.

На юге страны ситуация кардинально иная – здесь меньшая часть жителей является буддистами. Большинство населения четырех южных провинций с преобладающим малайским населением, а именно: Паттани, Яла, Наратхиват, Сонгкла (частично) исповедует ислам шиитского толка. Мусульмане – вторая по численности религиозная группа страны и, несмотря на то, что в процентном соотношении они составляют незначительную часть населения, именно на мусульманском юге стра-

ны возникла конфликтная ситуация между мусульманами-сепаратистами и центральным правительством. В трех южных провинциях – Яла, Паттани и Наратхиват проживает большинство таиландских мусульман малайского происхождения. Причем среди них преобладает молодежь. По данным национального бюро статистики, за 2005 г., всего 30,4% населения в южных провинциях страны составляли мусульмане в возрасте старше 15 лет¹². Эти социальные и религиозные факты следует рассматривать как значимые предпосылки для развития радикальных движений на юге страны. Небольшая часть мусульман живет в столице. По сравнению с серединой XX века, мусульманское присутствие в столице заметно усилилось: появились новые мечети, ряд важных государственных постов занимают мусульмане. Выходцами с юга являются, например, генерал Буньяраткалин, видный государственный и политический деятель Сурин Питсуван и другие. Последние 10 лет в южных провинциях страны не утихает террористическая деятельность мусульманских активистов, которые с крайней жестокостью расправляются с полицейскими, представителями местной администрации, буддийскими монахами, учителями и рядовыми гражданами. В ответ армия также жестко применяет силу. В результате погибли тысячи людей. Сепаратистские настроения в этом регионе, где в XIX в. существовали малайские султанаты, имеют давние корни. Они обострились в связи с нерешенными проблемами сегодняшнего дня. Это, прежде всего, более низкий уровень экономического развития и жизненный уровень населения, нехватка рабочих мест, преобладание представителей тайского, а не местного этноса в системе власти и управления на юге страны, недостаточно возможностей для мусульманской молодежи получить образование (особенно мусульманское), а также для ее социальной мобильности и карьерного роста и предпринимательства. Местный мусульманский сепаратизм в его террористической форме подпитывается извне и в немалой степени связан с международным исламским радикализмом, который поддерживает воинственные мусульманские сепаратистские группы среди населения таиландского юга. Напряженная обстановка на мусульманском юге негативно влияет на внутриполитическую ситуацию в стране и опосредо-

ванно воздействует на внешнюю политику Таиланда. В связи с убийством буддийских монахов на юге появились требования включить в конституцию положение о том, что буддизм является государственной религией, выдвинутые влиятельными мирянами и поддержаные некоторыми монахами, которые организовали поход со слонами на Бангкок с челобитьем к властям¹³. Королевская власть публично не поддержала это предложение. Во-первых, положение буддизма в стране и так исключительно. Во-вторых, в острой ситуации это еще более обострило бы ситуацию.

Помимо мусульман, принадлежащих к малайскому этносу и составляющих 2/3 от всего мусульманского населения, в стране проживают небольшие группы мусульман - выходцев из Индии, Пакистана, Бангладеш, Камбоджи, Малайзии и Индонезии. Ислам исповедуют моны и чамы, потомки древнего населения Индокитайского полуострова. В стране насчитывается 3 567 мечетей, причем 2 289 из них находятся на территории южных провинций: Паттани, Яла, Сонгкхла, Наратхиват. В последнее время строятся новые мечети, в том числе в столице.

Многие местные китайцы, составляющие вторую по численности этническую группу в стране после тайцев, исповедуют даосизм - особую китайскую систему философских взглядов, нравственных представлений и верований. Для рядового китайца-приверженца даосизма, главное исполнять традиционные ритуалы и следовать срединному пути, который не осуждает процветания и богатства. Многие китайцы одновременно являются прихожанами буддийских храмов. Вообще двойная культурная и религиозная самоидентификация характерна для многих таиландских китайцев.

Приверженцами индуизма являются в основном выходцы с полуострова Индостан, их в Таиланде насчитывается несколько тысяч. Они обосновались в основном в городах и занимаются торговлей, многие по традиции торгуют тканями, постельным бельем. Кроме того, индуизм как элемент общей культуры вплетен в тайский буддизм. При дворе сиамских королей и современных таиландских монархов буддизм сосуществует с элементами брахманизма. Так, целый ряд королевских

обрядов проводится придворными брахманами (например, церемония коронации, церемония первой борозды).

Индуизм и другие религиозные учения, которые так же как буддизм пришли из Индии, не воспринимаются тайцами как нечто абсолютно чуждое, поскольку эти учения в той или иной степени вплетены в систему культурных и религиозных представлений тайцев. Так, со временем средневековья легитимность сиамских королей основывалась на положениях одновременно индуистской традиции и буддизма. Согласно первой из них, он является чакравартином или тякрапатом (по-тайски), то есть тем, кто через свою праведность заставляет мир вращаться вокруг него. Одновременно король, согласно буддийскому учению, – тхаммарапча или праведный правитель, заботящийся о благе подданных и твердо придерживающийся норм буддизма. Он также является бодисатвой, то есть просвещенным, который отказался от личного достижения нирваны, чтобы помочь людям. Королевское имя указывало, что король является инкарнацией (воплощением) Индры, Шивы или Вишну (Рамы). Церемония коронования проводилась и проводится сегодня брахманами, выполняющими свои функции при королевском дворе. Некоторые индуистские ритуалы вошли как элементы в практику тайского буддизма. Например, обвязывание священной нитью людей и предметов в некоторых обрядах, а также обычай лить святую воду из морской раковины. Так, во время церемонии бракосочетания руки молодоженов обвязывают священной нитью и на голову им льют святую воду. Язык индийской культуры взятен тайцам. В культе поклонения тайцев-буддистов входят божества индуистского пантеона Шива, Индра, Ганеша и другие. Великий индийский эпос Рамаяна (Рамакиен по-тайски) – основа традиционной культуры, литературы, театра, изобразительного искусства тайцев.

Сикхи, выходцы из Индии появились в Сиаме в конце XIX в., они проживают небольшими группами в разных городах страны, где имеют 17 гурдвар (храмов). В Бангкоке их две: одна была построена в начале XX в. в торговом районе Паурат, другая – на улице Силом.

Горные племена, проживающие на севере и северо-востоке страны и сохраняющие традиционный хозяйствственный

уклад, исповедуют анимизм. Официальная статистика оценивает их численность примерно в 500-600 тысяч человек. Они слабо интегрированы в тайское общество. Правительство стремится через специальные программы приобщить их к общей культуре, а буддийские монахи ведут работу по их обращению их в буддизм.

В повседневной жизни тайца-буддиста элементы анимизма занимают большое место. Сильна вера в духов на северо-востоке страны, в Исане, среди буддийского населения, то есть там, где люди живут в большей близости к природе и во многом сохраняют традиционное мировоззрение. Среди самых разных этнических групп таиландского населения сохранилась устойчивая вера в потусторонние силы. Они одушевляют природу, растения и животных. Исповедуют поклонение предкам. (Мой учитель Лев Николаевич Морев хорошо знал культуру тайцев и лаосцев, последние ему говорили: «Буддизм для праздников, духи – на каждый день».) Духи охранители места «живут» в специальных домиках для духов, на полочке в доме, в провинции – в счастливом дереве-охранителе деревни. В анимизме ритуально-обрядовая сторона играет особую роль. Духам-охранителям места (дома, деревни) приносятся подношения. В разных районах и по разным случаям дары бывают разными. Это могут быть традиционные ароматические палочки, цветы, фигурки-символы слонов, буйволов. На тайский Новый год – Сонгкран, в апреле, жители деревни могут готовить настоящие пиры для духов. Приношения могут быть индивидуальными, от семьи, от целой деревни. Духи, в представлении тайцев, влияют на безопасность, здоровье и благосостояние человека. Стремление добиться их расположения объясняется опасением перед тем злом, которое они могут принести. В то же время практические тайцы, проявляя настойчивость в устройстве своих житейских дел, не упускают возможности застичься благорасположением духов для успеха своего предприятия. Обычай общения с духами, соответствующие ритуалы являются частью традиционного бытового уклада, поскольку культивировать хорошие отношения с духами было заведено предками. Ритуалы поклонения духам соблюдали матери и бабушки современных тайцев, так должны делать и они. Соблю-

дение ритуалов дает тайцам чувство безопасности и упорядоченности бытия.

Христианство – еще одна мировая религия, которая наряду с буддизмом и исламом пришла в Таиланд извне. В отличие от буддизма, который сыграл положительную роль в период становления тайской государственности и остается одним из структурообразующих элементов тайского общества, христианство не пустило здесь глубоких корней. По разным данным, христианство исповедует от 0,5% до 0,7% населения (или от 351 987 до 438 тыс. чел.), большая часть из них – католики, более половины которых проживает в Чиангмае¹⁴. В основном это протестанты, принадлежащие к разным деноминациям. Со времен Великих географических открытий, пионерами которых выступили португальцы и испанцы, христианские миссионеры стали проникать в королевство Аютхая (Сиам). В 1511 г. португальцы захватили Малакку, которая была важнейшим противником Аютхай того времени и установили отношения с королем Раматхибоди II, а Орден иезуитов (Общество Иисуса) основал здесь свою миссию. В XVII в. в Аютхаю прибыли французские миссионеры, которые имели обширные планы обращения в католичество местного населения, включая самого короля. Эти планы встретили отпор со стороны местной знати и буддийского духовенства. В XIX в. миссионеры-проповедники во множестве приезжали в Сиам, среди них было много протестантов. Однако ни попытки обращения тайцев в христианство в средневековой Аютхе, ни прозелитизм проповедников XIX в. не привели к массовой христианизации местного населения. В отличие от Вьетнама, где 5-7% населения исповедуют христианство и Филиппин, где 80,9 % составляют католики и 11,6% - протестанты, а также Лаоса, где в настоящее время усилилась миссионерская деятельность протестантов, христианство не имело в Таиланде успеха¹⁵.

Политика государства по отношению к религии. Буддийская монашеская иерархия тесно связана с государством. Реформа государственного управления, которая была начата королем Монгкутом в середине XIX в. и продолжена его сыном и преемником Чулалонгкорном, направленная на укрепление государственности и централизацию власти, затронула и буд-

дийскую монашескую общину. В 1902 г. был принят Закон о сангхе, который определял отношения религиозной общины с государством. В дальнейшем в сферу деятельности государства были включены другие конфессии, их взаимоотношения с обществом и государством регулируются законом. Таиландское законодательство, закрепляя ведущую роль буддизма в стране положением о том, что король обязательно должен быть буддистом, в то же время провозглашает свободу вероисповедания. В текстах конституций 1997, 2006 и 2007 гг. содержались положения о недопустимости дискриминации личности по принципу религиозной принадлежности. Одновременно предусматривается наказание за оскорбление буддизма и буддийского монашества. Согласно Закону о сангхе от 1962 г., нарушение этих правил влечет за собой наказание в виде тюремного заключения сроком до 1 года или штрафа до 188 тыс. бат. Уголовный кодекс предусматривает наказание за оскорбление по мотивам религиозной принадлежности и беспорядки в местах религиозного поклонения или отправления религиозных служб всех официально признанных конфессий.

Вопросами взаимоотношения государства с религиозными конфессиями и объединениями занимается в настоящее время Департамент религиозных отношений при Министерстве культуры¹⁶. В его функции, в частности, входит регистрация религиозных групп, чья деятельность разрешена в стране. Департамент также осуществляет государственное финансирование буддийской сангхи. На всех уровнях власти существуют органы, отвечающие за состояние буддизма. Провинциальный буддийский комитет организует общественные работы по строительству и ремонту монастырских зданий. Администрации подчиняются десять-двацать деревень тамбона, на территории которых находятся минимум 5 монастырей. Руководство монастырем осуществляет настоятель, назначаемый буддийским комитетом района или провинции. При каждом монастыре имеется религиозный совет, в состав которого входят старшие монахи и представители мирян - деревенская знать и уважаемые жители деревни, что дополнительно собирает вокруг монастырей сотни тысяч активных буддистов.

Ведущую роль в подготовке кадров буддийского духовенства играют специальные буддийские университеты Маха Монгкут и Маха Чулалонгкорн, расположенные в Бангкоке, которые дают монахам образование, поднимают их культурный уровень и обучают навыкам самоуправления крестьянской общины. В стране функционируют 2 крупные общественные религиозные организации: Ассоциация буддистов Таиланда и Ассоциация молодых буддистов. Эти ассоциации и их многочисленные филиалы занимаются пропагандой буддизма через ТВ, радио, печать, организуют семинары, фестивали, праздники, конкурсы и т.д., чем расширяют число мирян, причастных к жизни религиозной буддийской общины. В Бангкоке находится штаб-квартира международной организации «Всемирное братство буддистов», с которой наряду с представителями других стран поддерживают отношения буддисты России.

С середины 80-х годов Департаментом религиозных отношений при Министерстве культуры распределяются небольшие средства на поддержку небуддийских религиозных организаций. В Таиланде официально зарегистрированы следующие конфессии: буддисты, мусульмане, брахманисты-индуисты, сикхи и католики. Среди католиков выделены: приверженцы Римской католической церкви, протестанты, южные баптисты, адвентисты седьмого дня, Церковь Христа, Евангелическое братство. Не все религиозные группы регистрируются, но и те из них, которые не были зарегистрированы, а также отдельные индивидуальные проповедники имеют возможность работать в стране. В Таиланде активно действуют христианские миссионерские организации и проповедники. Наблюдали отмечают большую веротерпимость как со стороны государства, так и со стороны населения при том, что не наблюдается отказ буддийского населения Таиланда от своей веры, несмотря на критику недостатков сангхи и отдельных монахов, не происходит и его массовой христианизации

С 1999 г. в Таиланде действует Русская Православная церковь. Она имеет семь приходов и один монастырь. В 2008 г. православная община официально зарегистрирована и насчитывает около 1 тыс. человек, в основном русских, румын и др.,

а также небольшое количество тайцев. Двое из православных священников – тайцы¹⁷.

Кризис религии и религиозности населения в условиях глобализации переживают многие конфессии и страны. Затрагивает он и Таиланд. Причиной этого явления особенно в Европе и в США является то, что нравственно-этические религиозные нормы пришли в непримиримое противоречие с современным обществом потребления и индивидуализма, а религия перестала давать личности ответы на его главные экзистенциональные вопросы. Все это не могло не отразиться на положении буддийской общины и ее внутренней жизни. О наличии кризисных явлений в религиозной сфере в стране свидетельствует и появление новых сект, которые бросают вызов традиционному буддизму. С другой стороны, граждане страны буддисты нашли решение своих проблем в рамках буддизма, хотя и в рамках новых движений. Одновременно повсеместно резко усиливаются суеверия, вера в чудеса и амулеты. В Таиланде, где вера в сверхъестественное традиционно была сильна, в наше время суеверия носят характер эпидемии. На фоне явного кризиса западных религий ислам переживает ренессанс, подчас принимая агрессивную радикальную форму, что наблюдается на таиландском юге. Таким образом очевидно, что современные проблемы, связанные с кризисом религии и религиозности проявляются и в Таиланде, но здесь эти процессы пока не носят разрушительного характера. Возможно, это связано с особой пластичностью и восприимчивостью тайского буддизма – в него в готовности включать в себя инорелигиозные элементы, что также дает основания для его стойкости.

¹ Thai National Statistic Office. Population and housing census 2011.

² CIA World Fact book. Thailand, 2007-02-08.

³ См.: Tambiah, Stanley Buddhism and the spirit cults in North-Eastern Thailand. Cambridge University Press, 1970.

⁴ Bangkok Post, 22 September 2013.

⁵ Bangkok Post, 27 September 2013.

⁶ Bangkok Post, 20 -27 September 2013.

⁷ По сообщению Информационных агентств.

⁸ Marja-Leena Heikkila-Horn. Buddhism with open eyes. Belief and Practice of Santi Asoke - http://bunniyom.com/openeyes.marja_leena.html

⁹ Там же.

¹⁰ Об этом писал Simon Montlake в статье «Thailand Tiny Buddhist Army» в The Cristian Science Monitor, 9 March 2006.

¹¹ Подробно эти движения анализируются в книге Mac Kenzi. “New Buddhist Movements in Thailand: Towards an Understanding of Wat Phra Dhammakaya and Santi Asok”, Routledge, 2007.

¹² Thai National Statistic Office. Population and housing census 2011.

¹³ The Nation, 26 April 2007, 14 February 2007.

¹⁴ Thai National Statistic Office. Population and housing census 2011.

¹⁵ Л.Н. Морев, говоря о Лаосе, подчеркивал, что между буддистами и христианами здесь наблюдается противостояние. 50% населения Лаоса – буддисты. Буддизм распространен в основном среди лаосцев, а вот горные племена – зона прозелитизма западных христианских конфессий. В 50-60-е годы XX в. в Лаос стала проникать католическая церковь. Сегодня при населении 6 млн. человек католики составляют в Лаосе по приблизительным оценкам около 40 тыс. человек. В 70-е годы в Лаос устремились протестанты из США. Особенно они активизировались после 1975 года, еще более энергично действуют – с начала XXI века. Сейчас в Лаосе около 400 конгрегаций, что составляет около 60 тыс. человек. Именно они провоцируют конфликт с буддизмом и пытаются расколоть общество.

¹⁶ Karuna Kusalasaya. Buddhism in Thailand. Its Past and Its Present.- <http://www.acsesstoinsight.kusalasaya\wheel1085html>. Retrив. On 1 October 2013.

¹⁷ Официальный вебсайт Православной церкви Московского патриархата в Таиланде.

©

Ряховская Е.И.
ДВГГУ, аспирант

ПРОБЛЕМА МАОРИЙСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ в НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

В последнее время пристальное внимание во всем мире уделяется межэтническим проблемам, и в их числе следует отметить проблемы взаимоотношений центральных властей с коренными народами.

Опыт Новой Зеландии в сфере политики по отношению к национальным меньшинствам является наиболее удачным, но имеющим свои отрицательные стороны. В частности, вопрос маорийской преступности стоит настолько остро, что в Новой Зеландии даже появилось устойчивое выражение «*Maori crime problem*» («проблема преступности маори»), которое имеет неофициальное хождение и не признается публично в силу политкорректности, принятой в новозеландском обществе. Колонизация, разрушившая традиционный уклад маори, а затем ликвидация ее последствий, в ходе которой аборигенам было предоставлено множество привилегий, подготовили почву для роста преступности среди коренного населения. Мы рассмотрим особенности и причины возникновения этой проблемы в новозеландском обществе.

В 2010 г., когда новозеландский город Гамильтон занял второе место по количеству рецидивов преступлений, криминолог Грэг Ньюболд высказал мысль о том, что высокий уровень преступности связан с большой численностью маорийского населения в городе. Он прокомментировал это так: «Чем больше маори в вашей местности, тем больше тяжких преступлений вы получите, это – факт жизни»¹.

Стереотипный образ современного городского маори – это жестокий, сильно пьющий человек в татуировках. Однако для многих маори в этом образе есть и другие нюансы: они видят человека без связи с *whakapapa* (родственных уз и связи с предками) и *whenua* (местом, где жили и были похоронены предки) – т.е. теми аспектами *tikanga* маори (традиционными

нормами и правилами социального поведения), которые обеспечивают основу социальной защиты и морали маорийского сообщества. Маори-преступник – конечный продукт почти двух сотен лет процесса колонизации, подорвавшей традиционные способы регулирования правовых отношений между соплеменниками внутри сообщества маори.

Статистика правонарушений в Новой Зеландии отражает тенденцию роста преступности среди маорийского населения. Вероятность того, что за совершение уголовного преступления будет задержан маори, почти в 3 раза выше², чем вероятность задержания за аналогичное преступление представителя другой части населения страны. Под стражей в ожидании суда находятся в 9 раз больше маори, чем не-маори. В 2005 г. 43% из всех случаев правонарушений произошли при участии маори. Среднее число мужчин-заключенных в тюрьмах в 2005 г. было 5369 чел., 51% из которых маори³. В женских тюрьмах 58% заключенных – маори⁴.

Маори фигурируют не только в числе правонарушителей, но и в качестве жертв преступлений. В 2000 г. маори-мужчины стали жертвами в 85% случаев⁵. Маорийские женщины становятся жертвами преступлений в два раза чаще, чем представительницы не-маорийских групп населения⁶.

Исследования говорят о том, что не только расовая принадлежность является существенным фактором в вынесении приговора, но и вид преступления, и предыдущие судимости⁷. Так, к людям, которые не имеют работы или финансово неустойчивы, - большинство из которых как раз маори, - с меньшей вероятностью применяются штрафы и штрафные санкции ввиду неплатежеспособности штрафников, которых в этой связи отправляют в места заключения.

Одним из основных препятствий на пути к решению «проблемы преступности маори» является принятая в новозеландском обществе политическая корректность, которая не позволяет затрагивать этнический аспект и публично признавать тот факт, что среди правонарушителей непропорционально большое количество маори. В дискуссиях, ведущихся в сферах законодательства, СМИ, политики в центре внимания обычно оказываются такие причины преступности, как бед-

ность, алкоголизм или наркомания, недостаток образования или занятости, а также физические и психические проблемы со здоровьем. Но, не обращаясь к этнической и культурной самобытности маори, мы не можем добраться до корней всех вышеуказанных социальных проблем, являющихся последствиями той травмы, которую нанесла маорийскому обществу колонизация. Кроме того, подход, уделяющий особое внимание бедности и другим социальным дисфункциям, деполитизирует проблему⁸.

Маорийские ученые Моана Джексон, Эдди Дьюри и Мейсон Дьюри утверждают, что для устранения того кризисного положения, в условиях которого маори постоянно попадают в порочный круг нищеты и преступности, необходимо участие всего новозеландского общества ради сохранения и оздоровления культурной идентичности маори⁹. Бедность маори зачастую не столько экономического плана, сколько является бедностью ума, сердца, духа и души, как ни печально это признавать. Безопасная и здоровая личность может существовать только в том обществе, где люди могут иметь доступ к знанию своего языка и культурных норм и практик, которые, в свою очередь, ценятся, поощряются и укрепляются как в обществе в целом, так и в правовой системе.

Tikanga маори – это гораздо более широкая система обычаев, права и нормативных предписаний, и она никак не коррелирует с западной правовой системой и европейскими способами мышления. Это означает, что в Новой Зеландии понятие *tikanga* проанализировано в ограниченных масштабах и истолковано в соответствии с западной идеологией, теорией и практикой, касающихся преступлений и правонарушений.

Согласно устной традиции, маори пришли в Аотеароа – Страну длинного белого облака (это еще одно название Новой Зеландии), по крайней мере, за тысячу лет до контакта с европейцами. И все это время они жили по своим собственным законам, нормам и правилам в обществе, основанном на системе родства. Единого названия для маорийцев тогда не существовало; термин «маори», означающий «нормальный», вошло в обиход лишь после встречи с представителями европейского мира, чтобы отличить от них народы Аотеароа от европейцев,

которые были названы маори языками «пакеха»¹⁰. В языке маори оно первоначально употреблялось как оскорбительное и, по одной из версий, происходит от названия человекообразных злых морских духов. До контакта с пакеха у маори не было национальной идеи, и все бытовые вопросы решались на уровне расширенной семьи (*whanaau*), а правовые и политические вопросы рассматривались на племенном уровне (*iwi*).

Несмотря на то, что однородной идентичности у маори до контакта с европейцами не было, и тот факт, что история, язык и *tikanga* варьировались для многих *iwi* по всей территории, было сходство в принципах, по которым жили маори.

Структура маорийского общества основывается на *whakapapa*, или генеалогической связи. Все люди-маори связаны с природным и духовным мирами, со всеми аспектами окружающей среды. Эти связи установлены по принципу *whanaungatanga*, или семейных обязательств. Маори действовали так, чтобы укреплять и поддерживать отношения – как с другими людьми, так и с миром природы. Связь и взаимозависимость являлись неотъемлемой частью их жизни. Персональная идентификация начиналась с членства в крупных группировках, а индивидуальность была вторична по отношению к коллективу.

Ключевое положение *tikanga* – поддержание равновесия между человеческим миром и миром нематериальным. Это достигалось за счет принципа *utu* (баланса). Концепция баланса может быть представлена при помощи метафорической модели четырехгранного дома – *whare tapa wha*, где каждая стена дома представляет один из аспектов здоровья: *te taha tinana* (тело, реальность), *te taha wairua* (душа, дух человека, который существует за пределами смерти), *te taha hinengaro* (сознание, осознание) и *te taha ngakau* (место привязанностей, сердца, ума). Все вместе они составляют четыре аспекта: физический, духовный, интеллект и чувства¹¹. Когда все эти факторы присутствуют, то человек, являющийся частью своего *whanaau*, и сообщество в целом существуют себя как здоровые, нормально функционирующие единицы. Дисбаланс в одном или более из этих аспектов требует вмешательства общественности, чтобы

восстановить *whairua* (духовный аспект личности) и реинтегрировать человека в коллектив.

Очень важна в традиционном маорийском обществе концепция маны. Мана является сверхъестественной силой в человеке, месте или объекте, сочетающая в себе такие факторы как престиж, авторитет, управление, власть, влияние, статус, духовная сила, харизма¹².

Добрые дела повышают ману человека и связанных с ними семейных групп, в то время как аморальные и противоправные действия будет иметь негативное влияние на ману человека и этих группы¹³.

В дополнение к генеалогическим связям и достижениям, составляющим родовую ману, прилагается ответственность за землю и ресурсы в месте проживания. Все события, которые происходят в определенном месте проживания, отражаются на мане местных жителей. Это и есть одна из целей общества маори – увеличить индивидуальную и коллективную ману, контролируя соблюдение принципов *tikanga*.

В отличие от системы общего права, в *tikanga* нет никакого различия между гражданским и уголовным правом, или между преступностью и моральными проступками. *Hara* (преступление) включает в себя: *kohuru* (убийство), самоубийство, *roromi* (детоубийство), аборт, изнасилование, *ngau whiore* (инцест), *rureti* (прелюбодеяние), насилие в семье и др.¹⁴

Цель разрешения спора заключалась в восстановлении равновесия и маны участвующих сторон. Если спор возникал между членами разных *iwi*, то это могло привести к войне, так как никакого вышестоящей структуры для урегулирования отношений не было.

Представление маори о времени и пространстве отличаются от западного тем, что время представляет собой непрерывный процесс. Это влияет на разрешение споров. Во-первых, нет никаких ограничений во времени и пространстве, допустимых для разрешения споров. Во-вторых, существует коллективная ответственность за споры. Таким образом, если спорщики не могут разрешить свой спор, то этот вопрос остается открытым, и его решение может откладываться на неограниченное время.

В рамках *tikanga* жертвой является не оскорбленный индивидуум, а весь коллектив. Маорийское мировоззрение основывается на норме равновесия и гармонии, и исправление для маори более желательно, чем наказание. Это не означает, что принципы *tikanga* мягки по отношению к преступникам. В перечень способов оплаты *hara* входят смерть и изгнание.

Эту систему лучше всего описал Моана Джексон: «Права отдельных личностей были неотделимы от благосостояния всего рода. У каждого были взаимные обязательства и набор поведенческих прецедентов, установленных общими *tipuna* – предками. Они были основаны на конкретной вере в то, что общество может функционировать только тогда, когда все вещи – физические и духовные – приведены к балансу»¹⁵.

Колонизация Аотеароа англичанами оказала разрушительное воздействие на маорийский образ жизни, в том числе и на способы борьбы с правонарушениями. Правовая система английских колонизаторов включала в себя множество понятий, которые были чужды маори: например, раздельные гражданские и уголовные юрисдикции; отсутствие ответственности за непреднамеренный ущерб; отчуждение потерпевшего от процесса отправления правосудия; идея, что государство может являться потерпевшей стороной в споре; а также отсутствие акцента на возмещении ущерба. Кроме того, такой вид наказания как тюремное заключение был неизвестен маори, а потому им непонятен. Еще в 1988 г. М. Джексон говорил о том, что уголовное право в Новой Зеландии – продукт европейских ценностей. Культурные ценности маори просто не отражены в нем. Таким образом, принцип «один закон для всех» по сути трансформировался в принцип «закон пакеха – один для всех»¹⁶.

Tikanga, маорийская система прав и ценностей, в целом была проигнорирована колониальной правовой системой, хотя поначалу предпринимались попытки назначения маорийских судей для наблюдения за отправлением правосудия в маорийских общинах¹⁷.

Пока маори вели привычный образ жизни в своих деревнях, традиционная маорийская правовая система работала вместе с европейской моделью судопроизводства. Но во второй

половине XX века усилился процесс урбанизации маори, и аборигены стали находиться в более тесном контакте с пакеха. Это серьезно повлияло на постепенное уничтожение традиционной правовой системы маори. Отчуждение земель ломало традиции; переход к частному землевладению разрушал коллективные семейные хозяйства. Эти проблемы усугублялись массовой миграцией маори в города после Второй мировой войны. В 1945 г. в сельских районах проживало 75% маори, к 1991 г. этот показатель снизился до 18%¹⁸. Миграция маори в крупные города позволила им перенять образ жизни пакеха и при этом еще сильнее ослабила связи с племенными социальными институтами.

Одним из результатов исторических обстоятельств, описанных выше, является социально-экономическое неблагополучие маори. Система маорийских школ, которая действовала в течение века после своего создания в 1867 г., была направлена на ассимиляцию маори и их интеграцию в мир пакеха¹⁹. Маорийских мальчиков готовили для работы в аграрном секторе, а девочек для работы в качестве домашней прислуги и до-мохозяек. Кроме того, в маорийских школах существовал запрет на маорийский язык и поощрялись ценности пакеха. Такое положение дел историк Рангуини Уокер назвал «культурной капитуляцией»²⁰. Эта система воспитала поколения маори, которые были заняты на неквалифицированных работах, и которые не стремились получить высшее образование. Хотя система таких школ была отменена в 1967 г., ее наследие продолжает влиять и воздействовать на достижения и стремления современных маори²¹.

Низкая доля участия маори в определенных сферах общества, таких как экономика, образование и законотворчество, усиливает их маргинализацию. Одной из ключевых трудностей для молодых городских маори во втором или третьем поколении является невозможность стать частью маорийской идентичности в традиционном понимании.

В международной правовой системе доказано, что есть сильная корреляция между бедностью и уголовными преступлениями. В развитых странах мира преступления, как правило, совершаются бедными людьми. В Новой Зеландии, например, в

1970-х гг. криминалист А.Д. Никсон утверждал, что «маори нарушают закон, потому что они принадлежат к социальной группе, в которой обычно происходят преступления, и цвет кожи не имеет к этому отношения»²².

Таким образом, «проблема преступности маори» – это не просто результат бедности и асоциального образа жизни коренных представителей Новой Зеландии. Она в значительной мере зависит от сложного взаимодействия ряда социальных процессов, в том числе проводимой государством политики законотворчества и правоприменения, а также политики в отношении расовой, этнической и культурной принадлежности маори.

¹ A. Leaman. Maori crime “fact of life”, Waikato times. 2013,

<http://www.stuff.co.nz/national/crime/8649827/Maori-crime-fact-of-life>
² P. Williams The Alchemy of Race and Rights Cambridge, Massachusetts and London,Harvard University Press, 1991.

³ High Number of Maori in the Criminal Justice System", Ngakia Kia Puawai, New Zealand Police Management Development Conference, 28 November 2006: www.labour.org.nz/MarkBurton/speeches_and_releases/policecollege281_106/index.html

⁴ Ministry of Women's Affairs Maori Women: Mapping Inequalities and Pointing Ways Forward, Wellington, Ministry of Women's Affairs, 2001, p 116, Table F4

⁵ Ministry of Justice, Conviction and Sentencing of Offenders in New Zealand: 1996-2005 Wellington, Ministry of Justice, 2006, Table 7.1

⁶ Ministry of Women's Affairs Maori Women: Mapping Inequalities and Pointing Ways Forward, Wellington, Ministry of Women's Affairs, 2001, p 117.

⁷ H. Deane, “The Effect of Gender and Ethnicity on Sentencing” (March 1995) 3 Criminology Aotearoa/New Zealand 11-12.

⁸ P. Williams The Alchemy of Race and Rights Cambridge, Massachusetts and London, Harvard University Press, 1991.

⁹ M. Jackson He Whaipaanga Hou: Maori and the Criminal Justice System: A New Perspective Wellington, Ministry of Justice, 1988; E Durie, “Custom Law” paper presented to the New Zealand Society for Legal and Social Philosophy, Wellington, 1994; M Durie Nga Tai Matatu: Tides of Maori Endurance Melbourne, Oxford University Press, 2005.

¹⁰ R. Walker Ka Whawhai Tonu Matou 2nd ed, Auckland, Penguin Books, 2004, p 94

¹¹ M. Durie Whaiora Auckland, Oxford University Press, 1994, p 70.

¹² H. Mead *Tikanga Maori* Wellington, Huia Publications, 2003, p 39.

¹³ A. Mahuika, “Leadership: Inherited and Achieved” in M King (ed) *Te Ao Hurihuri* Auckland, Reed Publishing, 1992, pp 42–63.

¹⁴ R. Joseph, “Maori Customary Laws and Institutions” a paper prepared for Te Matahauariki Research Institute, University of Waikato, August 1999: <http://lianz.waikato.ac.nz/PAPERS/Rob/Custom%20Law.pdf>. (last accessed 17 August 2007).

¹⁵ M. Jackson, “Criminality and the Exclusion of Maori” in N Cameron (ed) *Essays on Criminal Law in New Zealand: Towards Reform* Wellington, Victoria University Press, 1990, p 32.

¹⁶ Noaia Arena Napia, *Towards a maori criminal justice system*, 1994

¹⁷ A Ward A Show of Justice: Racial Amalgamation’ in *Nineteenth Century New Zealand*, Second edition, Auckland, Auckland University Press, 1995, p 66.

¹⁸ R. Walker *Ka Whawhai Tonu Matou* 2nd ed, Auckland, Penguin Books, 2004, p 197.

¹⁹ Native Schools Act 1867.

²⁰ R. Walker *Ka Whawhai Tonu Matou* 2nd ed, Auckland, Penguin Books, 2004, p 147.

²¹ J. Simon and L Tuhiwai Smith (eds) *A Civilising Mission? Perceptions and Representations of the New Zealand Native Schools System* Auckland, Auckland University Press, 2001.

²² Joint Methodist-Presbyterian Public Questions Committee, *New Zealand Today – Criminal Violence — The Church and Violence — Our Problem?* 1976: <http://www.casi.org.nz/publications/violnce.html>

©

Мосолова О.В.

ИВ РАН

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА АВСТРАЛИИ

Правительство Австралии взяло на себя обязательство строить сильную национальную инновационную систему, в осознание той важной роли, которую играют инновации в росте эффективности экономики и экономическом росте. Австралия демонстрирует значительные достижения в развитии инноваций во многих областях научных исследований, включая медицину, передовые разработки в области промышленности и сельского хозяйства и т.п.

В стране были сделаны крупные научные открытия, учёные Австралии постоянно получают престижные научные премии за выдающиеся научные открытия, сделанные ими, в частности, в области физики, математики, клинической медицины, в т.ч. иммунологии. Успехи научных исследований в Австралии также существенны в области биологии, в том числе ботаники, а также наук об окружающей среде. Публикации в этих областях научных исследований достигли высокого уровня. Например, в 1915, 1945, 1960, 1963, 1975, 1996 и 2005 гг. исследователи из Австралии стали лауреатами Нобелевской премии по физике, химии, а также 5 раз по медицине (в т.ч. 2 раза по иммунологии).¹

Сегодня, в XXI веке, Австралия зарекомендовала себя как значительная научная сила. В стране процветают, в частности, биологические исследования, особенно Большого барьерного рифа в Квинсленде, главное внимание уделяется здоровью и сохранению рифовых рыб и кораллов. Например, Австралийский институт морских исследований (Australian Institute of Marine Science (AIMS)), входит в 1% наилучших мировых институтов, занимающихся вопросами экологии и состояния окружающей среды, а также биологической науки. Вместе с австралийским Университетом Д.Кука, они являются двумя наилучшими организациями в изучении экологии коралловых рифов.

Геология также признаётся важной наукой, как для огромной добывающей отрасли экономики (на западе страны), так и для целей изучения значительных ресурсов полезных ископаемых. Древний ландшафт Австралии является объектом исследования сельскохозяйственных наук, а также палеонтологии. Центры космических и астрономических исследований группируются вокруг трёх крупных современных телескопов, построенных в стране. В медицине хорошо развиты иммунология, педиатрия, большое развитие получили биотехнология, молекулярная биология и т.п.²

Развитие науки в Австралии тесно связано с исследованиями, находящимися в центре внимания на глобальном уровне. Например, на сегодняшний момент большое внимание учёные Австралии уделяют вопросам развития юга Тихого Океана и азиатских стран. Вопросы изменения климата, сохранения биоразнообразия, охраны природных ресурсов и развития городов являются научными приоритетами в данной области.

Правительство Австралии взяло на себя обязательство развивать культуру инноваций, в частности, для наилучшего использования национальных и международных информационных сетей, поощрения творчества во всех формах научных исследований, поддержки взаимодействия между университетскими исследованиями и промышленностью, а также распространения результатов научных исследований на более широкие слои общества.

Научные исследования осуществляются в Австралии на 3-х уровнях: в университетах (примерно 40%), в Научной и промышленной исследовательской организации Содружества и по Программе кооперации научных центров (Cooperative Research Centres), в которой взаимодействуют университеты, промышленность и другие организации.

Организации, занимающиеся научными исследованиями, работают как в государственном, так и в частном секторе экономики. Они находятся как в национальной юрисдикции, так и в юрисдикции отдельных штатов и территорий. В число этих организаций входят 39 университетов, а также некоторые крупные и множество мелких, частных компаний во всех отраслях промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг.

Большой объём разнообразных исследований проводится в высшей школе. Австралийские университеты являются главными центрами фундаментальных исследований. Один из ведущих центров высшего образования – Австралийский Национальный университет (АНУ), который был создан в 1946 г. в Канберре с целью подготовки научных работников и организации исследований высшего уровня. Приоритетами развития университетской науки являются медицина, биология, социальные и гуманитарные исследования.

Одной из наиболее важных организаций является Научная и промышленная исследовательская организация Содружества (Commonwealth Scientific and Industrial Research Organization (CSIRO)), которая является крупнейшим и наиболее диверсифицированным научно-исследовательским институтом в Австралии. Институт был основан в 1926 г., в нём работает 6500 сотрудников в 56 филиалах, расположенных как в Австралии, так и за рубежом.

Исследования Института включают агробизнес, информационные технологии, обрабатывающую промышленность, здравоохранение, новые источники энергии, изменения климата, проблемы водоснабжения, развитие добывающей промышленности, космические исследования, проблемы окружающей среды и природных ресурсов.

Институт управляет тремя Национальными исследовательскими центрами: Австралийская лаборатория исследования здоровья животных, Австралийский национальный телескоп и океанографическое исследовательское судно.

Другие научные инициативы правительства Австралии включают: Исследовательский проект координации научных программ (Science Connections Program – SCOPE). Эта Программа направлена на повышение осознания обществом важности вклада научных исследований и технологий, разрабатываемых в Австралии, для устойчивого экономического роста и повышения уровня социального обеспечения.

Программа финансирует ряд научных инициатив, включая приз премьер-министра за научные исследования, Национальную неделю науки, программу Наука онлайн, Австралий-

скую научную и математическую олимпиаду, программу научных и инжиниринговых исследований.

Приз премьер-министра за научные исследования, главная научная награда Австралии, вручается ежегодно отдельным учёным или группе исследователей из Австралии, которые внесли выдающийся вклад в науку, с пользой для повышения благосостояния и благоденствия общества.

Программа International Science Linkages поддерживает австралийских учёных, из средств как частного, так и государственного сектора, в их сотрудничестве с международными партнёрами, работающими на передовых рубежах науки и технологий, для того, чтобы внести свой вклад в экономическое, социальное и экологическое благосостояние Австралии.

Интересно отметить, что не все научные исследования выполняются непосредственно на территории Австралии. Это, в частности, происходит потому, что крупные компании зачастую находят для себя сравнительные преимущества в проведении научных исследований в известных научно-исследовательских организациях, расположенных, например, в Северной Америке или в Европе.

Программа кооперации научных центров (Cooperative Research Centres) способствует продвижению инновационных исследований, поощряя долгосрочные стратегические связи и сотрудничество между исследователями, промышленностью и правительством. Программа координирует австралийские научные и технологические ресурсы с целью осуществления общей инновационной, промышленной и научной политики.

Ключевой инициативой правительства Австралии является проект стоимостью в 200 млн. долл. «Сеть взаимодействия предприятий» (Enterprise Connect network), направленный на усиление взаимодействия, а также обмена между различными предприятиями и бизнес центрами новыми идеями и новыми технологиями. Эта система включает в себя Центр обрабатывающей промышленности, Центр исследования новых источников энергии, Центр современных промышленных технологий и Центр по управлению отдалёнными предприятиями.³

Австралийское Управление связи и средств массовой информации ответственно за управление сетью радио- и телеком-

муникационных линий и он-лайн вещания. Система телекоммуникаций Австралии является одной из наиболее конкурентоспособных в АТР. Бизнесмены в Австралии и другие пользователи имеют доступ к сложной и эффективной по стоимости инфраструктуре телекоммуникаций, которая включает телефон, услуги мобильной связи, а также Интернет.

Правительство Австралии приняло на себя обязательство улучшать инфраструктуру телекоммуникаций и соответствующих услуг. Была принята программа стоимостью 4.7 млрд. долл. для укрепления взаимодействия с частным сектором в решении этих вопросов.

Сектор мобильных телекоммуникационных услуг является одним из быстрорастущих рынков в Австралии, внося вклад 8.77 млрд. долл. ежегодно в экономику страны. В стране зарегистрировано примерно 20.8 млн. пользователей мобильных телефонов (99% потенциальных пользователей страны). В целом, Австралия имеет один из самых высоких уровней владения мобильными телефонами в мире.⁴ Степень использования компьютеров в Австралии также является высокой. По числу компьютеров на 1 тыс. чел. населения Австралия занимает второе место в мире после США.⁵

Большинство жителей страны активно пользуется Интернет-услугами. Например, степень использования Интернета бизнесом постоянно растёт. Примерно 60% мелких и средних предприятий пользуются системой заказов для проектов и услуг онлайн. Среди простого населения наиболее популярным является доступ к государственным услугам и осуществление банковских операций через Интернет. Например, около 60% населения Австралии контактируют с правительством через Интернет, 40% населения пользуется банковскими услугами онлайн.⁶

Региональная телевизионная служба Австралии, Australia Network, обеспечивает АТР высококачественными, конкурентоспособными программами и информацией о месте Австралии в регионе, включая новости, текущие дела, программы по социальным вопросам, культурные, образовательные программы и т.п. Эта сеть доступна 21 млн. домашних хозяйств и 200000 номеров в отелях региона. Эта сеть, также как и Radio Austral-

ia's English, представляют имидж страны за рубежом.⁷ Australia Post является единственным оператором в сфере почтовой связи Австралии. Она также участвует в конкурентной борьбе, расширяя свои функции и предоставляя услуги как в области почтовой связи, так и в более широкой сфере телекоммуникационных услуг.

В настоящее время объём рынка информационных и телекоммуникационных технологий в Австралии составляет порядка 89 млрд. долл. США, на этом рынке действуют 25000 компаний с общим числом занятых 236000 специалистов.⁸

Таким образом, история современной Австралии тесно связана с научными открытиями и технологическими инновациями. Решение проблем, созидательные идеи и новые технологии также важны для встречи социальных вызовов и вызовов окружающей среды, с которыми Австралия сталкивается как нация, - начиная от проблемы старения населения до климатических изменений. В связи с этим Австралия предпринимает большие исследовательские усилия в осуществлении научных проектов в гуманитарных и социальных науках, также как и в технологических дисциплинах.

Преуспевающей экономике требуется высококвалифицированная и высокообразованная рабочая сила. В связи с этим в Австралии уделяется большое внимание поддержке и развитию системы современного образования. Доля расходов на образование составляет 4.3% ВВП страны. (Это соответствует показателям Франции, Италии, Японии и Великобритании, по сравнению с 4.8% в США и 5.8% в Новой Зеландии).⁹

В правительстве Австралии понимают, что внимание к системе образования и системе подготовки кадров важно для обеспечения того условия, чтобы квалификация работников, прошедших систему обучения, соответствовала условиям современного развития экономики. В государственном бюджете выделены значительные средства на цели образования и переподготовки кадров, включая постоянно выделяемые средства на финансирование программ по обучению и повышению квалификации людей, ищущих работу.

Австралийская система образования получила международное признание. Правительство играет руководящую роль в

определении, а также продвижении национальных стандартов и приоритетов для учащихся и студентов. Ключевые цели включают использование передовых наивысших стандартов образования через национальную согласованность и ответственность, повышение качества обучения, обеспечение безопасности системы обучения и обеспечение целей равенства доступа к образованию.¹⁰

Одной из мер правительственной политики, направленной на повышение качества обучения, стало увеличение срока обучения в средней школе. Правительство также осознаёт необходимость получения молодыми людьми высшего образования, для того, чтобы соответствовать требованиям современной экономики на рынке труда. Все эти тренды выразились в общем увеличении количества лет обучения.

Уровень образования и подготовки кадров в Австралии значительно выше, чем в среднем по странам ОЭСР. Например, более 1/3 австралийцев возраста 25-34 лет имеют высшее образование. Этот показатель на 5% выше, чем в среднем по странам ОЭСР. В Австралии насчитывается 8 сотрудников, занимающихся научными исследованиями, на 1000 занятых и страны находится на 8 месте по этому показателю среди стран ОЭСР.¹¹ Австралию отличает высокий уровень подготовки инженеров и специалистов в сфере высоких технологий. Много высших менеджеров и технического персонала имеют международный опыт работы.

Австралия является одной из лидирующих в мире стран, предоставляющих образовательные услуги для иностранных студентов, включая обучение английскому языку. Сектор международного образования Австралии является крупнейшим сервисным экспортным сектором. Молодые люди, которые учатся в Австралии и получают научные степени, становятся близкими со страной и её образом жизни. Многие продолжают поддерживать личные и профессиональные связи с Австралией долгое время после того, как они закончили обучение.

Австралия обеспечивает стипендии студентам из АТР, в т.ч. – в рамках так называемого Приза за старание, присуждаемого Отделением образования, занятости и трудовых отношений и Отделением стипендий и наград Австралии. Благодаря

Призу за старание, также открываются возможности для австралийцев заниматься исследованиями, обучением или профессиональным развитием заграницей.

В последнее время новые инициативы были предприняты правительством для удвоения числа поощрительных аспирантских стипендий. В правительстве понимают, что инвестиции в будущих учёных должны обеспечить дальнейшее увеличение числа квалифицированных специалистов в высокотехнологичных отраслях науки и экономики.

Таким образом, развитие информационных и телекоммуникационных технологий, а также современной системы образования становится двигателем экономического роста страны. По ряду направлений страна выдвинулась на передовые рубежи научно-технического прогресса. Население, бизнесмены и чиновники в Австралии являются передовыми пользователями высокотехнологичных продуктов. Политика поощрения новейших исследований и разработок (НИОКР) является важнейшим фокусом экономической политики правительства. Сегодня Австралия находится на 2-ом месте в мире по расходам на развитие инновационных технологий (7% ВВП).¹²

Надо подчеркнуть, что ведущие позиции Австралии в мировой экономике во многом объясняются эффективным использованием научно-технических достижений. Совершенно очевидно, что на современном этапе развития освоение инвестиций в производство должно осуществляться на современной научно-технической базе и требует адекватных инвестиций в науку и образование.

Согласно аналитическим исследованиям, эффект от осуществления грамотной экономической политики правительства все больше будет проявляться с течением времени, обеспечивая рост эффективности экономики страны ещё долгие годы, поскольку потенциал для дальнейшего роста весьма значителен, особенно в смысле обеспечения дальнейших стимулов для инноваций и повышения эффективности экономики.¹³

Конечно, дальнейшее развитие экономики Австралии во многом будет зависеть от ситуации в мировом хозяйстве в целом, но в перспективе её успехи всё больше будут определяться возможностями адаптации к новейшим достижениям НТП и

совершенствования собственной системы НИОКР. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что на основе использования новейших научно-технических достижений и опыта, повышения роли интенсивных факторов экономического роста, Австралия сможет всё более глубоко интегрироваться в систему глобального хозяйства.

¹ Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Innovative Australia – http://www.dfat.gov.au/aib/innovative_australia.html

² Innovative Australia – http://www.dfat.gov.au/aib/innovative_australia.html; Обзор экономики Австралии – <http://www.vneshmarket.ru/content/document>

³ Innovative Australia – http://dfat.gov.au/aib/innovative_australia.html

⁴ Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Australia in brief. Australia – a snapshot – <http://www.dfat.gov.au/facts/snapshot.html>

⁵ В чём причина успеха экономики Австралии? – <http://www.australia-russia.ru/newsaustralia/1448.htm>

⁶ A Global Economy – http://www.dfat.gov.au/facts/global_economy.html; Australia in brief. Australia – a snapshot – <http://www.dfat.gov.au/facts/snapshot.html>

⁷ Australia in brief. Media and communications – <http://www.dfat.gov.au/aib/media.html>

⁸ A Stable and Competitive Economy – http://www.dfat.gov.au/aib/competitive_economy.html; Economic Survey of Australia 2006. The short-term challenge... - <http://www.oecd.org/document>

⁹ The Far East and Australia. 2007, L., 2006, p.74.

¹⁰ Australia in brief. Excellence in education – <http://www.dfat.gov.au/aib/education.html>

¹¹ Innovative Australia – http://www.dfat.gov.au/aib/innovative_australia.html

¹² В чём причина успеха экономики Австралии? – <http://www.australia-russia.ru/newsaustralia/1448.htm>

¹³ Budget 1999-2000. Introduction – <http://www.budget.gov.au>

©

Селезнева А.С.
ДВГУ, аспирант

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ АВСТРАЛИИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ АБОРИГЕНОВ

Тысячелетиями развивавшаяся материальная и духовная культура австралийских аборигенов помогла им выжить и не утратить свою идентичность во время европейской колонизации континента. Несмотря на сильное внешнее воздействие, она продолжает оставаться индикатором самовыражения аборигенов.

С середины XIX в. культурное наследие коренных жителей Австралии начали использовать европейцы с целью обогащения, в то время как местные общины не имели механизмов защиты прав на свою культуру.

Реформы в отношении охраны традиционной культуры и интеллектуальной собственности аборигенов, проводимые австралийским правительством в 1990-2000-х гг., способствуют изменению представлений о ее роли для коренного населения в австралийском обществе. В статье представлен краткий исторический обзор проблемы ущемления прав коренного населения при воспроизведении традиционной культуры и выявлены причины легализации авторского права для аборигенов.

Традиционная культура и интеллектуальная собственность коренных жителей Австралии включают в себя предметы культурного самовыражения, такие как песни, танцы, устные предания, традиционные знания, культурные объекты, артефакты, сакральные останки предков и наскальную живопись.

Веками передающиеся народные знания, медицинские практики, культуры, обычаи, обряды и традиции не исчезли из исторической памяти аборигенов с приходом колонизаторов на континент. Наоборот, обращение к традициям помогло им устоять под натиском европейской цивилизации. Их культура

продолжает оставаться индикатором самовыражения и отражает традиционный образ жизни аборигенов.

Однако с середины XIX в. коммерцизация проникла и в сферу традиционной культуры. Экономическая выгода, получаемая от продажи культурного наследия аборигенов, была вполне очевидна, и потому служила обогащению европейских компаний.

К концу XX в. традиционная культура австралийских аборигенов превратилась в большой бизнес. Глобализация рыночной экономики способствовала коммерцизации традиционной культуры аборигенов, а с развитием высоких технологий появились новые способы её воспроизведения. Так, «в 1988 г. доходы от продажи искусства аборигенов оценивались в 18,5 млн. долларов США»¹. Спустя десятилетие доход возрос в разы и «в 2002 г. оборот местной индустрии изобразительного искусства и ремесел оценивался в Австралии приблизительно в 130 млн. долларов США, причем на долю коренных народов приходится около 30 млн. долларов США»².

В XXI в. коммерческая стоимость изделий местных промыслов, изобразительного искусства и ремесел являясь ценным источником дохода для коренных мастеров и общин в Австралии, обретя для них первостепенное значение. «Искусство коренных народов воспроизводится и используется в рекламе и маркетинге»³. Востребованными на артрынке оказались: произведения народного искусства, нанесенные на ковры, футболки и поздравительные открытки; традиционные напевы аборигенов в альбомах мировой музыки; ковры ручной работы и традиционные музыкальные инструменты, воссозданные неаборигенами; местные слова и названия, используемые в коммерческих целях. «Традиции местных культур во всем мире стали коммерческими до такой степени, что их культурное и религиозное значение практически остались за гранью понимания неаборигенного общества»⁴.

Меркантильный интерес к традиционной культуре аборигенов привел к таким прецедентам, когда аборигенам приходилось отстаивать свои культурные права в судебном порядке. Самые известные примеры представлены ниже:

1. В 1988 г. Джон Булун и еще несколько художников-абorigенов подали в Федеральный суд Австралии иск о несанкционированном использовании их творчества на футболках. «Несмотря на противоречивые мнения в суде, в конечном счете им выплатили компенсацию в размере \$150 000»⁵.

2. В 1987 г. Резервный банк Австралии обратился за помощью к Агентству аборигенных художников, чтобы разработать памятную банкноту в 10 долларов и выпустить её к 1988 г. - двухсотлетию освоения Австралии европейцами. Дизайнер 10-долларовой банкноты видел в Австралийском музее скульптуру, выполненную аборигеном Терри Юмбулулом, и хотел использовать на банкноте её дизайн. Терри Юмбулул, помимо собственного творчества, использовал элементы традиционной культуры. В ходе переговоров Терри Юмбулул подписал стандартное для Агентства аборигенных художников Австралии лицензионное соглашение, по условиям которого указанное выше Агентство и художники из Австралии и прочих стран мира могли воспроизвести любые элементы скульптуры, направляя ему 85% полученного гонорара. Агентство передало Резервному банку сублицензию, и начался выпуск банкноты. Юмбулул рассматривался законом как единственный владелец авторских прав на дизайн скульптуры, но внутри местной общины он подвергся серьезной критике аборигенов за выдачу разрешения на воспроизведение Банком традиционных элементов дизайна на банкноте. И когда «в 1989 г. Терри Юмбулул подал судебный иск на резервный банк Австралии и возражал против выпуска 10-долларовых купюр, утверждая, что её дизайн является правом собственности местной общины. Однако иск был отклонен»⁶. Потому как «закон об авторском праве в Австралии не обеспечивает признания общичных прав собственности аборигенов»⁷.

3. Для защиты интересов коренного населения группа активистов создала Ассоциацию по управлению искусством аборигенов, которая сейчас известна как Ассоциация защиты коренных искусств. В 1992 г. в ассоциацию поступила жалоба от компаний Indofurn Pty. Ltd. на вьетнамскую фабрику, с которой она сотрудничала. На фабрике изготавливались ковры по образцу произведений известных австралийских художников-

аборигенов. Ковры размером 2,7x3,5 м продавались по цене около \$4000 за штуку. После рассмотрения жалобы Ассоциация подала протест в отношении ведения фабрикой подобной деятельности, но компания продолжала работу и в конечном итоге импортировала в общей сложности около 850 квадратных метров ковров. Дело начали решать в судебном порядке, и Федеральный суд Австралии привлек к ответственности директоров компании в соответствии с законом об авторском праве⁸.

Подобные случаи выступают еще одним доводом в пользу того, что традиционное творчество и выражение культуры требуют внимания со стороны государства и развития австралийской законодательной базы в отношенииaborигенов. За последнюю четверть века приняты новые законы и изданы протоколы для охраны культуры коренных народов Австралии. Признание проблемы на государственном уровне и усилия местных организаций послужили началом нового этапа развития отношений между коренным населением Австралии и европейцами.

Реформы австралийского правительства в отношении охраны традиционной культуры и интеллектуальной собственностиaborигенов способствовали изменению представлений в австралийском обществе о её роли для коренного населения.

В 1975 г. Вэнджюк Марика, председатель Совета искусствaborигенов, призвал к лучшей защите арт-работaborигенов, в том числе произведений спиритуального значения. В 1981 г. им была создана рабочая группа по защите фольклораaborигенов. В подготовленном им докладе рекомендовалось создать «Закон о фольклореaborигенов» для защиты культурного самовыражения коренных народов, предлагалось ввести уголовное наказание за несанкционированное использование традиционной культурыaborигенов.

В докладе «Наша культура: наше будущее» (Our Culture: Our Future), опубликованном в Австралии в 1998 г., подготовленном Австралийским институтом изученияaborигенов и жителей островов Торресова пролива, рассматривается, как могут отразиться на коренных народностях моральные права и другие аспекты интеллектуального права. Автор доклада Терри Янке призывает к «реформе действующего законодательства, разра-

ботке системы коллекционирования предметов культурного наследства аборигенов и правовому просвещению аборигенов».

Следующим фактором, способствующим развитию законодательства по делам аборигенов, стало внимание международных организаций. Самыми влиятельными из них являются ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности) и Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

На международном уровне разработан ряд законов:

- 1967 г. поправка к Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений определила механизм международной охраны неопубликованных произведений, а также произведений, выпущенных анонимно. Она направлена на обеспечение международной охраны произведений фольклора/ТВК;

- 1976 г. принят Тунисский типовой закон об авторском праве для развивающихся стран, предполагающий специальную охрану в отношении произведений фольклора;

- в 1999 г. ВОИС организовала проведение региональных консультаций по охране произведений фольклора для африканских стран (март 1999 г.), для стран Азии и Тихоокеанского региона (апрель 1999 г.), для арабских стран (май 1999 г.) и для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (июнь 1999 г.). Каждая из консультаций «завершилась принятием резолюций или рекомендаций, в том числе рекомендаций в отношении того, чтобы ВОИС и ЮНЕСКО расширили объем работы и интенсифицировали деятельность в области охраны фольклора»⁹. В рекомендациях отмечалось, что будущая работа в этих областях должна включать разработку эффективного международного режима охраны произведений фольклора.

- в конце 2000 г. создан Межправительственный комитет ВОИС по интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору.

Для определения основных концепций правительства Австралии в области культурных прав аборигенов, ниже описаны принятые законы и рассмотрены их недоработки.

В соответствии со статьей 51 (XVIII) Конституции Австралийского Союза, федеральное правительство имеет право

принимать законы в отношении интеллектуальной собственности. В его законодательстве содержатся такие законы как:

- Закон об авторском праве 1968 г. (Copyright Act 1968);
- Акт о товарных знаках 1995 г. (Trade Marks Act 1995);
- Закон о дизайне 2003 г. (Designs Act 2003);
- Закон о конкуренции и потребителях 2010 г. (The Competition and Consumer Act 2010 - replacing the Trade Practices Act 1974).

Ими пользуются в равной степени европейцы и аборигены.

Закон об авторском праве 1968 г. предоставляет право на создание и владение любым видом интеллектуальной собственности. Австралийское авторское право ограничено временными рамками и, например, после смерти художника право на защиту использования его произведения длится 70 лет. По истечении этого срока художественное произведение находится в свободном доступе для использования другими авторами. Коренные народы являются владельцами авторских прав на свои произведения; они также вправе запрещать публиковать или иным способом воспроизводить свои работы. По закону об авторском праве 1968 г. у произведения должен быть конкретный автор работы. Однако это создает трудности для аборигенов, желающих защитить какой-либо древний обычай или вид искусства племени, или сказания, передаваемые в форме устной традиции, так как они являются культурным наследием всего племени, а не конкретного лица.

Закон о товарных знаках 1995 г. определяет торговую марку как «знак, предназначенный для отличия товаров или услуг, предоставленных в разных видах в торговле»¹⁰. Владелец логотипа «имеет исключительное право на его использование и передачу для использования другим лицам»¹¹. Чтобы зарегистрировать товарный знак, аборигену или европейцу необходимо обратиться в компанию по защите интеллектуальной собственности и зарегистрировать свой товарный знак. Тем не менее, «коренные народы могут иметь возможность оспорить регистрацию товарных знаков с элементами их традиционной культуры»¹². Коренные народы также регистрируют сертификационные товарные знаки, помогающие защите аутентичности

и качества их искусств и ремесел в Национальной ассоциации по защите исконных искусств (NIAAA).

Закон о дизайне 2003 г. защищает авторские проекты, в которых есть одна или более черта традиционного искусства. Этот закон позволяет «коренным народам регистрировать свои творческие работы с некоторой долей заимствования своей традиционной культуры»¹³.

Закон о конкуренции и потребителях 2010 г. является заменой Закона о торговой практике 1974 г. В соответствии с данным законом считается преступлением заниматься вводящей в заблуждение деятельностью в торговле. Продажа подделок декоративно-прикладного искусства аборигенов может негативно влиять на продажу подлинных артефактов аборигенов. Данный закон ограничивает продажу копий работ аборигенов.

Помимо указанных выше законов, аборигены в целях защиты своих интересов используют письменные договоры с лицами, заинтересованными в их культуре, - например, контракты с киноиндустрией, издательствами, научными сообществами и т.д.

Центр искусств Австралии предоставляет аборигенам рекомендации по составлению и соблюдению подобных договоров. Ряд правительственные учреждений культуры и органов власти разработали договоры о сотрудничестве с аборигенами: Министерство искусств Австралии, Национальный архив аудио- и видеоматериалов, а также прочие научно-исследовательские учреждения, в том числе Австралийский институт изучения аборигенов и жителей островов Торресова пролива, Национальная ассоциация искусств.

В заключение хотелось бы отметить, что существующая система интеллектуальной собственности в Австралии, несмотря на активную работу общественных организаций, внимание политиков и международное влияние, еще нуждается в доработке. Новым вектором в развитии прав интеллектуальной собственности аборигенов может стать издание закона об авторском праве конкретно для охраны традиционной культуры аборигенов и легализация общенных прав аборигенов для выражения своей традиционной культуры.

- ¹ Colin Golvan, Aboriginal Art and the Protection of Indigenous Cultural Rights, 2 ABORIGINAL L. BULL. 5, 5 (1992) (Issue 56), eitedin Simpson, //URL:<http://www.austlii.edu.au/journals/AboriginalLB/1992/26.html> (дата обращения 03.11.2014) ,p.5.
- ² ВОИС. Брошюра №1 «Интеллектуальная собственность и традиционные выражения культуры/фольклор»,2009, с.7.
- ³ French, J.Yumbulul v Reserve Bank of Australia and Others/ J. French. – Intellectual Property Review, Vol 21, Butterworths, NSW, 1991. p.50.
- ⁴ Trade Marks Act 1995 (Cth) s2.
- ⁵ French, J.Yumbulul v Reserve Bank of Australia and Others/ J. French. – Intellectual Property Review, Vol 21, Butterworths, NSW, 1991. p.48.
- ⁶ Colin Golvan, Aboriginal Art and the Protection of Indigenous Cultural Rights, 2 ABORIGINAL L. BULL. 5, 5 (1992) (Issue 56), eitedin Simpson, //URL:<http://www.austlii.edu.au/journals/AboriginalLB/1992/26.html> ,p.5.
- ⁷ French, J.Yumbulul v Reserve Bank of Australia and Others/ J. French. – Intellectual Property Review, Vol 21, Butterworths, NSW, 1991. p.46
- ⁸ Ibid.p.47.
- ⁹ ВОИС. Брошюра №1 «Интеллектуальная собственность и традиционные выражения культуры/фольклор»,2009. с.4
- ¹⁰ Trade Marks Act 1995 (Cth) s17
- ¹¹ Trade Marks Act 1995 (Cth) s2
- ¹² Trade Marks Act 1995 (Cth) division 2, part 4. Ibid. s52 (1)
- ¹³ IPAustralia, DreamShield, pp. 26 – 27 [электронный ресурс]// URL:<http://www.ipaustralia.gov.au/understanding-intellectual-property/26.html> (дата обращения 02.11.2014) ,p.26.

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АВСТРАЛИИ И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ АТР

Провозглашение Австралией своей новой роли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) усилило ее традиционный интерес к внешнеэкономическим связям, поскольку к 2013 г. четверть ВВП страны приносили сектора, контактирующие с азиатскими странами. А максимально хорошие отношения с этими странами были важны для поддержания стабильности и безопасности в регионе. Поэтому предпринимались шаги к расширению связей с ними при укреплении их с прежними партнерами.

Так, в марте 2013 г. в Австралии в течение нескольких дней проходил Второй индонезийско-австралийский диалог, посвященный углублению и укреплению общественных, медийных и деловых контактов с **Индонезией**. Он был организован внешнеполитическим ведомством страны с участием Австралийского Института международных дел с целью публичного обсуждения вопросов государственной стратегии Индонезии. Осуществлялось и сотрудничество соответствующих агентств по широкому кругу проблем, связанных с безопасностью, борьбой с терроризмом, контрабандой людьми, помощи населению при стихийных бедствиях и правами человека.

В апреле в Джакарте состоялась Вторая встреча министров обороны и иностранных дел Австралии и Индонезии. И в том же месяце глава МИД Австралии Боб Кэрр в качестве со-председателя со своим индонезийским коллегой участвовал в региональной министерской конференции на Бали.

В отношениях с **Таиландом** важное место занимали вопросы экономического сотрудничества, прежде всего выполнения условий заключенного ранее торгового соглашения. Успеху переговоров способствовал визит в Австралию внучки тайского короля принцессы Баджракитябхи в августе 2012 г. по случаю 60-летия установления дипломатических отношений

между двумя странами.

В отношениях с **Малайзией** первостепенное внимание также уделялось экономическим связям — 1 января 2013 г. вступило в силу заключенное в ноябре 2012 г. двустороннее соглашение о свободной торговле. В том же году отмечалось завершение программы обмена визитами в области культуры, выработанной Австралийско-Малайзийским Институтом в ноябре 2012 г.

В рамках восстановления отношений с **Мьянмой** продолжился обмен парламентскими делегациями — он состоялся в апреле 2013 г. после первого такого события в сентябре-октябре 2012 г.

Предпринимались усилия по расширению взаимодействия с **Филиппинами**, чему содействовал первый Австралийско-Филиппинской Диалог в октябре 2012 г. Важным событием стало проведение мероприятий по случаю 40-летия дипломатических отношений двух стран.

Отношения всестороннего сотрудничества развивались с **Вьетнамом**. Проводился диалог по региональным и глобальным проблемам, в то числе был затронут вопрос мирового финансового кризиса. После посещения Вьетнама австралийскими министрами обороны и сельского хозяйства в августе 2012 г. и парламентской делегацией в мае 2013 г. последовали ответные визиты вьетнамских министров обороны, финансов, науки и технологий.

В связи с празднованием 60-летия установления дипломатических отношений Австралии с **Лаосом**, отношения между странами получили новое развитие. После того как в августе 2012 г. в Австралии побывала парламентская делегация Лаоса во главе с президентом Национальной Ассамблеи страны и прошедших в Австралии конференций по здравоохранению, образованию и спорту с участием лаосских представителей, в феврале 2013 г. Лаос посетил Боб Кэрр. А в июне глава МИД Лаоса находился в Австралии в соответствии с двусторонней программой визитов. Австралия обязалась оказать Лаосу техническую помощь в связи с его вступлением в ВТО.

В отношениях с **Камбоджей** определяющим фактором был сложный процесс демократизации этой страны, происход-

дившей в условиях присущей ей социальной и политической нестабильности. Главной формой этих отношений была финансовая помощь Австралии — 1,4 млн. в июле 2012 г. и 3,25 млн. долл. в июне 2013 г.

Усиливалось взаимодействие Австралии с **Брунеем**, в том числе через мероприятия АСЕАН и Восточноазиатский саммит. Впервые с провозглашения независимости этой страны в 1984 г. в октябре 2012 г. ее посетил генерал-губернатор, а в мае 2013 г. состоялся визит в Австралию султана Брунея.

Отношения с **Тимор-Леште** базировались на содействии деловой активности на острове — его посетил Боб Кэрр с целью определения объема дополнительной помощи в развитии страны. А в апреле 2013 г. состоялся визит в Австралию государственного министра и министра иностранных дел и сотрудничества островного государства Жозе Луиса Гуттереса¹.

Но наряду с укреплением связей с этими странами насущной задачей оставалось усиление отношений с **Китаем**. В апреле же Дж. Гиллард в сопровождении трех главных министров — иностранных дел, финансов и торговли, а также группы чиновников совершила пятидневный визит в КНР. Целью его было участие в ежегодном международном форуме бизнесменов и научных работников Боао на острове Хайнань и проведение ежегодного же стратегического диалога с руководством Китая. Отношения Австралии с этой страной важны потому, что в них тесно переплетаются экономические и политические интересы Австралии.

Данная коллизия нашла отражение в опубликованной в начале мая новой «Белой книге» Австралии, в которой говорилось, что главной целью ее внешней политики является мирное и не ведущее к конфликту в регионе усиление Китая. Отмечалось, что военные расходы Австралии на следующий год планируются в объеме не более 100 млрд. австр. долларов. При этом подчеркивалась исключительно большая ставка на участие Австралии в стратегических переменах в Индо-Тихоокеанском регионе с целью минимизации соперничества и максимизации сотрудничества в отношениях США и Китая; призываая последнего быть более прозрачным в своих военных планах.

В мае же была опубликована «Белая книга по обороне» Австралии, содержавшая план политики страны в этой области. Основным его тезисом было включение Индии в сферу совместного стратегического интереса — объявлялось о создании «Индо-Тихоокеанской дуги», связывающей Индийский и Тихий океаны через Юго-Восточную Азию. Это решение объяснялось ростом экономических связей между Восточной Азией и странами Индийского океана, а также усилением роли Индии как важной стратегической, экономической и дипломатической силы не только в Южной Азии, но и за ее пределами. По мнению экспертов, это заявление делало Австралию первым в мире государством, официально признающим данный регион скорее как Индо-Тихоокеанский, чем Азиатско-Тихоокеанский. Но это не означает стремления Австралии исключить Китай из региональной системы правил. Напротив, это свидетельствует о желании Австралия внести свой вклад в стабильный и мультиполлярный порядок, при котором не может доминировать какая-либо одна держава².

Свои соображения в отношении ситуации в АТР высказал и Боб Карр, на обратном пути из Китая побывавший в **Сингапуре**, где он встретился с министром иностранных дел этой страны К. Шамунганом. Отвечая на вопрос газеты «Стрейтс Таймс» о впечатлениях от поездки, Карр выразил убежденность в способности Сингапура осуществить свою цель стать интеллектуальным и стратегически мыслящим центром АТР. Он также выказал солидарность с Южной Кореей и Японией в их озабоченности в отношении тревожных планов Северной Кореи и необходимостью принятия против нее санкций со стороны всех наций, особенно азиатских³.

Развивались и отношения Австралии с государствами **Океании**.

Прежде всего — с **Новой Зеландией**, значительный прогресс был достигнут в выполнении планов экономической интеграции сторон.

Как указывается в отмеченном выше парламентском документе Австралии, она старалась оказать эффективную помощь региону в усилении его возможностей и способности отвечать на основные вызовы времени. С этой целью страны Оке-

ании посещали ответственные лица.

Так, высокопоставленные представители страны участвовали в переговорах по заключению Тихоокеанского соглашения о более тесных экономических отношениях. В августе 2012 г. премьер-министр и секретарь парламента по делам тихоокеанских островов Австралии присутствовали на форуме лидеров этих стран в Раротонга. А затем — и в трехсторонней, с участием министра иностранных дел Новой Зеландии и государственного секретаря США, итоговой встрече. Форум был посвящен вопросу увеличения финансовой помощи проекту, об участии женщин в общественной жизни данных стран и принятию Гендерной декларации Тихоокеанских лидеров.

Другой проект, в котором были задействованы представители Австралии, также был связан с социальной проблемой — занятости сезонных рабочих региона; в нем были представлены восемь стран Океании и Тимор-Леште, проект касался 1400 рабочих.

Австралия активно поддерживала **Папуа Новую Гвинею** в ее усилиях провести, после периода политической нестабильности, всеобщие выборы. А после того, как в июле-августе 2012 г. они состоялись, с визитом в столицу страны Порт-Морсби прибыл Боб Кэрр, давший высокую оценку этим выборам, в результате которых премьер-министром ПНГ стал Питер О'Нил. На двустороннем министерском форуме с участием пяти австралийских министров состоялись переговоры о заключении Договора об экономическом сотрудничестве.

Осуществлялись взаимные визиты министров с целью усиления двусторонних связей. Во время визита генерал-губернатора в ПНГ в апреле 2013 г. он заявил о необходимости улучшить положение женщин страны и расширить международные контакты. В мае Дж. Гиллард подписала с руководством ПНГ Декларацию о партнерстве Папуа Новая Гвинея — Австралия с целью определения рамок отношений сторон.

В результате проведения двусторонних визитов на высшем уровне усиливалось сотрудничество Австралии с **Соломоновыми Островами**. Это имело место в различных областях, особенно в сфере безопасности и стабильности. В августе 2012 г. и мае 2013 г. состоялись визиты в Австралию премьер-

министра Соломоновых Островов Лило.

Австралия способствовала возвращению к демократизации государства **Фиджи**, в состав которого входят свыше 300 островов в южной части Тихого океана с населением около 870 тыс. человек. Демократические отношения Фиджи с Австралией оставались замороженными в течение четырех лет после произошедшего там государственного переворота в 2006 г. Но постепенно они стали налаживаться в результате того, что в 2011 г. правительство этой страны объявило о намерении провести в 2014 г. всеобщие выборы. И вместе с Новой Зеландией и другими региональными и международными своими партнёрами Австралия сыграла центральную координирующую роль в достижении этой цели.

В марте 2013 г. состоялась встреча Б. Карра с министром иностранных дел Фиджи Инoke Кубуалой, и была достигнута договоренность о восстановлении полномасштабных дипломатических отношений сторон, с тем чтобы возобновить открытый и эффективный двусторонний диалог. В декабре Верховным комиссаром Австралии в Фиджи была назначена Маргарет Туми. В условиях, когда в 2013 г. была одобрена новая конституция страны, на основе которой в феврале 2014 г. должны были состояться парламентскими выборы, министерская группа Британского Содружества решила начать процесс восстановления Фиджи в составе этого объединения⁴.

Осуществлялись связи и с другими странами Океании. В ноябре 2012 г. состоялся визит в Австралию премьер-министра государства **Тонга** Ту'ивакино, что способствовало двустороннему сотрудничеству по вопросам увольнения и занятости сезонных рабочих.

В феврале 2013 г. Б. Карр посетил **Самоа** в связи с оказанием помощи этой стране после произошедшего там в декабре 2012 г. циклона Эван, который опустошил ряд районов Самоа. В мае 2013 г. австралийская делегация участвовала во втором раунде переговоров о сотрудничестве при возникновении критических ситуаций.

В феврале 2013 г. Карр находился с визитом в **Вануату** с целью подтверждения тесных двусторонних связей и усиления сотрудничества в развитии программ финансовой помощи этой

стране. Велись переговоры по вопросу возобновления программы участия австралийской федеральной полиции в создании полиции Вануату.

Вопросы, связанные с планом создания региональных центров развития, обсуждались во время переговоров Австралии в **Науре**.

В декабре 2012 г. австралийская парламентская делегация посетила **Маршалловы Острова и Новую Каледонию**. В марте 2013 г. правительственная делегация Австралии участвовала в ежегодных дискуссиях с Новой Каледонией, что содействовало двустороннему сотрудничеству в различных областях, включая окружающую среду и вопросы авиауслуг.

В Австралии побывал конгрессмен **Федеративных Штатов Микронезии** Дэвид Пануэло, что стало частью растущего взаимодействия Австралии с северной Океанией.

В июле 2012 г. представитель австралийского парламента Марлес нанес визит в **Кирибати и Тувалу**, а в ноябре парламентская делегация Австралии провела переговоры с Кирибати о партнерстве в сфере безопасности. В феврале 2013 г. эту страну посетил Боб Карр.

Данные визиты способствовали установлению крепких отношений Австралии с микрогосударствами Океании.

Со всеми перечисленными странами обсуждались проблемы освоения рыбных ресурсов региона на пользу народов этих государств.

Но основой экономического сотрудничества Австралии с развивающимися странами Тихоокеанского бассейна оставалась Юго-Восточная Азия (ЮВА).

Отправляясь на открывавшийся в ноябре 2012 г. в Пномпене 7-й Восточноазиатский саммит, Дж. Гиллард заявила, что Восточная Азия входит в сферу ключевых политических, экономических и стратегических интересов страны⁵.

Развивались и отношения **Новой Зеландии** с государствами ЮВА. В ноябре 2013 г. состоялся рабочий визит в **Хайн** министра обороны Джонатана Коулман, где со своим вьетнамским коллегой Фунг Хуанг Тханем он подписал меморандум о развитии двустороннего сотрудничества в сферах обороны и безопасности. Глава вьетнамского военного ведомства

высоко оценил усилия Новой Зеландии по сохранению и укреплению мира и стабильности в регионе и во всем мире. Он заверил, что Вьетнам готов взаимодействовать с Новой Зеландией в сферах, где стороны обладают большим потенциалом, в частности, в области обеспечения морской безопасности. В ответном слове Коулман подтвердил, что правительство его страны высоко ценит усиление сотрудничества с Вьетнамом в разных областях и хотело бы активизировать взаимодействие с СРВ в рамках региональных и международных форумах, прежде всего в тех, которые проходят по линии АСЕАН.

Австралия, как и Новая Зеландия, стремилась разрешить и всё более обострявшуюся проблему мигрантов, главным транзитером которых оставалась Индонезия. В 2012 г. Австралия заключила соглашение с Науру и Папуа Новой Гвинеей о депортации части беженцев в миграционные лагеря Науку и о. Манус. Но условия содержания в этих лагерях вызвали резкую критику со стороны международных организаций. И во время этой встречи была достигнута договоренность о том, что, начиная с 2014 г., Новая Зеландия будет ежегодно принимать у себя по 150 нелегальных беженцев. При этом Кей уточнил, что данное соглашение не изменит квоту страны на прием беженцев в 750 человек в год.

Дж. Гиллард также подтвердила поддержку Австралии стремления Новой Зеландии занять ее место в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 2015 г.⁶

В условиях сложившейся в регионе напряженной ситуации Австралия уделяла большое внимание данной проблеме. При этом она проявляла большую гибкость в отношении китайско-американского противостояния. В апреле 2013 г. Гиллард нанесла официальный визит в Китай, во время которого она и премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заключили Соглашение о развитии стратегического партнерства. Как заявила австралийский лидер, Соглашение отражает то большое значение, которое обе стороны придают двусторонним связям, а также их заинтересованность в стабильной и мирной Азии. Данный документ был одним из важнейших со временем установления дипломатических отношений этих стран в 1972 г. Он предусматривал, в частности, ведение регулярного «стратеги-

ческого диалога», включая ежегодные консультации на уровне правительств, внешнеполитических и финансовых ведомств двух стран. Гиллард охарактеризовала его как выведение отношений сторон на новый уровень партнерства.

В середине мая Австралия заявила о намерении закупить у США беспилотные летательные аппараты «Тритон» MQ-4C для контролирования своих территориальных вод⁷.

В конце мая была опубликована «Белая книга» по обороне Австралии, в которой излагалась концепция безопасности страны на предстоящие годы. В ней говорилось, что развитие отношений между США и Китаем являются основным фактором, который будет определять стратегическую ситуацию в ЮВА и на Тихом океане в обозримом будущем. Отмечалось, что геополитическая роль всего этого региона будет и далее возрастать, и Китай и США остаются в нем ведущими державами. Но Австралия не считает, что стоит перед выбором между историческими союзниками США и развивающимися отношениями с Китаем, равно как Пекин и Вашингтон также не считают, что нам необходимо делать такой выбор. И Австралия не рассматривает Китай как своего противника.

В «Белой книге» говорилось, что в текущем финансовом году расходы на оборону Австралии составляют 1,56% ее ВВП, что является самым низким показателем с 1930-х годов, и заявлялось о намерении довести долю военных расходов до 2% ВВП. Комментируя это, Стивен Смит подчеркнул, что никаких сокращений военного бюджета, как и численности вооруженных сил страны, не будет⁸.

В этом документе также констатировалось, что **Россия**, основывая свою политику на глубоких и интенсивных связях с Индией и Китаем, стремится расширить свое влияние на регион Индийского и Тихого океанов, выходя за рамки поддержания отношений только с традиционными партнерами. РФ использует для этого политические методы — консолидацию и возможное расширение БРИКС, а также свой экономический потенциал, являясь поставщиком нефти, газа, ядерных технологий и обычных вооружений.

Характеристика, данная в документе политике России в регионе, отражала некоторое усиление активности ее в АТР.

Так в январе 2013 г. после начавшегося процесса демократизации Мьянмы С. Лавров посетил эту страну. Данный визит был примечателен тем, что он происходил на пике противостояния США и Китая. Несмотря на то, что однополярная модель мира всё больше оказывалась несостоятельной, США рассматривали КНР как своего конкурента по лидерству в регионе. Причем позиции сторон были таковы: в то время как китайская экономика уже почти сравнялась с американской, ВВП США стал меньше государственного долга страны. Это соперничество распространялось и на стремление достичь наибольшего влияния на такую богатую природными ресурсами и занимающую стратегически важное положение, как Мьянма. Особенностью визита было также то обстоятельство, что С. Лавров стал первым высокопоставленным российским политиком после посетившего Мьянму (тогда Бирму) в 1971 г. председателя Верховного Совета СССР Н. Подгорного.

В ходе переговоров с руководством страны Лавров признал, что уровень сотрудничества двух государств не соответствует их возможностям. И была достигнута договоренность ускорить заключение соглашения о и защите инвестиций и продолжать сотрудничество в использовании мирного атома и в других сферах⁹.

Усиливались и традиционные связи России с Вьетнамом. В 2013 г. начались переговоры по заключению соглашения о зоне свободной торговли между таможенным союзом и Вьетнамом. Главным же оставалось военно-техническое сотрудничество — Вьетнам является крупнейшим партнером РФ в военно-технической сфере, приобретая соответствующее оборудование для своих ВВС, ВМС и ПВО.

Усиливается взаимодействие в сфере образования и культуры, растет число российских туристов во Вьетнаме¹⁰.

Во время официального визита В. В. Путина в СРВ в ноябре 2013 г. стороны подписали «Совместное заявление о дальнейшем укреплении всеобъемлющего стратегического партнерства», в котором подтверждалось намерение продолжать работу по согласованию позиций и координации действий на международной арене. Выражалось стремление выступать за создание в АТР открытой и равноправной архитектуры, без-

опасности и сотрудничества в соответствии с принципами регионализма¹¹.

Между тем, в силу сложившихся в Австралии политических и экономических обстоятельств, в июне 2013 г. Дж. Гиллард вынуждена была покинуть свой пост, уже в феврале объявив сентябрь датой всеобщих выборов. На промежуточный период премьер-министром Австралии был назначен Кевин Радд. Прежде всего он продолжил попытки разрешить проблему беженцев, численность которых в июле достигла 15 тыс. по сравнению с 12 тыс. за весь 2012 г., а число утонувших по пути в Австралию лиц возросло до 1 тыс. И в конце июля Радд и его коллега в Папуа Новой Гвинеи подписали соглашение о том, чтобы прибывшие в Австралию мигранты направлялись в специализированные лагеря этой страны, вместимость которых должна была увеличиться до 3 тыс. с планируемых 600 мест¹².

Однако изменение миграционной политики Австралии, впервые с 2008 г. вернувшейся к практике отказа в предоставлении статуса беженцев нелегальным мигрантам, вызвало осуждение ООН¹³.

Тем временем в Австралии продолжалась предвыборная гонка и, согласно опросам общественного мнения, на первый план выдвигалась Либерально-национальная коалиция во главе с лидером Либеральной партии Тони Эбботом. А он заявил, что в случае ее прихода к власти первостепенное внимание во внешнеполитическом курсе страны будет уделяться развитию отношений с государствами Азии, поскольку именно там будут приниматься решения, которые влияют на национальные интересы страны¹⁴.

Как и ожидалось, у руля правления Австралии оказалась вышеуказанная коалиция, и после почти шести лет руководства страной лейбористами 18 сентября правительство сформировал Т. Эббот, свой первый визит совершивший в Индонезию. Министром иностранных дел стала бывшая заместитель главы оппозиции Джюлиана Бишоп, во время предвыборных дебатов заявлявшая о том, что внешняя политика Австралии будет строиться прежде всего с учетом деловых интересов в АТР; при этом она неоднократно отмечала, что одним из ключевых игро-

ков региона является Россия.

В первом официальном заявлении нового руководителя внешнеполитического ведомства Австралии говорилось, что жизненно важной задачей страны является использование своего положения для получения преимуществ, связанных с перемещением эпицентра мирового экономического развития в Азию. И к числу главных приоритетов правительства относится ускорение процесса заключения соглашений о свободной торговле с Южной Кореей, Японией и Китаем¹⁵.

Свою позицию по вопросу внешней политики Австралии обозначил и секретарь МИД Петер Варгнезе. Он считал, что процветание страны, более чем когда-либо, зависит от ее внешнего окружения и способности продвигать за рубежом свои национальные интересы. Но если Австралия хочет использовать интеграционные возможности Азиатского столетия, необходимо усердно работать над глубоким пониманием проблем региона и своих обязательств перед ним¹⁶.

Своими ключевыми партнерами Австралия считала США, Китай, Японию, Индонезию, Индию и Республику Корея. При этом Юго-Восточную Азию она рассматривала как субрегион, представляющий фундаментальный стратегический, политический и экономический интерес.

В октябре 2013 г. на о. Бали состоялся 21-й саммит АТЭС, участники которого дали обещание не вводить новых торговых барьеров и расширять региональную интеграцию.

В то же время, государственный секретарь США Джон Керри, заменивший на саммите президента страны, выступил за принятие альтернативного АТЭС торгово-экономического проекта — Транс-Тихоокеанского партнерства, на страны которого пришлась бы примерно треть мирового ВВП, тогда как экономика АТЭС составляет 55%. Однако председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что Китай поддержит лишь то объединение, которое принесет выгоды всем участникам процесса, рассматривая проамериканский проект исключительно как новую сферу продвижения интересов США, не учитывающее требований развивающихся стран. С США в данном вопросе солидаризировались только Япония и Австралия. Китай и Индонезия активно продвигали собственную торговую инициати-

ву, в рамках саммита 16 стран-участников которого не значились ни Россия, ни США¹⁷.

В ноябре 2013 г. лидер оппозиции Мьянмы Аун Су Чжи прибыла в Австралию по приглашению руководства страны. В Сиднее состоялась церемония присуждения ей ученых степеней Университета Сиднея и Сиднейского технологического университета, такую же церемонию предполагалось провести в Австралийском национальном университете¹⁸.

В то же время резко обострились отношения Австралии с Индонезией. Это произошло после поступивших из материалов Сноудена сообщений о том, что с 2009 г. австралийские спецслужбы ведут электронный шпионаж против стран ЮВА, в том числе прослушивание телефонных разговоров индонезийского президента Юдойоно, его жены и ближайшего окружения. В этих целях использовалась и инфраструктура азиатских посольств Австралии в Джакарте, Бангкоке, Ханое, Пекине, Дили (Восточный Тимор), офисов верховных комиссаров в Куала-Лумпуре, Порт-Морсби и ряда других стран. Тони Эббот отказался принести в связи с этим скандалом извинения Индонезии, хотя министр иностранных дел этой страны Марти Наталегава предупредил своего австралийского коллегу о возможности проблем в отношениях с Австралией. Эббот лишь заявил, что испытывает «глубокое уважение» к Индонезии и назвал Юдойоно «одним из лучших в мире друзей Австралии».

Но в Индонезии такая реакция Австралии вызвала взрыв возмущения и негодования. Официальный представитель президента страны Теуку Файзасия потребовал от руководства Австралии немедленных разъяснений, а затем из этой страны был отозван индонезийский посол. Президент сообщил, что ожидает от Австралии и США прояснения ситуации, выразив свой решительный протест.

Выступая в парламенте, Эббот заявил, что сейчас в интересах всех — в Индонезии не меньше, чем в Австралии, — чтобы рассудок взял верх, и две страны стали ближе, а не дальше друг от друга. Тем не менее глава МИД Индонезии объявил, что его страна намерена заняться переоценкой всех сфер сотрудничества с Австралией¹⁹.

В феврале 2014 г. премьер-министр Австралии выступил с

таким комментарием в связи с данной проблемой: информация, собираемая разведсообществом Австралии, никогда не используется в коммерческих целях. «Эта работа не направлена на причинение ущерба союзникам. Мы используем эту информацию для защиты наших граждан и граждан других стран»²⁰.

Что касается отношений Австралии с **Россией**, свидетельством их лояльности было участие австралийских, как и новозеландских, спортсменов в Сочинской зимней Олимпиаде в феврале 2014 г. Какой-либо негативной реакции австралийских властей не вызвали и обстоятельства проведения в марте в Нью-Йорке Восьмой конференции российских соотечественников Азиатско-Тихоокеанского региона. В ней участвовали председатели Координационных советов российских соотечественников в Австралии, Новой Зеландии, Сингапуре и ряде других стран, и присутствующие на ней ответственные работники российского МИД говорили о том, что они должны быть вовлечены в информационно-просветительскую работу и участие в сохранении и популяризации российского культурного наследия²¹.

Но после того как Россия стала осуществлять политику по возвращению Крыма, Австралия, несмотря на то, что эти ее усилия базировались на нормах международного права, присоединилась к точке зрения Запада, что данная политика является агрессией против Украины. Это обозначилось уже в начале марта, в условиях, когда в феврале в Украине произошел государственный переворот, развернулась гражданская война, и события стали развиваться, по большому счету, в соответствии с российско-американскими отношениями: Австралия заявила, что, являясь председателем «Группы двадцати», она, в качестве меры давления на Москву, может ограничить вклад России в работу предстоявшего в ноябре саммита этого объединения в Брисбене. Глава австралийского МИД Дж. Бишоп сказала, что в ближайшие дни она будет поддерживать тесные контакты с друзьями и союзниками и рассмотрит вопрос о будущих действиях, таких как бойкот и санкции, которые могут быть предприняты против России.

Все ведущие газеты Австралии сообщили о выступлении в парламенте Тони Эбботта, объявившего об отмене визита в

Москву министра торговли Эндрю Робба, который должен был принять участие в намеченном на 12 марта заседании российско-австралийской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, и отмене визита в Канберру секретаря Совета Безопасности РФ Н. Патрушева. А газета «Острэлиан» сообщила, что в австралийских дипломатических кругах вызвал тревогу приезд в Москву Кевина Радда — они опасались, что этот визит может ослабить намерения Запада по изоляции России. Хотя сам Радд заявил, что его визит был запланирован еще месяц тому назад и никак не связан с кризисом на Украине, которую он посещать не собирается. А официальный представитель бывшего премьера отметил, что Радд участвует в проекте Гарвардской школы имени Кеннеди по изучению роли Китая на мировой арене.

19 марта Дж. Бишоп объявила о введении целенаправленных финансовых санкций и запрета въезда в страну лиц, которые играют ключевую роль в определении российской политики, угрожающей суверенитету и территориальной целостности Украины²².

Во время состоявшегося в конце марта визита Б. Обамы в Европу был согласован подход стран Запада к отношениям с Россией в связи с ситуацией в Украине. США, Европейский Союз, Канада, Япония и их традиционные союзники, включая Австралию и Новую Зеландию, выработали единую позицию и наметили комплекс политических и экономических мер для оказания давления на РФ²³.

Санкции под давлением США, введенные Евросоюзом, как и сами американские аналогичные меры, касались, главным образом, экономической сферы (в основном продовольствия), но затем стали распространяться и на другие сектора хозяйства. Целью их было принудить Россию изменить свою внешнюю политику.

Но рикошетом санкций ударили и по интересам их инициаторов. И в этих обстоятельствах Австралия стремилась снизить уровень ущерба для своей экономики, поддерживая, по возможности, деловые отношения с Россией. Так в начале марта в штате Квинсленд состоялись переговоры Ассоциации региональных банков РФ с местными партнерами о налаживании

сотрудничества в банковской сфере и привлечении австралийских инвестиций в российские проекты²⁴.

В позитивном ключе было выдержано и выступление Эббота на состоявшейся в начале июня пресс-конференции в Париже. Отвечая на вопрос журналистов о возможности исключения России из «большой двадцатки», он сказал, что не следует этого делать. «Двадцатка» — это экономическая встреча и, в то время как «семерка» или «восьмерка» включают в себя серьезные компоненты, связанные с безопасностью, участие России в попытках стимулировать рост мировой экономики будет наилучшим решением²⁵.

В июне же в Канберре был устроен прием с участием посла РФ в Австралии В. Морозова по случаю Дня России. На нем присутствовали депутаты австралийского парламента, члены дипломатического корпуса, представители МИД и деловых кругов Австралии, российских соотечественников и средств массовой информации. В своем выступлении Морозов сказал, что рад приветствовать всех, кто пришел отметить этот День. И, хотя политические отношения Австралии и РФ испытывают непростой период, деловые партнерские отношения продолжают развиваться — за последние годы двусторонний товарооборот вырос с нескольких сотен миллионов до почти 2 млрд. долларов²⁶.

Данные события имели место в условиях осложнения ситуации в ряде стран ЮВА. Особенно в Таиланде, где после полугода серьезных беспорядков, связанных с требованием оппозиции отстранить от власти главу правительства Йинглат Чинават, в этот политический конфликт вмешалась армия; вначале объявившая о введении военного положения, 20 мая она провозгласила военный переворот и переход власти к национальному совету поддержания мира и порядка²⁷.

Непростой была и ситуация на некоторых других участках АТР, где пересекались интересы всех крупных игроков на этой арене, действовавших в условиях, когда Китай как растущая сверхдержава выступал против ущемления его интересов со стороны США. Тем более что это происходило в условиях резкого снижения доли этой державы в мировом ВВП и росте доли Китая, с американской практически сравнявшейся.

Вместе с тем позиция Китая осложнялась ухудшением его отношений почти со всеми соседями по региону, в том числе и с некоторыми странами ЮВА из-за конфликта вокруг островов в Южно-Китайском море.

В сложившихся обстоятельствах в начале июня в Сингапуре состоялся «Диалог Шангри-Ла», крупнейший в Азии форум по вопросам безопасности, уникальный для данного региона формат мероприятия, когда большинство делегаций представлено на высоком уровне. Форум открыл премьер-министр Японии Синдзо Абэ, выступивший с программной речью о новых принципах внешней политики страны. На следующий день глава Пентагона Чайлд Хейгел подробно рассказал о планах США по укреплению своего присутствия в АТР. И в течение двух дней высокопоставленные военные, дипломаты и эксперты дискутировали по поводу демилитаризации границ в Южно-Китайском море, китайско-японского противостояния и отсутствия четких правил игры. Представитель РФ заместитель министра обороны Анатолий Антонов выступил вместе с заместителем главы Генштаба Народно-освободительной армии Китая Ван Гуаньчжуном в последний день форума на сессии «Взгляд крупных держав на мир и безопасность в АТР». Он заявил, что «Россия всегда была и остается важной частью этого региона», и сосредоточился на теме возрождения угрозы фашизма и «цветных революций», которые могут отбросить развитие АТР далеко назад. Китайский представитель возражал против содержавшихся, на его взгляд, провокационных в отношении КНР заявлений японского и американского делегатов²⁸.

Днем ранее состоялось заседание комиссии РФ по развитию топливно-энергетического комплекса, на котором обсуждалась проблема модернизации ТЭК, а также диверсификации экспортных поставок с ориентацией их в сторону развивающихся рынков АТР²⁹.

Предполагалось, что в осуществление данного проекта масштабное участие примет Китай, который не только отказался принять предложение Запада присоединиться к антироссийским санкциям, но и считал их невозможными, поскольку РФ является членом Безопасности ООН. В опубликованном 3 марта сообщении агентства Синьхуа говорилось, что предвзятое

посредничество Запада в политическом кризисе на Украине разделило эту страну на два лагеря и только ухудшило ситуацию. Авторы сообщения призвали США и ЕС прекратить попытки исключить Россию из процесса разрешения этого кризиса, который сам Запад урегулировать не смог, отметив уникальную роль РФ в определении будущего Украины³⁰.

Вместе с тем, Китай предпринял усилия не только к тому, чтобы активнее участвовать в международных системах безопасности, но и к улучшению своих отношений с США. КНР впервые объявила о намерении участвовать в руководимых США регулярных многосторонних морских маневрах стран АТР «Римпак-2014» (Rim of the Pacific-2014), намеченных на период с 28 июня по 1 августа. В целом в них должны были участвовать 25 тыс. военнослужащих из 23 стран, включая Австралию, Новую Зеландию, Индонезию, Бруней, Таиланд, Сингапур, Филиппины, Индию и ряд других стран Азии и Южной Америки, а также Великобританию и некоторых прочих европейских государств. Задачей маневров была отработка мер по обеспечению безопасности на море, оказанию помощи населению при стихийных бедствиях, борьбе с терактами и др.³¹

Участие Австралии в санкционной деятельности сопровождалось укреплением ее военных связей с США. Выступая в Канберре, Тони Эббот сообщил о намерении правительства приобрести 72 многоцелевых истребителей-бомбардировщиков шестого поколения F-35 Лайтнг на сумму 12,4 млрд. долларов, что станет самой крупной военной покупкой в истории страны. Также было заявлено о планах модернизации двух баз BBC Австралии на сумму 1,6 млрд. долларов.

А в начале июля Австралия и США договорились о строительстве в районе города Джералдтон (Западная Австралия) радиолокационной станции, которая позволит вооруженным силам обеих стран оперативно отвечать на кризисные события и террористические атаки в АТР. По данным печати, этот комплекс является одним из самых важных разведывательных объектов, обеспечивающих Австралию политической и экономической информацией³².

Усиливалось и сотрудничество России с Китаем. В начале июля КНР были поставлены два очередных гражданских мно-

гоцелевых вертолета и было объявлено о плане дополнить их еще одним тяжелым транспортным вертолетом³³.

Всё это происходило в условиях, когда Россия, добившаяся воссоединения с Крымом, заняла позицию поддержки оформленшимся на юго-востоке Украины патриотическим силам, противостоящим фашистующему режиму в Киеве. И США, обвиняя Россию в поддержке «сепаратистов» и делая из нее образ врага Украины, раздували конфликт, стремясь превратить его в российско-украинскую войну³⁴.

В то же время растущее сближение России с Китаем, способное повести к изменению баланса мировых сил, беспокоило США. В начале июля в центре по национальным интересам был организован семинар на тему «Взаимоотношения в треугольнике Россия — США — Китай в контексте украинского кризиса и американских и западных санкций против России в связи с этим кризисом». Эксперты по международным отношениям, участвовавшие в этом семинаре, пришли к общему выводу, что сложившиеся на данный момент отношения сторон противоположны стратегии, сформированной администрацией Никсона и артикулированной Киссенджером, согласно которой отношения США с каждой из этих сторон должны быть гораздо лучше, чем отношения Китая и Россия. А получилось так, что они гораздо хуже, чем отношения этих двух государств. И, не дождавшись перемен в российской внешней политике, руководство США приступило к пересмотру собственной политики, предприняв перезагрузку отношений с КНР. И 10 июля состоялся визит Джона Керри в Китай с целью сгладить существующие между ними разногласия и укрепить сотрудничество. Таким образом, роль главного оппонента США в регионе перекладывалась с Китая на Россию³⁵.

Тем не менее Китай, в условиях его возможного военно-политического союза с Россией, остался в качестве стратегического противника США как единственного в мире центра силы.

Какая, при таком раскладе, роль предназначалась Австралии, явствовало из доклада министерства обороны США, касающегося геополитической обстановки в странах АТР. В нем говорилось, что по мере увеличения численности населения земли усилятся напряженность на этнической почве за доступ к

продовольственным и прочим ресурсам, что может привести к возникновению в странах региона повстанческих и террористических атак. США останутся крупнейшей военной державой мира и главным стратегическим игроком в АТР. Вместе с тем, рост экономической и военной мощи Китая неизбежно окажет влияние и на военную стратегию Австралии, которая будет сконцентрирована на востоке, юго-востоке и юге Азии. В этих обстоятельствах вооруженные силы страны должны быть готовы в будущем вести боевые действия в крупнейших азиатских городах³⁶.

Одновременно происходил процесс укрепления отношений Австралии с ближайшим азиатским союзником США Японией. В начале июля Синдзо Абэ прибыл в Канберру с официальным визитом. Он и Тони Эббот подписали соглашение об экономическом партнерстве, которое предусматривало значительное сокращение японских торговых пошлин на австралийскую сельскохозяйственную продукцию и полный отказ от пошлин на энергоносители, сырье и товары. А Австралия отменяла пошлины на японские автомобили, электронику и другие товары, что должно было способствовать снижению их рыночной стоимости. Было также заключено соглашение об обмене научными и военными технологиями.

При этом, выступая на совместном заседании федерального правительства Австралии, Синдзо Абэ заявил, что Япония стремится только к мирному развитию и не позволит повториться ужасам и трагедиям XX века. Он объявил о начале новых, особых отношений двух стран, пояснив, что Япония хочет сделать огромную территорию от Тихого до Индийского океана и ее воздушное пространство открытыми и свободными.

Практически в это же время происходило и сближение Новой Зеландии с Японией, которые также провели переговоры премьер-министров своих стран. И на состоявшейся в Окленде совместной пресс-конференции Синдзо Абэ сообщил о намерении сторон прилагать усилия по подписанию соглашения, связанного с проектом США о Транс-Тихоокеанском партнерстве, а также углублять сотрудничество в сфере обороны и других областях. Япония и Новая Зеландия — стратегические партнеры, отметил Абэ. Джон Кей, в свою очередь, поддержал резо-

люсию японского правительства от 1 июля, которая разрешает войскам этой страны при ряде условий применять силу за границей, в том числе для защиты «дружественных стран»; он выразил мнение, что это изменение оборонной позиции Японии расширяет возможности сотрудничества сторон в данной области³⁷.

Между тем, появился новый штрих в картине сложного положения в АТР — на пороге своего майдана оказалась крупнейшая страна ЮВА — Индонезия. Это произошло после того, как 9 июля там состоялись очередные президентские выборы. Они стали ареной соперничества отставного генерала П. Субьянто, которого поддерживал клан бывшего авторитарного лидера страны Сухарто, и губернатора Джакарты Джоко Видодо, близкого к стороннице демократизации Индонезии президенту Мегаватри Сукарнопутри. 22 июля были обнародованы предварительные данные, в соответствии с которыми победу одержал Видодо. Несмотря на это, его соперник требовал пересчета голосов, и активизация его сторонников грозила дестабилизацией обстановки. Опасаясь такого развития событий, для обеспечения безопасности столицы в Джакарту были переброшены 23 тыс. полицейских и 50 тыс. военнослужащих, а многие жители покинули свои дома. И ситуацию удалось нормализовать³⁸.

А в Камбодже свершился суд над двумя сподвижниками вождя «красных кхмеров» Пол Пота — спецтрибунал приговорил их к пожизненному тюремному заключению³⁹.

В условиях растущей напряженности в российско-американских отношениях Австралия сохранила двойственный характер своих контактов с РФ — введение санкций наряду с желанием продолжать деловые связи. Особенно, когда это касалось участия в таком крупнейшем объединении, как «Группа двадцати», председателем которой в 2013 г. была Россия, а в 2014 г. — Австралия. Об этом свидетельствовало заявление одной из крупнейших австралийских компаний «Уэстфармерс» Ричарда Гайдера, отвечавшего на вопрос корреспондента ИТАР-ТАСС во время пресс-конференции в Сиднее; она была организована в связи с открывавшимся там «Деловым саммитом», который должен был выработать рекомендации частному

бизнесу относительно путей развития мировой экономики для предстоявшего саммита в Брисбене. Гайдер сказал, что экономические санкции стран Запада не оказывают негативного влияния на сотрудничество компаний с деловыми кругами РФ. Российские бизнесмены вносят значительный вклад в работу всех целевых групп нашего форума, и наша работа ведется весьма эффективно⁴⁰.

Вместе с тем, Австралия, заявившая о своем намерении заключить соглашение о продаже урана Индии, пригрозила прекратить его поставки в РФ. Но оказалось, что Россия сама давно не делала таких закупок, приобретая уран в других странах, и Австралия хотела, видимо, лишь напомнить о своих возможностях⁴¹.

Но изменения в торгово-экономических отношениях сторон произошли и в результате осуществления Россией политики импортозамещения — введения 6 августа эмбарго на ввоз в страну некоторых видов продовольствия из ряда государств-санкционеров, включая Австралию. Благодаря этому Австралия лишилась возможности экспорта в РФ продукции на сумму в 380 млн. австр. долларов (1 австр. доллар = 0,9246 долл. США).

При этом нехватку некоторых видов продовольствия Россия может покрыть за счет стран Юго-Восточной Азии, в ряде которых этот сектор занимает одну из ведущих позиций в объеме экспорта. По словам И. Моргулова, РФ представила своим партнерам в АСЕАН список из 40 совместных проектов, вызвавших у них серьезную заинтересованность⁴².

С 8 по 10 августа в столице Мьянмы Нейпидо проходили 17-я встреча министров иностранных АСЕАН, а также совещания в формате «АСЕАН плюс» при участии Австралии, Новой Зеландии, Индии, Канады, Китая, США и Японии. Обсуждались вопросы, связанные с территориальным спором в Южно-Китайском море. Морголов, возглавлявший российскую делегацию, выразил мнение, что вмешательство третьих стран в данный конфликт является контрпродуктивным. Джон Керри поддержал предложение Филиппин заморозить этот спор, но отметил, что США будут выполнять намеченные задачи в соответствии со своей ролью в регионе. Китай сохранял жесткую позицию, выразив намерение отстаивать свои права.

В рамках данного форума произошла встреча в формате «АЕАН — Россия», где было решено расширить кооперацию сторон в сфере продовольственной безопасности⁴³.

Тем временем продолжали укрепляться и австралийско-американские военные связи. В соответствии с достигнутой в 2007 г. договоренностью о проведении ежегодных встреч глав оборонных и внешнеполитических ведомств поочередно в США и Австралии 12 августа в Сиднее состоялась встреча в формате «два плюс два». И во время этой встречи было подписано соглашение о расширении военного сотрудничества сторон, которые, в частности, закрепляло планы США увеличить численность подразделений своих морских пехотинцев в городе Дарвин в Северной Австралии с 1150 до 2500 человек. А также предусматривало увеличение возможности доступа США к аэродромам субъекта федерации Австралии Северная территория и участие кораблей ВМС Австралии в реализации американских планов создания системы противоракетной обороны. На состоявшейся затем пресс-конференции Джон Керри заявил, что это соглашение поможет США и Австралии совместно решать важные вопросы региональной безопасности, а Чак Хейгел отметил, что сотрудничество с Австралией является ключевым элементом американской стратегии и переориентации США на Азиатско-Тихоокеанский регион⁴⁴.

В то же время руководство Австралии предприняло меры к нормализации отношений с Индонезией. 19 августа Дж. Бишоп сообщила, что в ближайшее время она отправиться в Джакарту, чтобы вместе со своим индонезийским коллегой Марти Наталегавой подписать соглашение «О взаимном понимании кодекса поведения», предусматривающего обязательство Австралии более не использовать свои разведывательные данные для нанесения ущерба Индонезии и возобновлении сотрудничества в военной и разведывательной областях. Это соглашение должно стать дополнением к Договору о взаимной безопасности, заключенному в 2006 г.⁴⁵

Не столь примирительной была позиция Австралии в отношении России. Это проявилось в ситуации, сложившейся недолго до проведения саммита в Брисбене. В условиях, когда страны ЕС стали особенно сильно ощущать убытки для своей

экономики в результате введения антироссийских санкций, газета «Острэлиан» опубликована 21 августа статью, в которой говорилось, что Австралия испытывает давление со стороны других стран «большой двадцатки», стремящихся получить гарантии участия российского президента в саммите. Причем ряд европейских государств беспокоит возможность введения новых санкций против России и отказ пригласить Путина, считая, что такие меры окажутся контрпродуктивными и нанесут серьезный ущерб торговле.

Однако председатель предстоящего саммита австралийский премьер Тони Эббот упорно стоял на своем отказе от участия Путина, ссылаясь на то, что он никак не комментировал ситуацию со сбитым на востоке Украины «Боингом». И возникли опасения, что Австралия может принять одностороннее решение исключить Россию из числа участников этого экономического форума, хотя по правилам «двадцатки» для этого требуется коллегиальное решение⁴⁶.

Характер заявлений Австралии в отношении России находился в соответствии с позицией США, ощутимое представление о которой дает выступление Б. Обамы во время общеполитической дискуссии, состоявшейся 24 сентября в рамках 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В ней участвовали президенты, премьеры и главы МИД более 140 стран. Став одним из первых зачинщиков этой дискуссии, Обама поставил Россию в один ряд с другими глобальными угрозами человечеству, призвав также к снятию права вето с СБ ООН и назвав США гегемоном на страже мирового порядка. Однако присутствие делегации РФ во главе с С. Лавровым никак не свидетельствовало об отчуждении России, а из около 40 других ораторов критику Обамы в адрес РФ поддержали лишь шесть представителей стран ЕС.

Вместе с тем и сами США признали, что для эффективной борьбы с терроризмом и прочими угрозами на Ближнем Востоке и в Северной Африке им нужна помочь или хотя бы не помехи со стороны России. Между тем свою позицию по данной проблеме РФ продемонстрировала еще в начале сентября — когда США внесли на рассмотрение СБ ООН резолюцию о борьбе с иностранными террористами, заместитель министра

иностранных дел Ф. Г. Гатилов заявил, что Россия ее поддержит⁴⁷.

Что касается внешнеэкономических связей России, первостепенными по своему значению оставались ее отношения с государствами Азии, прежде всего с Китаем. В октябре состоялась 19-я встреча членов правительства РФ — КНР, на которой было заключено 38 масштабных соглашений⁴⁸.

В октябре же произошло вступление в должность седьмого президента Индонезии 53-летнего Джоко Видодо. Оно прошло в торжественной обстановке — помимо принятия присяги в стенах Совета народных представителей (парламента страны) в Джакарте состоялись карнавальное шествие с участием 50 тыс. человек и военный парад. В своей инаугурационной речи Видодо призвал нацию к единству, главными задачами назвав укрепление политического суверенитета и экономической независимости, а также проведение свободной и независимой внешней политики страны, которая позволит Индонезии укрепить лидерство в Юго-Восточной Азии.

Почетными гостями на церемонии инаугурации были главы государств и правительств стран ЮВА, а также премьер Австралии Тони Эббот. США представлял Джон Керри, Россию — министр промышленности и торговли Денис Мантуров, координирующий деятельность двусторонней межправительственной комиссии⁴⁹.

Как явствует из вышеизложенного, в условиях роста значения стран Востока для национальных интересов Австралии основным направлением внешней политики страны было усиление ее взаимодействия с государствами АТР, что способствовало дальнейшей интеграции региона. Вместе с тем, втянутая в стратегию Запада по изоляции и противодействию внешней политике РФ, Австралия пошла на серьезное осложнение своих отношений с Россией.

¹ Australian Department of Foreign Affairs and Trade. Annual Report 2012–2013.

² Indian Express, 10.05.2013.

- ³ The Straits Times, 3.7.04, 4.05.2013.
- ⁴ Planet-Pulse-Asia. 6, 17.03.2014.
- ⁵ Australian Department..., op. cit.
- ⁶ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 11.02.2013.
- ⁷ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 10.04.2013.
- ⁸ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 16, 31.05.2013.
- ⁹ Коммерсантъ, 6.01.2013; Известия, 18.04.2014.
- ¹⁰ Коммерсантъ, 9.06.2014.
- ¹¹ Воронин А. С. Внешняя политика на службе модернизации. — «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития». М., 2013, с. 134–137; Коммерсантъ, 15.05.2013, 17.04.2014.
- ¹² The Straits Times, 20.07.2013.
- ¹³ Mignews.com>Политика>040712-121435-28652.html
- ¹⁴ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 4.09.2013.
- ¹⁵ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 2.10.2013.
- ¹⁶ Australian Department..., op. cit.
- ¹⁷ Аргументы недели, 4.10.2013; Коммерсантъ, 2.10.2013.
- ¹⁸ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 27.11.2013.
- ¹⁹ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 6.11.2013.
- ²⁰ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 18.02.2014.
- ²¹ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 18.03.2014.
- ²² Planet-Pulse-Asia, op. cit., 4, 6, 20.03.2014.
- ²³ Kompas, 9.04.2014.
- ²⁴ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 4.03.2014.
- ²⁵ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 6.06.2014.
- ²⁶ Unification.het.au 16 июня 2014; 11.03.909.
- ²⁷ Известия, 3.02, 8, 21, 23, 29.05.2014.
- ²⁸ Коммерсантъ, 2.06.2014.
- ²⁹ Известия, 5.06.2014; Коммерсантъ, 6, 10.06.2014.
- ³⁰ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 6, 19.03.2014.
- ³¹ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 5.06.2014.
- ³² Planet-Pulse-Asia, op. cit., 8.07.2014.
- ³³ ИТАР-ТАСС, 3.07.2014.
- ³⁴ Сергей Глазьев. Зачем Америке майданю — Аргументы недели, 11.06.2014.
- ³⁵ Известия, 10.07.2014; Коммерсантъ, 11.17.2014.
- ³⁶ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 14.07.2014.
- ³⁷ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 8.07.2014.
- ³⁸ Коммерсантъ, 9, 11.22.07, 23.10.2014.
- ³⁹ Коммерсантъ, 8.08.2014.
- ⁴⁰ Коммерсантъ, 4.08.2014.
- ⁴¹ Коммерсантъ, 4.08.2014.

⁴² Planet-Pulse-Asia, op. cit., 8.08.2014.

⁴³ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 4.08.2014.

⁴⁴ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 12.08.2014.

⁴⁵ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 29.08.2014.

⁴⁶ Planet-Pulse-Asia, op. cit., 21.08.2014.

⁴⁷ Коммерсантъ, 25.09.2014.

⁴⁸ Коммерсантъ, 14.10.2014.

⁴⁹ Коммерсантъ, 20.10.2014.

©

Астафьева Е.М.
ИВ РАН

СИНГАПУРСКИЙ МЯТЕЖ¹ 1915 г. и СИНГАПУРСКИЙ БУНТ 2013 г.: ТРАГИЧЕСКОЕ СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ?

Статья посвящена двум трагическим эпизодам в истории Сингапура - Сингапурскому мятежу 1915 г. и Сингапурскому бунту 2013 г. Эти события разделяют почти 100 лет, но они имеют общие черты и представляют несомненный интерес для исследования.

СИНГАПУРСКИЙ МЯТЕЖ 1915 г.

В феврале 1915 г. Первая мировая война была в самом разгаре и индийские войска сражались на многих фронтах. Сингапур находился на периферии Британской империи и был далек от театров боевых действий. Возникновению мятежа в 5-м полку легкой пехоты способствовали многие факторы, но выделить среди них главный достаточно проблематично.

Первое зерно национализма заронил в среде индийских мусульман инцидент с судном «Комагата Мару», который имел место незадолго до начала Первой мировой войны. В апреле 1914 г. индийский бизнесмен Гердит Сингх, живущий в Сингапуре, зафрахтовал японский корабль «Комагата Мару» для перевозки индийских эмигрантов из Гонконга в Канаду. Когда судно достигло Ванкувера, канадские власти, под давлением Англии, не позволили пассажирам² сойти на берег. После двух месяцев пребывания в порту, практически без снабжения водой и продуктами питания, судно отправилось в обратный путь. С остановками в портах Йокогамы, Кобе и Сингапуре. Хотя пассажирам не разрешили сойти на берег в Сингапуре, их злоключения стали известны индийцам, проживающим в городе. Несколько активистов партии Гадар³, которые были в числе пас-

¹ Другое название этих событий – Восстание сипаев 1915 г.

² На борту было 376 пассажиров (24 мусульманина, 12 индуистов и 340 сикхов).

³ Партия Гадар (революция) образовалась в 1913 г. в Сан-Франциско, получив свое название от газеты «Гадар». Она нашла поддержку среди

сажиров «Камагата Мару», вели подрывную пропаганду среди индийцев и вступили в контакт с сикхами вооруженных сил Федерации малайских государств (ФМГ) и мусульманами 5-го полка легкой пехоты¹. Наконец «Комагата Мару» прибыл в Бадж Бадж близ Калькутты, где власти организовали специальный поезд, чтобы отвезти пассажиров в Пенджаб. Однако они отказались сесть в поезд и вознамерились войти в город. Попытки полиции остановить толпу не увенчались успехом. Для подавления беспорядков были вызваны войска, завязалась перестрелка. Были убиты несколько полицейских, гражданских лиц и железнодорожных служащих. Из бунтовщиков-сикхов 18 человек погибли в перестрелке с английскими войсками, что привело к зарождению «тяжелой обиды»².

Прибытие «Комагата Мару» в Ванкувер³

большого количества индийских эмигрантов, проживавших тогда в Канаде и США, покинувших родину (в основном Пенджаб) из-за голода и безработицы. Целью Гадар было свержение британского правления в Индии путем вооруженной революции. *Maj Gen VK Singh, Contribution of the Armed Forces to the Freedom Movement in India, A KW Publishers Book, 2009, United Service Institution of India (USI), New Delhi, p. 73.*

Помимо политической пропаганды партии Гадар, ситуацию осложнило вступление Турции в войну против Британии. Неправедность войны против Турции – места пребывания халифа (главы всех мусульман) регулярно проповедовал маулави в мечети около Александровских казарм. Свою роль сыграла антибританская пропаганда среди индийских солдат Касима Исмаила Мансура (владельца небольшого кафе), который был связан, по некоторым данным, с турецким консулом в Рангуне. Отказ войск ФМГ в 1914 г. участвовать в военных действиях также окказал свое негативное влияние на настроения в 5-м полку. Батальон часто предоставлял охранников в лагерь для военнопленных, где содержались несколько моряков с немецкого военного корабля «Эмден». Немецкие заключенные убедили индийских солдат, что сам кайзер – мусульманин и потомок Пророка. Солдаты поверили, что немцы – мусульмане и Великобритания вступила в войну против ислама⁴. Напряжение достигло своего предела и последней каплей стало известие о том, что 5-й полк должен отправиться на войну против единоверцев.

Когда началась Первая мировая война, гарнизон Великобритании в Сингапуре состоял из двух пехотных полков: 1-го собственного Короля Йоркширского полка легкой пехоты и 5-го полка легкой пехоты, причем последний прибыл в Сингапур из Мадраса только 10 февраля 1914 г.⁵ Также в Сингапуре была размещена батарея ФМГ и несколько артиллеристов Королевской крепостной артиллерии. Командующим был бригадный генерал Д.Х. Ридаут. После потопления немецкого корабля «Эмден» в ноябре 1914 г. опасность для Сингапура со стороны моря уменьшилась, и было принято решение отправить британский полк на Западный фронт, оставив индийский в качестве единственной регулярной единицы пехоты в Сингапуре.

5-й полк легкой пехоты был необычен тем, что состоял исключительно из мусульман. Он был сформирован из двух батальонов (правое и левое крыло) по четыре роты в каждом, один из батальонов состоял из пуштунов и белуджей, а в другом служили мусульманские раджпуты из Восточного Пенджаба и Дели. Полк насчитывал примерно 800 человек. Батарея

ФМГ, численностью около 100 человек, состояла преимущественно из сикхов⁶.

16 февраля 1915 г. 5-й полк должен был быть переброшен в Гонконг, это обстоятельство по соображениям безопасности хранилось в тайне, но среди военнослужащих циркулировали слухи, что полк «будет направлен в Месопотамию бороться против турок». Утром 15 февраля бригадный генерал Ридаут провел смотр полка в Александровских казармах. В своем обращении он сказал о предстоящей переброске, не упомянув при этом пункт назначения – Гонконг: его речь была плохо переведена на индийский язык, и в полку началось проявление недовольства.

В казармах началась подготовка к передислокации. К середине дня из арсенала частично было вывезено тяжелое вооружение, в том числе пулеметы. Стрелковое вооружение и боеприпасы должны были быть перевезены следующим утром, но было принято решение о его досрочной транспортировке. При мерно в 2 часа дня боеприпасы из полкового арсенала были погружены на грузовики. Около 3-х часов раздался первый выстрел.

Левое крыло фактически не принимало участие в мятеже, оставшись практически без боеприпасов, они ушли в джунгли. Командир Левого крыла – Элиот был убит.

Мятежники из Правого крыла пробились к дому командующего, где к ним присоединились некоторые сикхи из батареи ФМГ. Тем не менее, участие малайцев было кратким: после убийства офицера Королевской крепостной артиллерии они исчезли, не принимая дальнейшего участия в мятеже. Позже многие из них были найдены в Малайе. Некоторые вернулись в свои казармы или обратились в полицейские участки в Сингапуре. Внезапное изменение настроения сикхов и их дистанцированность от мятежа была, вероятно, связана с тем, что они не хотели связываться с раджпутами, которых они считали «неполноценными»⁷.

В действиях мятежников не было согласованности и они не имели конкретного плана действий. Большая часть мятежников – 100-150 человек под руководством Субедар Дунде Хана, в течение почти двух суток вела осаду дома командующего.

Другая группа, численностью примерно 80 человек, под командованием Хавильдар Ибрагима двинулась через остров к Танглин, где находился лагерь для немецких военнопленных. По пути следования они убили несколько гражданских лиц. Около четырех часов вечера мятежники достигли лагеря для интернированных. Охрана была к этому совершенно не готова. Был убит комендант лагеря, несколько британских и малайских офицеров и солдат, четыре рядовых Сингапурского добровольческого стрелкового полка и один немецкий военнопленный. Мятежники захватили лагерь, но, к их разочарованию, из 250 интернированных немцев лагерь покинули только 17 человек⁸ (а по данным газеты *The New York Times* от 2 мая 1915 г. – 35 человек). Четверо из них позже были пойманы, а остальные сбежали в нейтральную Голландскую Ост-Индию. Позже было обнаружено, что заключенные рыли туннель, который был почти завершен, и сбежали бы через несколько дней.

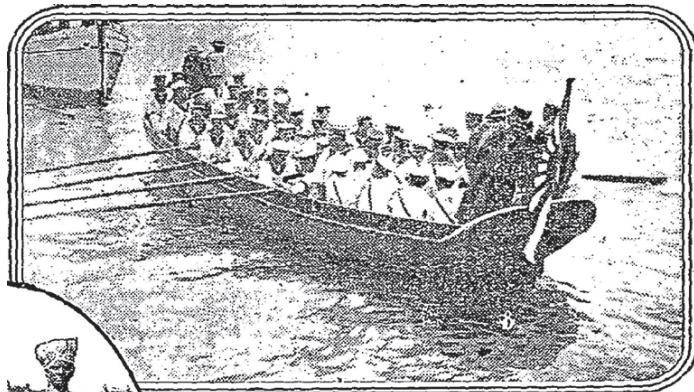
Мятежники были поражены поведением немецких заключенных, которые, казалось, больше были заинтересованы в помощи своим раненым британским тюремщикам, а не в побеге. Вскоре они поняли, что их обманули. Сбитые с толку и в недоумении, мятежники не знали, что делать дальше и расстались. Некоторые пошли в Сингапур в поисках турецкого военного корабля, другие пересекли пролив и ушли в джунгли Джохора.

Получив известие о мятеже командующий Ридаут из Форта Каннинг сразу же направил послание на британский корабль «Кадмус», который выслал десант из 80 человек, чтобы блокировать вступление мятежников в город из области Паси Панджанг. Помимо полиции были мобилизованы силы добровольных стрелков Сингапура. В распоряжении властей оказался 36-й отряд сикхов, направлявшийся к своему полку в Вэйхайвэй в Китае. Ридаут провел переговоры с японским консулом, который спешно выделил 190 человек в качестве специальных констеблей. Была выставлена вооруженная охрана всех общественных зданий и доков, проведена частичная эвакуация европейских женщин и детей из пригородов. Как ни парадоксально, китайцы остались в блаженном неведении о мятеже, приняв звуки стрельбы за взрывы петард в честь празднования Нового года.

Военное положение было объявлено в 6.30 утра. К вечеру оборона острова была полностью обеспечена⁹.

Из Пенанга на поезде прибыло 150 военнослужащих вооруженных сил Джохора, под личным командованием султана, который откликнулся на призыв губернатора сэра Артура Янга. Помимо японцев британские власти получили помощь от ряда других стран. Были отправлены сообщения на корабли, находящиеся на море и в портах. Японский крейсер «Отова», патрулировавший побережье Явы, прибыл в Сингапур вечером 16 февраля. Французский крейсер «Монкальм», вышедший из Сингапура в день начала мятежа, вернулся утром 17 числа. Отряд из 190 военнослужащих с двумя пулеметами с «Монкальм» был переброшен в округ Селетар, где была замечена группа мятежников. Однако перед их прибытием мятежники ушли в Джохор, где 61 из них сдались силам султана.

Утром 18 февраля 76 человек с крейсера «Отова» под командованием полковника Браунлоу заняли Александровские казармы и захватили шесть человек. Затем японский десант захватил еще 12 мятежников в Норматонских казармах. Прибывший в тот же день с подкреплением русский крейсер «Орел» выслал на остров 40 человек. К этому времени ситуация была полностью под контролемластей. 19 февраля прибыл японский крейсер «Цусима». 20 февраля прибыл корабль «Эдвана» из Рангуна, на борту которого было шесть рот 4-го батальона Шропширского полка легкой пехоты.

Высадка японского десанта (*The New York Times*, 2 May 1915)

К вечеру 22 февраля, через неделю после начала мятежа, 614 человек из 5-го полка легкой пехоты сдались. Было подсчитано, что 56 мятежников были убиты или утонули. От рук мятежников погибло 47 человек.

Мнения о характере мятежа расходятся. Британские власти считали его военным восстанием, спровоцированным недовольными элементами внутри полка. По другим оценкам, мятеж был проявлением растущего чувства национализма среди солдат в индийской армии, которые начали сомневаться в своей роли в борьбе за чужие интересы. Руководители революционного движения за пределами Индии партии Гадар заявили, что мятеж был частью их плана по свержению британского правления в Индии. По их мнению, мятеж провалился из-за плохого руководства, отсутствия четкой программы и координации с революционными движениями в других частях мира. Амбициозные планы партии Гадар по организации восстания в Индии и других регионах были сорваны британской разведкой, если бы их планы удались, Британии было бы сложно подавить мятеж в Сингапуре.

Британские власти подавили восстание с помощью нескольких иностранных держав, в том числе Франции, России и Японии. В Японии разгорелись жаркие споры об уместности использования японских солдат и гражданских добровольцев в подобных мероприятиях. Третий англо-японский союз, который был заключен в 1911 г., предусматривал, что Великобритания и Япония будут помогать друг другу в случае агрессии со стороны третьих стран в отношении их территорий в Индии и Восточной Азии. Но помочь Великобритании в подавлении мятежа в Сингапуре была поставлена под сомнение многими, в том числе офицерами ВМС Японии. В то время в Японии нашли прибежище несколько индийских революционеров, и они рассчитывали на ее поддержку в получении независимости от британского правления.

По словам японского ученого Шо Куваджимы, который провел доскональное исследование этих событий, сингапурский мятеж был выражением антивоенных настроений индийских солдат и их стремления к свободе, которые активно под-

питывались пропагандой партии Гадар, однако отсутствие революционного руководства и размытость их программы привела к поражению¹⁰.

Мятеж застал британские власти врасплох и достиг бы цели, если бы мятежники были должным образом организованы и возглавлены. Кроме того, мятежники не предприняли никаких попыток, чтобы заручиться поддержкой гражданского населения.

Возмездие было быстрым и суровым. В течение месяца состоялся военный суд над двумя офицерами и 200 рядовыми 5-го полка. Все, кроме одного сипая, были осуждены. Оба офицера и 45 сипаев были приговорены к смерти, 64 к пожизненному заключению, а оставшиеся к лишению свободы от года до двадцати лет. Одиннадцать человек из ФМГ, которые присоединились к мятежу, также были осуждены и приговорены к лишению свободы от 11 месяцев до двух лет. Казни проводились публично перед тысячами китайцев, малайцев и индийцев за пределами тюрьмы на Роуд Аутрэм в Сингапуре.

Публичная казнь осужденных мятежников, март 1915 г.¹¹

СИНГАПУРСКИЙ БУНТ 2013 г.

8 декабря 2013 г. в районе Маленькой Индии в Сингапуре произошли массовые беспорядки, получившие название «Сингапурский бунт». В уличных столкновениях с полицией приняли участие 400 рабочих-мигрантов из Южной Азии.

Поводом для беспорядков послужило дорожно-транспортное происшествие, в результате которого погиб 33-летний рабочий-мигрант из Южной Индии.

Очень быстро на месте происшествия собралась неуправляемая толпа. Мятежники начали переворачивать и жечь автомобили. Для подавления беспорядков в район Маленькой Индии были направлены 300 полицейских. В результате столкновений 22 полицейских и 5 сотрудников сингапурской самообороны получили ранения. Среди пострадавших оказались водитель и кондуктор автобуса. Кроме того, были сожжены три полицейские машины, машина скорой помощи и несколько частных машин. Бунт продолжался около двух часов, и ситуация была взята под контроль к полуночи¹².

Полицией были арестованы 24 выходца из Индии, 2 бангладешца и один постоянный житель Сингапура, с которого впоследствии все обвинения были сняты⁴.

Премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун заявил: «Какие бы события ни вызвали эти беспорядки, нет никакого оправдания для такого насильственного, разрушительного и преступного поведения. Мы не пожалеем никаких усилий для выявления виновных и накажем их по всей строгости закона».

*Премьер-министр Сингапура и его министры
осматривают места беспорядков¹³*

Однако, несмотря на массовость, произошедшее, по мнению экспертов в Сингапуре, не было заранее спланированной акцией и не имело каких-либо веских мотивов. Профессор политологии Национального университета Сингапура Бильвер Сингх отметил, что «это было спонтанное происшествие. Беспорядки не имели никаких политических мотивов»¹⁴.

⁴Комиссар полиции Нг Чжу Хи подчеркнул, что сингапурцы не принимали участия в беспорядках. (Singapore shocked by worst riots in decades, as migrant workers vent anger - <http://www.theguardian.com/world/2013/dec/09/singapore-riots-decades-migrant-workers>)

Синапан Самидорай, исполнительный директор независимого исследовательского агентства «Think Centre» в Сингапуре, высказал мнение, что бунт был основан на спонтанной эмоциональной реакции, и зачинщиками беспорядков стали друзья погибшего.

В Индийском квартале живут тысячи приезжих рабочих, преимущественно из Индии. Но причина беспорядков кроется не в национальности их участников. Что касается индийцев в Сингапуре, то они составляют примерно 9% от населения страны и являются здесь третьей по величине этнической группой. Общественное положение индийцев в Сингапуре достаточно стратифицировано: среди них есть и бедные, и богатые люди. Так, в списке 40 богатейших граждан Сингапура – 10 индийцев¹⁵.

Гораздо более проблематично то, что в беспорядках участвовали именно трудовые мигранты. В общей сложности в Сингапуре проживает примерно 1,3 млн рабочих-мигрантов. Город-государство сильно зависит от приезжих рабочих из других стран, они особенно востребованы в строительном секторе¹⁶. Проблемы с рабочими-мигрантами не новы для Сингапура, поэтому правительство страны продвигает четырехлетнюю кампанию уменьшения зависимости от иностранных рабочих; многие годы открытой иммиграционной политики привели к недовольству граждан Сингапура усилением конкуренции за жилье, работу и образование¹⁷.

Огромный резонанс в Сингапуре вызвало сообщение индийского телеканала SunTV, в котором прозвучали обвинения в адрес китайцев в нападении на индийцев. Однако после ноты МИДа Сингапура, президент канала принес свои извинения за прозвучавшую в эфире его телеканала дезинформацию, и на следующий день было выпущено опровержение, в Сингапур были направлены официальные извинения.

События 8 декабря примечательны не только своей массостью и стихийностью, но и тем, что это – первый случай таких беспорядков за последние 44 года. Хотя в ноябре 2012 г. в Сингапуре также был случай нелегальной забастовки водителей автобусов, в результате которой было арестовано 4 человека. Инициаторами забастовки тоже были рабочие-мигранты, но

в основном это были этнические китайцы. Та забастовка не была многочисленной и обошлась без разрушений и жертв. А большие беспорядки в Сингапуре, повлекшие за собой человеческие жертвы и разрушения, случились в 1969 г., они длились около недели и были спровоцированы массовыми столкновениями между этническими малайцами и китайцами в соседней Малайзии, а также недовольством малайцев своим общественным и экономическим положением в Сингапуре.

Казалось бы, эти два события – Сингапурский мятеж 1915 г. и Сингапурский бунт 2013 г. – имеют мало общего; различными были причины беспорядков, различными последствия, несоизмеримы человеческие потери. Но все же есть фактор, который объединяет и ставит их в отдельный ряд в истории других массовых беспорядков в Сингапуре, имеющих национально-конфессиональную окраску. Основной и наиболее важной отличительной чертой этих двух событий является тот факт, что в обоих случаях в беспорядках принимали участие индийцы-мусульмане, не являющиеся постоянными жителями Сингапура. Тем не менее, примечателен тот факт, что сингапурцы индийского происхождения, независимо от их религиозной принадлежности, всегда старались дистанцироваться от участия в открытых столкновениях с другими этническими группами или властями.

¹Khushwant Singh, *The History of the Sikhs, Vol. II* (Delhi, 1991), pp. 182-183.

²Bhai Nahar Singh and Kirpal Singh (ed.), *Struggle for Free Hindustan (Ghadar movement)*, Vol. I, 1905-1916 (New Delhi, 1986), pp. 76-79.

³<http://jagopunjabjagoindia.com/wp-content/uploads/2014/06/komagata-maru.jpg>

⁴Gerard H. Corr, *The War of the Springing Tigers* (London, 1975), pp. 7-8.

⁵The New York Times, 02.05.1915

⁶ Maj Gen VK Singh, *Contribution of the Armed Forces to the Freedom Movement in India*, A KW Publishers Book, 2009, United Service Institution of India (USI), New Delhi.p. 75

⁷Ibid,p. 76.

⁸ Ibid p. 80.

⁹Gerard H. Corr, *The War of the Springing Tigers* (London, 1975), pp. 9-12.

¹⁰Kuwajima Sho, *Indian Mutiny in Singapore, 1915: People Who Observed the Scene and People Who Heard the News*,*New Zealand Journal of Asian Studies* 11, 1 (June 2009), p. 12

¹¹<http://singaporemutiny.files.wordpress.com/2012/01/cropped-singapore-mutiny-execution-fv.jpg>

¹² Singapore Warns on Violence After Riot in Indian District,

<http://www.bloomberg.com/news/print/2013-12-09/singapore-warns-on-violence-after-traffic-incident-sparks-riot.html>

¹³<http://2.bp.blogspot.com/-lofSTWO-OR4/Uqdm9t85SAI/AAAAAAAARJ4/M58PFms7JRU/s1600/SingaporeRaceRiot-PMinspecting.jpg>

¹⁴Ibid.

¹⁵ Сингапурский бунт. <http://expertonline.kz/a12215/>

¹⁶Singapore riot: PM Lee Hsien Loong urges restraint, <http://www.bbc.com/news/world-asia-25306425>

17 Singapore Warns on Violence After Riot in Indian District,

<http://www.bloomberg.com/news/print/2013-12-09/singapore-warns-on-violence-after-traffic-incident-sparks-riot.html>; Singapore's Angry Migrant Workers // http://www.nytimes.com/2013/12/28/opinion/singapores-angry-migrant-workers.html?_r=0

**АВСТРАЛИЯ – СССР в 1940-е годы:
ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ**

Часть 2. Время упущенных возможностей

Окончание Второй мировой войны и разгром столь опасных противников как гитлеровская Германия и милитаристская Япония вселяли надежды на взаимное уважение и укрепление сотрудничества держав-победителей. И на фоне этой послевоенной эйфории для австралийского руководства крайне обидным стало то, что вопрос о мирном урегулировании с Японией на переговорах в Москве в конце 1945 г. решался без его привлечения¹. Первая реакция была осторожна, но четко выражена: «следует разъяснить Соединенным Штатам и Советским представителям, что, когда речь идет о будущем Тихого океана, Австралия, как главный участник конфликта в войне и как нация, чья безопасность и процветание столь тесно связаны с будущим Тихоокеанского региона, должна напрямую участвовать в переговорах с другими заинтересованными странами»². Все чаще АС раздражал тот факт, что великие державы видели в доминионах только подчиненные части Британской империи, чьи интересы определял Лондон. Такая ситуация складывалась в ходе переговоров по Японии, то же самое наблюдалось и при обсуждении вопроса о Корее в процессе работы Дальневосточной Комиссии. Г. Эвартт решительно возражал: «Эту процедуру следует оспорить. Британское правительство приняло нашу основную точку зрения на сей счет, и теперь пришло время просить их вполне откровенно заявить Соединенным Штатам и России, что в отношении всех дел, относящихся к урегулированию в Японии, они будут участвовать только при условии, что Австралия тоже участвует как основная сторона»³. Эти противоречия стали первым камнем преткновения в послевоенном мироустройстве, а сам факт осознания своих прав участвовать в делах региона на равных был весьма красноречив – в АС шла

выработка своей независимой линии, согласованной, но отдельной от Великобритании.

Следует отметить, что сразу по окончании военных действий дипломаты увидели, что «единство великих держав за кончились и что в данный момент члены Большой Тройки действуют независимо друг от друга»⁴. Ситуация для АС усложнялась тем, что даже с Лондоном не наблюдалось полного согласия: споры между австралийской и британской делегациями шли по вопросам системы опеки над бывшими колониями, о праве вето великих держав в создаваемой ООН, и многим другим⁵. К слову, участие АС в создании этой организации стало еще одной вехой на его пути к внешнеполитической самостоятельности. «Мы... бы желали не быть привязанными ни к одной шаблонной схеме до проведения всеобщей конференции ... Должен быть обеспечен максимум участия держав, не входящих в Большую Тройку, в деле разработки деталей и процедур этой организации», – подчеркивал Эвартт⁶.

Такой подход стал принципиальной позицией АС на международной арене и одной из основ курса АЛП. Общеизвестно, что Австралия была в числе наиболее активных создателей ООН: в 1945 г. на конференции в Сан-Франциско ее делегация насчитывала 45 человек, Эвартт выступал более 200 раз и был членом 20 комитетов, из 38 предложенных австралийцами крупных поправок принятые были 26⁷. Вплоть до 1949 г. этот австралийский политик продолжал видеть в Объединенных Нациях арену мирного решения всех проблем, считая, что «активное участие в ООН и создаваемых ею организациях – ключевой момент в политике правительства»⁸. Остается только поражаться упорству, с которым держался своих взглядов глава внешнеполитического ведомства Австралии, ибо работа в ООН с его советскими партнерами, в частности, оказалась совсем не из легких. Будь то работа комитета по опеке или заседания Совета Безопасности – там, где хоть в малейшей степени пересекались интересы СССР и Австралии, – тотчас же возникала напряженность между представителями двух государств. А наивные попытки Эвартта найти в СССР непосредственного союзника в противовес Великобритании уже в 1945 г. закончились доносом В.М. Молотова главе британской делегации о

приватных переговорах, в которые австралийский министр вступил с Советами^{9*}.

Проблемы, при решении которых подходы делегатов СССР и АС расходились, были многочисленны. Укажем только на некоторые из них: размеры reparаций; вопросы ядерного разоружения и контроля над атомным оружием; позже к ним добавились споры вокруг проектов об опеке для Новой Гвинеи и Науру; обсуждение условий членства в ООН и процедуры приема в нее новых государств¹⁰. Кроме того, дискуссионными оставались и вопросы гуманитарного плана: защита прав человека в попавших в зону советского влияния странах Восточной Европы и обеспечение свободы печати. Вне всякого сомнения, тема взаимоотношений наших двух стран в ООН требует самого тщательного и обширного исследования. В ряде работ советских авторовдается сжатая, но весьма точная аргументация советской стороны по большинству затронутых вопросов¹¹, но очень односторонне оцениваются позиции ее австралийских партнеров. Между тем опубликованные документы ООН дают все основания усомниться в исключительно «антидемократическом» и «империалистическом» характере доводов австралийской делегации. Ограничимся лишь некоторыми примерами.

Так, в проекте документа об опеке над Науру, предложенном делегацией Австралии, представитель СССР увидел «шаг назад, указывающий на возрождение колониальной и мандатной системы, который может привести к прямой аннек-

* Стоит сказать, что в числе верных соратниц Эватта была и «красная Джесси» – защитница прав женщин и борец за мир Дж. Страт. Как представительница истэблишмента Нового Южного Уэльса, богатая и прекрасно образованная, она сыграла яркую роль в формировании общественного мнения современной ей Австралии. Личные знакомства с Элеонор Рузвельт, Нэнси Астор, Пабло Пикассо и Джавахарлалом Неру открывали ей двери самых высоких кабинетов. Она стала единственной женщиной в составе австралийской делегации на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско в 1945 г., где она помогла создать постоянную комиссию по статусу женщин, став ее членом от АС (см.: The Bulletin, July 4, 2006, p.67). Но хотя Страт, как уже говорилось, была самой преданной поклонницей СССР, недоверие к Австралии со стороны представителей России, Украины и Белоруссии не ослабевало.

сии территории под опекой»; и не заметил, что к управлению островом привлекался Совет вождей местных племен, учреждалось проведение выборов при тайном голосовании, вводилось бесплатное медицинское обслуживание и обязательное начальное обучение для жителей территории. Недаром же в результате все поправки СССР был отклонены, а проект прошел при 41 голосе «за» и только 6 (СССР, БССР, УССР, Польша, Чехословакия и Югославия) «против»¹². Упорство, с каким члены советской делегации отстаивали свои позиции в работе над проектом комитета ООН по опеке, вызывало недоумение относительно их целей у членов других делегаций, особенно Соединенного Королевства и Соединенных Штатов. «Кажется, что никаких удовлетворительных признаков относительно намерений Советского блока пока не найдено. Все, что можно сказать в настоящее время, это то, что Советское правительство весьма заинтересовано в вопросах опеки и намерено играть ведущую роль в заседаниях Совета по опеке», – отмечали австралийские дипломаты¹³.

Обсуждение корректировки Устава ООН и урегулирования применения права вето постоянными членами Совета Безопасности тоже дает немало поводов не согласиться с широко распространенным в советской историографии мнением о провокационном характере действий Австралии. СССР использовал принцип единогласия и право вето как мощный рычаг для достижения своих целей и блокирования нежелательных ему предложений, а АС всячески противился введению права вето. Впоследствии сэр Ф. Эгглстон объяснял позицию своих коллег: «вето очевидно поставит пять великих держав в независимое от всемирной организации положение, и, так как войны возникают из соперничества великих держав, не будет средства предотвратить войну»¹⁴. Выступая 14 ноября 1946 г. в I комитете ГА ООН, П. Хэзлак излагал точку зрения своей делегации: «Цель Австралии в том, чтобы постараться применять Устав в его настоящем виде и обеспечить эффективность Совета Безопасности как орудия для поддержания мира». Подробно проанализировав все случаи применения права вето СССР, оратор призвал все великие державы «пользоваться принципом единогласия умеренно и в интересах эффективного функциониро-

вания Совета... проникнуться духом взаимной уступчивости». Даже делегату от Югославии эта резолюция показалась «разумной и умеренной». Однако из уст А.Я. Вышинского австралийцы получили грубую и ни одним фактом практически не подтвержденную отповедь и обвинения в неуважении к жертвам, понесенным СССР во время войны, в стремлении «нанести удар единству великих держав»¹⁵.

Примеры его политической демагогии можно продолжить. Как только австралийская делегация, поддержав советскую резолюцию о всеобщем разоружении, предложила к ней поправки с конкретными мерами по введению международного контроля над данным процессом, последовал ответ Вышинского, что поправки «нечелесообразны», ибо «они не помогут благополучному разрешению стоящей перед Комитетом проблемы»¹⁶. Вопросы прав человека – еще один пример аналогичного подхода СССР; споры вокруг этой проблемы надолго стали одной из основных препон в советско-австралийских отношениях. Одним из первых поводов к разногласиям в 1949 г. стало преследование верующих в Румынии, Венгрии и Болгарии, на защиту которых в ГА ООН встала австралийская делегация. В ответ Вышинский обрушился на руководство АС с обвинениями в нежелании помочь австралийским аборигенам: «Вместо того, чтобы клеветать на страны народной демократии, австралийскому правительству следовало бы подумать обо всех этих фактах у себя в Австралии в связи со статьей 55 Устава, которая обязывает содействовать уважению и соблюдению основных прав человека и свободы для всех»¹⁷. Реакция Г. Эватта на этот пассаж была уже гораздо спокойнее, чем в предыдущие годы: он перечислил меры министерства внутренних дел по улучшению положения аборигенов, подчеркнув, что «Австралии тут нечего стыдиться». Тактика же советской делегации хорошо известна: вместо того, чтобы дать разъяснения по поводу ситуации, сложившейся в зоне их влияния, представители СССР обрушаются с обвинениями по вопросу совсем иного порядка¹⁸. Австралийские политики прекрасно понимали подоплеку такой агрессивности; еще в 1947 г. Дж. П. Эббот из Нового Южного Уэльса вполне трезво оценил нападки А. Вышинского. По его словам, «очевидно, что эта атака была сделана

для советского внутреннего пользования – убедить советских людей в агрессивных намерениях Запада, ибо всем на Западе хорошо известно, что на СССР никто нападать не ся»¹⁹.

В итоге наладить плодотворное сотрудничество Австралии и СССР в рамках ООН стало трудным делом. В 1945–1947 гг. из 103 случаев голосования в Совете Безопасности представители этих двух стран одинаково проголосовали в 23 случаях, придерживались противоположных точек зрения в 42 случаях и 38 раз их делегаты воздерживались от голосования – то есть, их интересы почти в 2 раза чаще расходились, чем совпадали в эти годы²⁰. Но не только это настораживало общественность Южного континента. В австралийской прессе резкой критике подвергалась атмосфера секретности и подозрительности, возведенная русскими «в ранг политики», строжайшая цензура в любой области²¹. По сообщению «Сидней Морнинг Гералд», в августе 1946 г. в период проведения Парижской конференции, где обсуждались вопросы послевоенного устройства, члены советской делегации предлагали «внимательно следить» за действиями австралийского министра иностранных дел Эватта – человека, с большой симпатией относившегося к русским и выступавшего в роли их защитника в Австралии. Для советского руководства он являлся «лидером англо-саксонского блока», искушенным во всякого рода подвохах и «ненадежной арифметике»²². Незаслуженные обвинения в адрес главы австралийской делегации повторялись столь часто, что на одном из заседаний З Комитета ГА ООН по социальным и гуманитарным вопросам на его защиту встал представитель Великобритании. Процитировав ряд оскорбительных замечаний советской прессы в адрес Эватта, он посоветовал присутствующим сохранять чувство юмора, ибо по-иному реагировать на подобные вещи просто нельзя²³. В конце концов, не выдержал и сам Эватт. «Методы, применяемые советским руководством, приводят к мысли, что их система состоит в том, чтобы оклеветать любого, кто выступит с критикой политики, проводимой их страной. Таким путем невозможно добиться какого-либо прогресса», – заявил он в 1947 г.²⁴.

Терпение, с которым австралийцы разъясняли свои позиции, их готовность пойти на соглашение ради достижения исконой цели резко контрастировали с негибкой линией А.Я. Вышинского, В.М. Молотова, А.А. Громыко, Д.З. Мануильского и других, не желавших идти ни на какие компромиссы. Еще осенью 1945 г. в Лондоне в ходе работы комиссии по подготовке документов для ООН П. Хэзлак охарактеризовал тактику советской делегации во главе с А.А. Громыко как постоянное затягивание процесса принятия решений, отметив, что «эти факторы привели к мощной англо-американской тенденции ухаживать за Советами очень тщательно и уступать легко». Видимо, потому Громыко и был «очень упрямый в споре»²⁵. Но часто этот подход и подводил советских дипломатов: в конце 1940-х гг. большинство стран-участниц ГА и комитетов ООН отказывались поддерживать советские предложения по многим вопросам.

В Австралии деятельность ООН все чаще оценивалась критически. Сменивший в 1945 г. Кертина на посту премьер-министра Дж. Б. Чифли высказал неодобрение позиции СССР: «Эта страна продемонстрировала враждебное отношение к ее союзникам в прошедшей войне, и я не претендую на оправдание поведения Вышинского или Молотова». Однако в заключении он практически призвал следовать русской поговорке о худом мире, что лучше доброй ссоры: «Не имеет значения, насколько упрямыми могут быть нации, не имеет значения, насколько антагонистические позиции может занимать Россия, каждый общественный деятель обязан внести свою лепту в попытки преодолеть препятствия и враждебность, что угрожают миру. Только действиями в духе доброй воли может быть предотвращена следующая мировая война»²⁶. Еще менее оптимистично смотрели на ООН представители либеральной и аграрной партий. В их глазах она виделась либо бесполезной ареной предательства интересов АС во имя несуществующего интернационализма (П. Спендер), либо неэффективной организацией, которую необходимо реформировать таким образом, чтобы ее ядро составил «сильный союз англо-говорящих государств» (А. Кэмерон)²⁷. Подобного рода заявления австралийских поли-

тиков были отражением растущей тревоги по поводу распространения практики Советов во многих регионах Земного шара.

Тем не менее, постепенно налаживалось австралийско-советское сотрудничество в научно-технической области, в области сельского хозяйства, обмена информацией по метеорологии, вопросам строительства. К концу 1940-х гг. роль СССР как одного из покупателей австралийских товаров стала более ощутимой, и в те годы наметились черты, которые до конца XX в. отличали наши торговые отношения. Так, в 1948–1949 гг. сумма австралийского экспорта в СССР превышала количество ввезенных из России товаров в денежном исчислении примерно в 60 раз. Сенатор из Тасмании У. Морроу указывал, что торговля шерстью с СССР крайне выгодна: здесь нет депрессий, что обеспечивает постоянный спрос; кроме того, в обмен на шерсть Австралия может получать русский лес, лен, меха, суперфосфат и другие материалы. Он подчеркивал: «Мы должны сделать все возможное для развития дружественных отношений с нашими северными соседями, в т.ч. с Россией и новым Китаем»²⁸. И он был не одинок в таком понимании событий; укрепление многостороннего сотрудничества вполне вписывалось в планы послевоенного устройства мира, над которыми австралийские политики работами задолго до окончания второй мировой войны. В этом контексте сотрудничество с СССР отчасти рассматривалось и как некий противовес растущему доминированию США в послевоенной расстановке сил на мировой арене.

В свете этих подвижек руководство АС стремилось сгладить постоянно возникавшие проблемы в отношениях наших стран. Например, в трудное положение поставили правительство АЛП заявления вернувшегося из СССР второго по счету посланника Австралии Дж. Малони. По материалам газет «Сенчури» и «Сан», высказывания посланника были не совсем лестными для страны его аккредитации. На закрытом заседании парламентской фракции АЛП он рассказал об истинной ситуации: о строгой регламентации в СССР деятельности дипломатов, о жесткой цензуре, о тяжелом положении советских рабочих и возникновении новой аристократии в лице партийной и научно-технической верхушки. Но что больше всего возмуща-

ло журналистов – это завеса молчания вокруг таких сведений. Впоследствии в Москве сам Малони имел по поводу этих публикаций беседу с В.М. Молотовым, и реакция советских правящих кругов была резко негативной²⁹. Но в ответ на парламентский запрос представители министерства иностранных дел АС заявляли только, что «сведения, появившиеся в прессе, в высшей степени неточны»³⁰. Дж. Страт, в октябре 1945 г. еще раз посетившая СССР, дала жесткую отповедь Малони, который показывая ей послевоенную Москву, возмущался тем, что люди плохо одеты, ютятся в тесных общежитиях и вынуждены пользоваться «черным рынком» с завышенными ценами на продукты питания. «Господин Малони совершенно не разбирался в международных делах, да они его и не интересовали. Пребывание в России было ему ненавистно. Дипломатическая деятельность тоже. Единственное, чего он хотел, – это уехать на родину к своим приятелям по Объединению профсоюзов и лейбористской партии … В качестве австралийского посланника в СССР он был похож на вытащенную из воды рыбу»³¹.

Все это мало способствовало затуханию страсти вокруг деятельности австралийских дипломатов в СССР. Лидеры оппозиции видели, что за первые пять лет существования миссии в Москве правительство АЛП меняет там второго посланника и держит в тайне все материалы об их деятельности. Основное требование оппозиции сводилось к большей доступности для общественности материалов, касавшихся положения на международной арене и деятельности австралийских представительств за рубежом, в частности³².

Хуже, однако, было то, что за дипломатическим фасадом скрывались вполне серьезные и порой трудноразрешимые проблемы по урегулированию судеб военнопленных, возврата имущества перебравшихся в Австралию жителей Западной Украины и Прибалтики. Сотрудники австралийской миссии неоднократно требовали от советских властей выдачи австралийских военнослужащих, которых освободила из немецкого плена Красная армия, и просили не использовать их на трудовых работах, даже на добровольной основе: «Мы ожидаем и допускаем, что по освобождении для австралийских военнопленных автоматически возобновляется их военный статус и что Совет-

ские власти будут готовы к сотрудничеству по организации их немедленной депатриации»³³. По словам Малони, советская сторона «отнеслась с симпатией» к поднятым вопросам. Но когда австралийская миссия пыталась затребовать сведения о том, сколько австралийцев попало в СССР из немецких лагерей и где они находятся, опять возникали проблемы. Ответ заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского был обтекаем: из Польши в Одессу, где находился пересыльный лагерь, отправлены все британцы, но выделить из них именно австралийцев «было трудно для его офицеров». Впрочем, он обещал более внимательно рассматривать эти вопросы в будущем³⁴.

Еще более сложно решались трудности с выездом жен австралийцев, если брак был заключен с советскими гражданками. Согласно законам СССР, право на выезд давалось их мужьям, как подданным АС, но жены должны были прежде лично обратиться в Верховный Совет с просьбой об отказе от советского гражданства и ждать ответа по месту их жительства. Малони ходатайствовал о выезде вместе с мужьями трех советских женщин, которые вышли замуж за попавших в немецкий план австралийцев в Кракове в феврале 1945 г. Его впечатления от разговора с Вышинским были неутешительные: «Впечатление, произведенное на меня Вышинским в ходе этого интервью, привело меня к выводу, что шансы на получение разрешения для жен трех наших людей воссоединиться с их мужьями в ближайшем будущем безнадежны. Может остаться очень отдаленный шанс, когда кончится война»³⁵.

Тем не менее, лейбористский кабинет явно стремился избежать дальнейшего обострения отношений с СССР, делая все, чтобы замять скандалы и обосновать необходимость упрочения дипломатических контактов с Москвой. Только этим можно объяснить состоявшееся весной 1948 г. преобразование миссий в посольства, да еще, пожалуй, и утверждением возрастающей роли АС в международных отношениях и необходимостью повысить в связи с этим статус своих представительств в государствах – постоянных членах Совета Безопасности. Официальная переписка по этому вопросу начались летом 1947 г. с письма посланника АС в Москве А.И. Уотта к В.М. Молотову. Ответ за подписью А.Я. Вышинского с согласием правительства

СССР был передан только через 7 месяцев, в феврале 1948 г. Австралийцы откликнулись уже в марте, и с мая 1948 г. все документы австралийского представительства в Москве шли с печатью Посольства Австралии в СССР³⁶.

Все это давалось руководству лейбористов нелегко. Жаркие споры о целесообразности сохранения дипломатических отношений с Советским Союзом вспыхнули при обсуждении бюджета на 1947/48 финансовый год. Парламентарии указывали, что на содержание миссии в Москве выделено 39 тыс. ф.ст., а активность дипломатов столь ограничена властями СССР, что не оправдывает и этих затрат: торговые связи невелики, передвижение по стране сведено к минимуму и пр. Вызывала сомнения и деятельность советской миссии в Канберре: сотрудников «никогда не видно, никогда не слышно, они не вступают в контакт с дипломатическими представителями других стран, не посещают здание парламента и удивительно, какую службу и обязанности они выполняют»³⁷.

Упреки эти были во многом обоснованными, и материалы архива МИД СССР частично дают ответ на них. Интерес к СССР в Австралии был по-прежнему велик; дипломатам приходило огромное количество писем с самыми различными вопросам: от желания услышать о проблемах строительства социализма в СССР до просьб выслать советские марки для маленьких австралийских коллекционеров. На всю эту корреспонденцию необходимо было по мере возможности ответить, и перед сотрудниками вставала первая серьезная проблема: постоянно не хватало достаточного количества книг, брошюр, кинолент и технических средств, чтобы удовлетворить все заказы. Тем не менее, культурно-пропагандистская работа велась, и достаточно интенсивно – в основном с помощью обществ австралийско-советской дружбы. Но в этой сфере возникала проблема, нередко ставившая сотрудников миссии в крайне щекотливое положение. Если до середины 1940-х гг. для многих рядовых австралийцев эйфория союзничества оказывалась сильнее, то во второй половине десятилетия оснований для нее оставалось все меньше, и в 1947 г. журнал «Острейлиен Ло Джорнал» отказался печатать предложенную ему статью Л. Трайнина о «выдающемся советском юристе» Вышинском³⁸.

Следует помнить и то, что деятельность сотрудников миссии тесно увязывалась с работой руководства в Москве, и на этапе, когда в цепочку включались высшие инстанции, начиналась мало тогда знакомая, а потому и малопонятная для австралийцев система советской бюрократии и волокиты, образцов которой можно привести несметное множество. К примеру, в январе 1944 г. А.П. Власову пришло письмо из посреднической конторы «Стрингджер и Бридж», где давалась высокая экспертная оценка изобретению, позволявшему проводить бомбекку объектов тяжелыми снарядами, доставлявшимися к цели на высоте стратосферы. Клиент фирмы был готов ехать в СССР в качестве главного консультанта по созданию его детища. На письме появилась резолюция: «Пусть вышлет подробное описание, а после мы дадим наше заключение». Ждать пришлось 4 года. В мае 1948 г. в посольство СССР в Канберре пришло гневное письма от изобретателя метательного снаряда Х.У. Эйтека, который в 1944 г. вдохновленный победами Красной Армии, направил на имя Власова чертежи своего изобретения. Но с тех пор он не только не получил никакого ответа, но несмотря на многочисленные просьбы, даже не смог встретиться с советским представителем. Обиженный таким невниманием, он требовал возвратить ему всю документацию³⁹. Другой пример сотрудничества был более успешен: одна из средних школ г. Канберры получила-таки необходимую ей для уроков географии коллекцию образцов минералов, имеющихся в СССР, но переписка по этому вопросу тянулась с 1947 по 1949 г. Часто письма так поздно доходили до адресата, что содержащаяся в них информация попросту устаревала. Не надо говорить, что подобная практика никак не способствовала престижу СССР.

И, наконец, после окончания борьбы с фашизмом, когда эйфория союзничества постепенно уступала место «холодной войне», участились отказы со стороны советских сотрудников принять участие в каких-либо мероприятиях или помочь в какой-либо просьбе. Иногда это было мотивировано, как, к примеру, нежелание Н.М. Лифанова присутствовать на обеде в Австралио-Советском Доме в ноябре 1946 г. после расцененных СССР как недружественные высказываний второго по счету

австралийского посланника в Москве Дж. Малони⁴⁰. Но чаще отказ ничем не объяснялся, как в случае с просьбой инженера-мостостроителя В. П. Кармальского, изучавшего свою профессию во Франции и опубликовавшего ряд работ в Австралии, разрешить ему работать в СССР по изученной специальности⁴¹. Иногда давался формальный ответ из центра: на запрос австралийцев от 20 сентября 1948 г. о возможности организации обмена документальными и учебными фильмами между Национальной библиотекой АС и соответствующими советскими органами, МИД «имел честь сообщить, что в настоящее время советские киноорганизации не предполагают воспользоваться предложением» австралийской стороны⁴². Конечно, эти отказы можно было бы объяснить большой загруженностью работой немногочисленного штата советского представительства в Канберре. Однако, скорее всего, причина тут в другом. В первую очередь, конечно, в принятом СССР в послевоенные годы внешне- и внутриполитическом курсе, проводником которого в Австралии являлось советское посольство.

Все же большее беспокойство вызывали условия работы австралийцев в России. В ноябре 1949 г. сенатор из Квинсленда Н.О. Сэлливен спрашивал работников МИД: «Будет ли правительство серьезно рассматривать вопрос об отзыве нашего посла из России, если ему не будет предоставлена свобода передвижений и деятельности, которая обычно разрешается послам цивилизованных стран в цивилизованных странах? Или, напротив, рассматривает ли правительство вопрос о наложении аналогичных ограничений на передвижения и деятельность русского посла в Австралии?». В ответ сотрудники внешнеполитического ведомства лишь оправдывались тем, что представители других держав в СССР находятся точно в таком же положении и что попытки как-то урегулировать этот вопрос ни к чему не привели⁴³.

Споры относительно характера и интенсивности контактов с СССР выходили и за стены парламента. В условиях реальной свободы слова и печати в Австралии издавались не только журналы типа «Россия и мы», но и издания, черпавшие свою информацию совсем из иных источников. Явная пропагандистская ложь все больше раздражала австралийцев. Жур-

нал «Буллетин» возмущенно писал о циркулировавших в августе 1946 г. по всей Австралии советских памфлетах, в которых превозносились успехи строительства социализма после войны и ни слова не говорилось о помощи Украине и Белоруссии странами – членами ООН. Между тем Великобритания выделила им 156 млн. ф.ст., Канада – 34,7 млн., Австралия – 9,6 млн. и даже Новая Зеландия – 2 млн. Давно уже не было секретом для читателей-австралийцев, какое положение и какие функции приобрели в СССР партийно-бюрократическая верхушка и репрессивный аппарат, в какой ситуации пребывают рабочие и остатки крестьянства⁴⁴. Не оставалось следов не только поклонения Сталину, но и веры в возможность сотрудничества между СССР в его тоталитарной форме и демократическими государствами. Газета «Аргус» публиковала отклики на интервью Сталина для американских журналистов: «Вопрос встает так: может ли правящая олигархия, которая не в состоянии привести в действие собственную конституцию, не будучи при этом опрокинута ею, нормально и на основании законов поддерживать контакты за границей? Ибо, как в таком случае ей оправдать в глазах собственного народа те строгие меры и беззакония ее собственного поведения дома, если вдруг она станет дружить со всеми ведущими державами внешнего мира? Не держится ли диктатура в России на сохранении состояния напряженности и незащищенности для оправдания ее существования?»⁴⁵. В этом же видели и причину проводившейся в те годы СССР политики искусственной изоляции от внешнего мира, получившей с легкой руки У. Черчилля название «железного занавеса». Изумление иностранцев вызывал прием, оказавшийся им в СССР: по пересечении границы они тут же попадали «в объятия ВОКС» (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей – Н.С.), организовывавшего «водочные туры» под постоянным наблюдением его неусыпных сотрудников⁴⁶.

Энтузиазм поклонников идей интернационализма остужали статьи в советских газетах, где западные страны представляли воплощением зла и насилия, а о миролюбивых шагах их государственных деятелей не упоминалось вовсе. Впрочем, здесь же необходимо подчеркнуть, что никогда неприятие ста-

линской диктатуры австралийцы не переносили на народы СССР. Восхищался мужеством и стойкостью русских Г. Холт; с состраданием говорил о простых людях России либерал из Виктории Т.У. Уайт, проведший два года в плена и подружившийся там с русскими военнопленными: «Я верю, что если бы русским дали возможность выбрать свою политическую судьбу, они стали бы демократическим народом... То, что произошло в России – просто смена тирании царского режима на тиранию контроля со стороны пролетарских лидеров»⁴⁷. Из невозможности мирного сотрудничества следовал логический вывод о неизбежности «безопасности посредством силы»: только хорошо вооруженные мощные западные демократии способны заставить уважать себя и сдержать экспансию СССР в мире⁴⁸.

А поводов для обвинений в экспансии советская внешняя политика давала множество, как в Восточной Европе, так и в Юго-Восточной Азии; австралийской прессой это оценивалось как балансирование на грани войны: «Она преследует единственную цель – контроль над Европой и Средиземноморьем, акцентируя внимание на человеческой нищете, подстрекая к классовой борьбе и, если необходимо, направляя и финансируя коммунистические восстания»; установление коммунистических режимов в Европе расценивалось как создание «наиболее опасного кризиса со времени окончания войны»⁴⁹. Вызывало беспокойство присутствие советских войск на территориях со-предельных с СССР государств: в 1946 г. в Восточной Европе насчитывалось 60 дивизий (около 3 млн. чел.), что на 4 дивизии превышало численность американских сил в период открытия второго фронта. «Что здесь делают русские, никогда не объяснялось, но они не демонстрируют никакого желания уходить... они вызвали к себе ненависть даже со стороны братьев-славян за насилие и грабеж, организованное мародерство и восточные расправы». Возмущало и двуличие советских лидеров: «Буллетин» под заявлением Сталина о том, что русские не хотят «ни единой пяди чужой земли», разместил таблицу с размерами территорий и численностью населения, отошедшими в СССР с сентября 1939 г., и к ним добавлялись еще 12 государств Европы и Азии, попавших в орбиту советского влияния. Немудрено,

что все чаще со страниц прессы стала раздаваться критика в адрес Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля в период Ялты и Потсдама, где они фактически проводили политику второго Мюнхена – политику умиротворения очередного агрессора в послевоенные годы⁵⁰. Все эти сообщения поначалу с трудом увязывались со сложившимся в годы войны представлением об СССР как о союзнике, а впоследствии поставили австралийских политических деятелей перед вопросом: как быть дальше.

Упомянутые факторы, безусловно, сказалась на оценке военно-политического положения АС. Уже в начале 1946 г. австралийские военные эксперты анализировали ситуацию, исходя из весьма высокой вероятности войны с СССР. Так, существовали опасения, что «развал Объединенных Наций... будет результатом непримиримых различий между членами Большой Тройки и в случае такого исхода вытекающая из этого война может начаться немедленно». «Главная угроза интересам Империи в Европе, на Ближнем Востоке и Индии всегда будет присутствовать, и она распространится на южную часть Тихого океана, если Россия будет наращивать свою морскую мощь», – утверждали специалисты. Тревожили и перспективы размещения вблизи границ АС советских военно-воздушных баз с ядерным оружием, и контроль СССР над морскими коммуникациями АС в Тихом и Индийском океанах. Особое беспокойство вызывало усиление позиций СССР в Японии и Китае, что делало угрозу интересам Империи весьма серьезной. Отмечалось, что в случае усиления военной опасности главной опорой мира остается ООН, а в случае неэффективности этой организации вступит в действие план Имперской обороны в кооперации с США. В соответствии с этим видением мира и строились все военно-стратегические задачи АС⁵¹. Общее мнение верхушки австралийских политиков и государственных деятелей сводилось к тому, что «отношения с советским правительством представляют самую большую текущую проблему внешней политики». В этой связи изменилось полностью отношение к Японии; образ злейшего врага канул в прошлое: «Наша политика должна быть направлена на трансформацию Японии в полезного и надежного члена сообщества наций. Нам следует, особенно, избегать того типа обращения, который оставил Гер-

манию с жаждой мести и в состоянии приступить к будущей агрессии в течение двадцати лет после 1918 г.»⁵².

Может быть, именно в такой атмосфере растущей подозрительности, а в чем-то и прозрения австралийских политических кругов, стоит искать корни инцидента вокруг несостоявшейся поездки делегации советских женщин в Австралию летом 1946 г., гневное сообщение о которой было опубликовано в «Известиях». Несмотря на все попытки Дж. Страт организовать перелет делегации советского женского Антифашистского комитета из Лондона в Сидней, все 6 ее участниц вынуждены были вернуться в Москву⁵³. Но это была лишь первая снежинка приближавшейся дипломатической зимы. В дальнейшем руководители АС уже открыто заявляли, что «австралийское правительство не признает Общество австралио-советской дружбы достаточно авторитетной и влиятельной организацией и не желает иметь с ним дела», и не допускали такие организации в качестве посредников при приеме и обмене посетителями между Австралией и СССР⁵⁴. Основанием для упреков в адрес этих обществ и поводом для постепенного их свертывания послужили не только изменения в политической атмосфере послевоенных лет и раздражающая пропаганда насквозь вымышенных «достижений социализма», но и содержание ряда выступлений, а особенно призывов, звучавших во время мероприятий, проводившихся под их эгидой. Вряд ли могло вызвать симпатии государственных лидеров АС выступление, к примеру, известного профсоюзного деятеля Э. Торнтона в 1946 г. в Мельбурне на демонстрации в честь годовщины Октября: «Мы празднуем Русскую революцию, но через пару лет мы, возможно, будет отмечать день Австралийской революции». Учитывая реальный опыт послереволюционной истории России, такой призыв выглядел, по меньшей мере, провокационно. Более того, в своем обращении к правительству тот же Торнтон писал: «Мы, коммунисты этой страны, копим силы для совершения кровавой революции»⁵⁵. Реакция на столь откровенный экстремизм могла быть только одна. И, конечно же, все это усугублялось начавшимся во второй половине 1940-х гг. обострением международных отношений, которое впоследствии получило название «холодной войны».

В конце 1940-х гг. АС поддержал создание НАТО и поставил вопрос о нарушениях прав человека в странах Восточной Европы, попавших в сферу влияния СССР, что всегда рассматривалось нашим руководством как проявление самого грубого вмешательства во внутренние дела. Столь же неприемлемыми для Москвы были поддержка, оказываемая АС правительству Чан Кайши в Китае, и непризнание коммунистической КНР. В результате отношения наших стран оставались долгие годы на периферии дипломатических интересов друг друга, а ярлыки периода «холодной войны» еще долго бытовали в дипломатическом лексиконе и в СМИ. И расстановка сил в федеральном парламенте Австралийского Союза все больше стала напоминать знакомую картину начала 1940-х гг.

Несмотря на все обстоятельства, представители правящей АЛП не отвергали полностью идею сотрудничества с СССР. Напротив, доминантой их внешней политики оставался курс на мирное сотрудничество и решение споров за столом переговоров. Во многом это объяснялось как идеологическими и политическими соображениями, так и наличием в первые послевоенные годы отдельных общих точек соприкосновения интересов двух стран – например, по проблеме послевоенного урегулирования в Японии⁵⁶. Степень доверия и симпатий к СССР варьировалась от прямой апологии сталинского режима и его внутри- и внешнеполитического курса, например, в выступлении министра транспорта Э. Дж. Уорда⁵⁷ до умеренно-критического подхода центральной фигуры внешней политики Австралии тех лет Г.В. Эватта. Он, как и многие его сторонники, относился к той категории прогрессивно настроенной интеллигенции 1930–1940-х гг., для которых нелестные высказывания в адрес Советского Союза были равносильны нарушению правил хорошего тона. Будучи равнодушным к идеологической борьбе, он не разделял точки зрения своих оппонентов на диаметральную противоположность интересов СССР и стран Британского Содружества и делал упор на необходимость мирного сосуществования, невзирая на существовавшие различия⁵⁸.

Из уст австралийских политиков все чаще исходила критика курса союзников в 1943–1945 гг. Так, К.Э. Бизли указывал на грубое нарушение суверенных прав народов, когда главы

трех держав перекраивали карту мира, не считаясь ни с мнением людей, ни с точкой зрения своих парламентов, и уступали Москве страны, соглашаясь на необоснованно большие суммы reparаций. Поэтому главный упрек в том, что СССР стал основной угрозой миру, Бизли адресовал непосредственно правительствам союзников⁵⁹. При этом, впрочем, никто не вспомнил о позиции Дж. Кертина, который, как уже говорилось, готов был «расплатиться» со Сталиным аналогичным образом. В этом смысле отношения с СССР были очень похожи на доведенную политику «умиротворения агрессора». Аморализм такого подхода состоял в том, что расплата чужими территориями в далекой Европе рассматривалась как необходимость в минуты смертельной опасности. Но когда угроза миновала и подобная практика затронула ближайших соседей в ЮВА, все стали возмущаться аппетитами Сталина.

Со стороны либерально-аграрной оппозиции оценки внешнеполитического курса СССР звучали гораздо резче, варьируясь от умеренного антикоммунизма Р. Мензиса до полного отрицания возможности плодотворного сотрудничества со сталинской Россией у П. Спендера. Правых политиков пугало территориальное расширение СССР как в Европе, так и на Дальнем Востоке, где в его владение перешли Курилы и южная часть Сахалина, не говоря уже об обширных сферах влияния. АЛП доставалось от оппозиции за ее некритическое отношение к СССР и попытки оправдать его внешнеполитические акции. Б. Косер из Квинсленда напоминал о двойной игре Сталина в 1938–1940 гг.: «Конечно, мы приветствовали вступление России в войну против Германии, но ныне мы платим слишком большую цену за это преимущество, особенно если вспомнить, что Россия ввязалась в войну только потому, что была атакована Германией». Все вину за это он также возлагал на политику уступок СССР в 1943–45 гг., в результате которой «Россия получила гораздо большие выгоды, чем те, на которые могла рассчитывать»⁶⁰.

Главной препоной к сотрудничеству для оппозиции были философские и идеологические установки, которыми руководствовались вожди ВКП(б). Лидер аграриев сэр Эрл Пейдж подчеркивал в своей речи в палате представителей 25 сентября

1947 г.: «Я возвышаю свой голос не против России, но против всей идеологии и практики коммунизма... Мое отношение к коммунизму заключается в том, что я категорически против идеи создания рабского государства, в котором каждый его член является только членом вместо того, чтобы быть свободным мужчиной или женщиной»⁶¹. Лидера Либеральной партии Мензиса раздражало и беспокоило безосновательное нарушение Сталиным не только этих принципов международного права, но и несоблюдение подписанных им самим же документов, в которых оговаривались условия послевоенного устройства. Он опасался, что СССР в результате бесконечных уступок «окажется в состоянии диктовать условия всему миру»⁶². Однако наибольшей резкостью оценок отличались выступления в парламенте П.К. Спендера. По его словам, «вторая эра умиротворения» агрессора – теперь уже СССР – грозила обернуться еще большими бедами для человечества: в странах советского влияния будут созданы те же концлагеря и развернется оголтелая пропаганда социальной и политической нетерпимости, ибо советские лидеры «следуют курсом, почти точно воспроизведящим тот, что был избран Гитлером в 1932–39 гг.». Единственным приемлемым для него курсом стала борьба против коммунистического доминирования в мире; главный способ достижения цели – «мир с позиции силы». Он столь непримиримо отстаивал свою точку зрения, что 24 сентября 1947 г. решением большинства депутатов палаты представителей был «временно отстранен от работы в палате» и вынужден был покинуть заседание⁶³.

В итоге вновь, как и в начале 1940-х гг., под огонь критики попала КПА. Главным обвинителем выступала оппозиция, припомнившая коммунистам пропагандистские акции, связь с Москвой, их позицию в начале Второй мировой войны. «С тех пор они пытались завоевать расположение общества за спинами советских солдат», – утверждал Р. Мензис. Деятельность компартии расценивалась, как выполнение инструкций Кремля, и в ней виделось отражение вмешательства СССР во внутренние дела АС⁶⁴. Эти настроения были подхвачены прессой: подрывная деятельность австралийских коммунистов усматривалась в проведении забастовок, направленных на расшатывание

устоев государственного строя Австралийского Союза. На основании этого вся работа КПА объявлялась противоречащей 14 и 19 статьям Конституции АС⁶⁵. Журналисты и парламентарии подчеркивали существовавшую связь между КПА и АЛП, вплоть до цитирования выступлений ряда лейбористов, призывавших в предвыборной кампании отдать вторые преференции коммунистам⁶⁶. Нельзя не признать, что в определенной мере нападки на КПА и обвинения АЛП в пособничестве коммунистам играли роль одного из козырей в борьбе оппозиции за голоса избирателей на выборах 1946 и 1949 гг.

В свете всего вышесказанного вполне обоснованным кажется поворот во внешнеполитическом курсе АС в сторону США. В период II мировой войны, как известно, именно они сыграли решающую роль в отражении назревавшего японского вторжения в Австралию. В те годы была заложена база для будущего военно-политического сотрудничества, и американским морякам во время визита кораблей ВМС США в Австралию весной 1947 г. был оказан самый теплый прием⁶⁷. С 1946 г., по мнению специалистов, можно говорить о начале реального многостороннего экономического сотрудничества между этими странами. Во второй половине 1940-х гг. около 20 американских промышленных компаний открыли свои филиалы на территории Южного континента, и общий объем их капиталовложений составил порядка 8 млн. долл.⁶⁸. Все чаще из уст австралийских государственных деятелей раздавались призывы продолжать тесное сотрудничество с США и после войны. Так, сам Эварт склонялся к союзу с США больше, чем к сохранению тесного альянса с бывшей метрополией⁶⁹. Но и здесь далеко не все складывалось безоблачно: в Вашингтоне отнюдь не всегда считались с мнением АС, что приводило к серьезным спорам и недовольству австралийских парламентариев их заокеанскими коллегами: критике подвергался план Marshalла, настороженно воспринималось и усиление позиции США в системе мировых рынков⁷⁰. Тем не менее, выбор остался за Соединенными Штатами, которые в конце 1940-х гг. стали в глазах австралийцев единственно надежным гарантом безопасности в АТР.

Советское руководство не сумело увидеть возможного и реального союзника в австралийских лейбористах и ничего не

сделало, чтобы привлечь их на свою сторону и укрепить намечавшиеся симпатии. Новый всплеск антисоветских настроений в АС в конце 1940-х гг. во многом был замешан на страхе рядовых граждан перед угрозой новой военной конфронтации. По результатам опросов общественного мнения, в 1946–1948 гг. до 60% респондентов были уверены в неотвратимости очередной мировой войны, и от 48 до 75% считали, что именно СССР стремится к мировому господству⁷¹. Эти настроения искусно подогревались прессой и представителями оппозиции: осенью 1949 г. в стенах федерального парламента неоднократно, со ссылкой на интервью австралийских военных прессе, задавались вопросы о готовности Австралии к войне с Россией. И хотя правительство отвергло все слухи о секретных встречах в верхах по поводу возможных военных действий⁷², внешнеполитический курс СССР вольно или невольно дал мощный козырь в руки либерально-аграрной коалиции, которым та не преминула воспользоваться для прихода к власти. В ходе предвыборной кампании 1949 г., приписывая АЛП преувеличенные симпатии к СССР и коммунизму, партии оппозиции пытались убедить избирателей в опасности курса лейбористов. Показательно, что пост министра иностранных дел в новом правительстве либералов Мензиса был отдан ярому противнику СССР П. Спендеру. В последующие годы советско-австралийские отношения резко ухудшились: с 1950 г. австралийский посол А.С. Уотт уехал на родину в служебную командировку и больше не возвращался в Москву, оставив ведение дел временному поверенному. Логическим завершением стали события 1954 г. и приостановка дипломатических отношений между двумя странами.

Очевидно то, что узоклассовый подход и идеологическая зашоренность в подходах к внешнеполитическим вопросам в СССР ставили под удар их единомышленников в лице КПА и не позволяли в полной мере оценить и использовать реальных или потенциальных союзников в лице АЛП. Эти же критерии способствовали и свертыванию деятельности австралийско-советских обществ дружбы, которые к середине 1970-х гг. превратились, по сути своей, в замкнутые кружки потомков выходцев из России, для которых были дороги любые связи с

бывшей родиной⁷³. В АС начал вновь создаваться образ СССР как агрессора-монстра, грозящего всему миру и любому государству, как бы далеко оно от него ни находилась. Фактически были тем самым уничтожены все моральные преимущества и симпатии к нашей стране, завоеванные в прямом смысле кровью советских солдат в годы борьбы против фашизма. В итоге 1940-е гг. оставили по себе в памяти австралийцев не только преклонение перед мужеством и героизмом советских людей, но и глубокое недоверие к правящим кругам СССР, которое оказывается доныне. Шанс, отпущеный историей на улучшение отношений между СССР и АС, использовать не удалось.

¹ Eggleston to Department of External Affairs. Cablegram 1154 WASHINGTON, 15 December 1945, 3.03 p.m. IMMEDIATE SECRET // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Historical Publications. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au). Далее при цитировании данной публикации архивных документов будет указываться только номер тома и интернет-адрес.

² Commonwealth Government to Addison. Cablegram 465 CANBERRA, 19 December 1945. MOST IMMEDIATE SECRET. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au).

³ Evatt to Makin. Cablegram E64 WASHINGTON, 7 December 1945, 12.48 a.m. IMMEDIATE SECRET. Vol. 8 (www.info.dfat.gov.au).

⁴ Hasluck to Evatt. Cablegram 56 LONDON, 26 October 1945, 11.24 a.m. SECRET PERSONAL. Vol. 8 (www.info.dfat.gov.au).

⁵ См.: Commonwealth Government to Cranborne. Cablegram 22 CANBERRA, 27 January 1945. TOP SECRET. Vol. 8 (www.info.dfat.gov.au).

⁶ Evatt to McIntosh. Cablegram 9 CANBERRA, 6 January 1945. MOST IMMEDIATE. Vol. 8 (www.info.dfat.gov.au).

⁷ См.: Лебедев И.А. Внешняя политика Австралии, 1939–1975. М., 1975, с.74.

⁸ Australia. Parliamentary Debates (далее: PD). Canberra, 1940 –, vol.205, p.955.

⁹ См. подробнее: Hasluck P. Diplomatic Witness. Melbourne, 1980, p.196–197.

¹⁰ См.: PD, vol.189, p.92, 104, 158–162, 178; Hudson W.J. Australia and the Colonial Question at the UN, Honolulu, 1970, p.5, 25.

¹¹ См.: Лебедев И.А. Указ. соч., с.75–76; Мартынов А.И., Русакова О.К. Австралия в международных отношениях XX в. М., 1978, с.80–81, 91–103, 131–134.

¹² ООН. 4 Комитет. Опека. Краткие отчеты заседаний 16 сентября – 6 ноября 1947 г. Нью-Йорк, 1947, с. 56–58.

¹³ Australian Delegation, U.N. Preparatory Commission [1], to Dunk. Memorandum UNO/Rep 7 LONDON, 4 December 1945. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au).

¹⁴ Egglesstone F.W. Reflections on Australian Foreign Policy. Melbourne, 1957, p.10.

¹⁵ ООН. Официальные отчеты 2 части 1 сессии ГА. 1 Комитет. Краткие отчеты заседаний 2 ноября – 13 декабря 1946. Нью-Йорк, 1946, с. 25, 26, 31–33.

¹⁶ Там же, с. 76–77, 82–83, 156–157.

¹⁷ Цит. по: Правда, 1949, 14 октября, с. 3.

¹⁸ PD, vol.205, p.1396.

¹⁹ PD, vol.193, p.165.

²⁰ Подсчитано по: PD, vol.193, p.170–172.

²¹ См.: The Bulletin, December 11, 1946, p.12.

²² Цит. по: PD, vol.186, p.3648–3649.

²³ См.: ООН. 3 Комитет. Краткие отчеты заседаний 16 сентября – 11 ноября 1947. Нью-Йорк, 1947, с.74.

²⁴ ООН. 1 Комитет. Краткие отчеты заседаний 16 сентября – 19 ноября 1947. Нью-Йорк, 1947, с.121.

²⁵ Hasluck to Evatt. Cablegram 50 LONDON, 22 October 1945, 11.05 p.m. TOP SECRET. Vol. 8 (www.info.dfat.gov.au).

²⁶ PD, vol.193, p. 244.

²⁷ PD, vol. 205, p. 962–963, 970–971.

²⁸ PD, vol.204, p.902–903; vol.205, p.1356.

²⁹ См.: Архив внешней политики СССР (далее: АВП СССР), ф.65, оп.10, д.1, п.1а, л.16–20.

³⁰ См.: PD, vol. 183, p.4045; vol. 186, p. 285.

³¹ Стрит Дж. В поисках правды. М., 1967, с.216–217.

³² См.: PD, vol.193, p.351, 352, 421.

³³ Commonwealth Government to Cranborne. Cablegram 29 CANBERRA, 5 February 1945. TOP SECRET MOST IMMEDIATE. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au).

³⁴ Maloney to Department of External Affairs. Cablegram 29 Moscow, 12 February 1945, 7.15 p.m. IMMEDIATE SECRET. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au).

³⁵ Maloney to Department of External Affairs. Cablegram 77 MOSCOW, 5 March 1945, 4.47 p.m. MOST IMMEDIATE SECRET. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au).

³⁶ См.: АВП СССР, ф.65, оп.13, д.2, п.4, л.43–44.

³⁷ PD, vol.193, p.328.

³⁸ АВП СССР, ф.155, оп.5, д.6, п.19, л.5, 6; д.12, п.20, л.49–53.

³⁹ АВП СССР, ф.155, оп.2, д.7, п.5, л.73–74; ф.65, оп.13, д.10, п.4, л. 53–54

⁴⁰ The Argus, November 11, 1946.

⁴¹ См.: АВП СССР, ф.65, оп.13, д.10, п.4, л.5–10.

⁴² АВП СССР, ф.65, оп.13, д.12, п.4, л.3–4.

⁴³ PD, vol. 204, p.105; vol. 205, p.1704–1705.

⁴⁴ См.: The Bulletin, August 14, 1946, p.12; January 1, 1946, p.18; July 13, 1946, p.8.

⁴⁵ The Argus, May 26, 1947, p.2.

⁴⁶ См.: The Bulletin, January 16, 1946, p.15–16; March 20, 1946, p.17.

⁴⁷ PD, vol.186, p.460, 553.

⁴⁸ The Argus, May 26, 1947, p.2.

⁴⁹ The Argus, June 26, 1947, p.2.

⁵⁰ См.: The Bulletin, April 17, 1946, p.9; June 12, 1946, p.6; October 2, 1946, p.19; January 30, p.6.

⁵¹ Chiefs of Staff Committee Minute 11/1946. Extracts [MELBOURNE], 20 March 1946. TOP SECRET. APPRECIATION OF THE STRATEGICAL POSITION OF AUSTRALIA, FEBRUARY 1946. Vol. 9 (www.info.dfat.gov.au).

⁵² Minutes of Meeting of Prime Ministers. PMM(46) 1st Meeting LONDON, 23 April 1946, 11 a.m. TOP SECRET. Vol. 9 (www.info.dfat.gov.au).

⁵³ См.: АВП СССР, ф.155, оп.4, д.11, п.14, л.4, 63, 118; Известия, 5.09.1946.

⁵⁴ АВП СССР, ф.65, оп.24, д.38, п.11, л.23; оп.32, д.18, п.29, л.114.

⁵⁵ Цит. по: PD, vol.193, p. 584–585.

⁵⁶ См. подробнее: Лебедев И.А. Указ. соч., с.59–60.

⁵⁷ См.: PD, vol.186, p.509–511.

⁵⁸ Hasluck P. Op. cit., p.42.

⁵⁹ PD, vol.193, p.147.

⁶⁰ PD, vol.193, p.203–204.

⁶¹ PD, vol.193, p.222.

⁶² PD, vol.186, p.443.

⁶³ PD, vol.193, п.123, 124, 126–129, 184.

⁶⁴ PD, vol.182, p.2318; vol.193, p.603; vol.186, p.461.

⁶⁵ См.: The Bulletin, February 13, 1946, p.7; February 20, 1946, p.6; October 23, 1946, p.19.

⁶⁶ PD, vol.193, p.625.

⁶⁷ См.: The Argus, May 20, 1947.

⁶⁸ См.: Cuddy D.L. Contemporary Australian – American Relations. Saratoga, 1981, p.1.

⁶⁹ Hasluck P. Op. cit., p.42–43.

⁷⁰ Лебедев И.А. Ук. соч., с.86; PD, vol.205, p.1355, 1356.

⁷¹ Campbell D. Australian Public Opinion on National Security Issues. Canberra, 1986, p.26.

⁷² См.: PD, vol.205, p.1463, 1893.

⁷³ См.: АВП СССР, ф.65, оп.35, д.12, п.33, л.45-49.

©

Минина Ю.Д.
ИВ РАН, соискатель

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ о ТРАДИЦИОННОМ и ЕВРОПЕЙСКОМ КОСТЮМЕ во ВЬЕТНАМЕ в XVIII – начале XX вв.

В традиционных обществах стран культурного ареала Дальнего Востока не было костюма, который являлся бы общим для всего региона или даже объединял бы некий ряд самостоятельных этносов. Традиционный костюм существовал в различных национальных и локальных вариациях и формах, что являлось следствием довольно слабых связей между отдаленным странами, входящими в рассматриваемый регион¹. Это не означает, что национальные костюмы стран Юго-Восточной Азии не связаны генетически, совсем напротив – японские *кимоно* (*вафуку*)², вьетнамские костюмы *ao ты тхан* (*áo tú thắn*) и более поздний – *ao зай* (*áo dài*) равно обязаны своему происхождению китайской распашной туникообразной одежде с воротником-стойкой.

Однако развитие заимствованных моделей в различных странах региона происходило по своему собственному пути. Процесс адаптации воспринятых извне элементов материальной культуры, в том числе и одежды, шел параллельно с эволюцией внутренней, национальной традиции. Говоря о материальной культуре Вьетнама, сформировавшейся под широко масштабным влиянием Китая, следует поставить вопрос о некотором «культурном фильтре», который позволял вьетнамцам воспринимать заимствования в самых различных сферах, не разрушая ядро собственной культуры. Заимствованные же традиции развивались сообразно внутрикультурным тенденциям и нуждам. Ярким примером может послужить вьетнамский костюм *ao зай*, конструкция и отдельные элементы которого идентичны китайской плечевой одежде (т.е. халатам, платьям, курткам), в то время как особенности кроя являются результатом авторского творчества французских модельеров, а декор и цветовые решения, по-видимому, отражают синкретическую

символическую модель самих *киней* (*kinh*, т.е. собственно вьетнамцев)³.

В то время как процессы эволюции традиционных костюмов в странах дальневосточного ареала протекали сравнительно изолировано, на Западе, вследствие особенностей культурно-исторического развития и благодаря более тесным контактам, сформировались единые принципы и представления о костюме, характерном для региона в целом.

Мода стала двигателем эволюции и распространения определенных форм, деталей костюма в тот или иной период времени (зачастую очень короткий). Синтезировались все новые элементы костюма, практическая функция которых едва ли не полностью вытеснялась эстетической. Подобная ситуация не могла возникнуть во Вьетнаме, равно как и в других странах ареала, в силу того, что одежда хотя и выполняла множество различных функций помимо утилитарной, эволюционировала гораздо медленнее, а причины и пути этой эволюции были другими.

Понятия моды в европейском понимании и в таких масштабах, в каких это явление наблюдалось на Западе, во Вьетнаме не существовало. Одежда простого народа была крайне консервативна и наименее подвержена изменениям в силу того, что утилитарная функция, особенно в деревне, была доминирующей. Одежда императора и чиновников была регламентирована в соответствии с конфуцианским каноном и религиозной символикой⁴. Прослойка богатых горожан, которые не носили чиновничьего костюма, но могли себе позволить богатую одежду, была той социальной средой, в которой могло зародиться понятие моды, близкое к западному, однако и здесь социально-культурные процессы очень сильно отличались от тех, что происходили в Европе.

Прежде всего, следует отметить консервативность, присущую вьетнамскому средневековому обществу. Желание выделиться в своем кругу посредством одежды не порождало новые конструктивные формы и кардинально не изменяло старые. Использование для пошива костюма более дорогих и редких тканей и материалов, например, искусно обработанного шелка, золотых и серебряных нитей – вот те способы, с помощью ко-

торых достигалось желаемое превосходство. Такой способ выделяться был продиктован желанием показать свой материальный достаток, а не знание тонкостей последних модных течений и умение сделать из этого знания соответствующие выводы (найти портного, пользующегося популярностью, первым надеть костюм модного фасона и т.п.), как это было в Европе. К тому же, он не порождал модной «эпидемии» и крупномасштабной соревновательности, что объясняется в том числе и тем, что зажиточные горожане точно так же обязаны были подчиняться регламенту касательно костюма, как и чиновники, и несоблюдение этого регламента каралось самим императором⁵.

Однако в XX в. европейский костюм получил повсеместное распространение, вытесняя национальную одежду многих народов, в том числе и народов Юго-Восточной Азии. Тем не менее, следует отметить, что традиционный костюм (в первую очередь женский) все еще занимает прочные позиции в определенных сферах жизни стран дальневосточного региона. Во Вьетнаме это утверждение справедливо для костюма *ao zai*, традиционных головных уборов – тюрбанов и, в гораздо меньшей степени, для женской плечевой одежды *ao yem*⁶.

Масштабную экспансию европейской одежды во Вьетнаме конца XIX – начала XX вв., которая коснулась не только города, но и деревни, едва ли возможно объяснить утилитарными соображениями. Учитывая особенности вьетнамского климата (тропический зной, повышенная влажность), европейский костюм по своим функциональным качествам явно уступает национальной одежде, естественным образом сформировавшейся сообразно нуждам вьетнамского народа – как в сфере традиционных занятий, так и в плане климатогеографических условий. Заимствование конструкции китайской распашной одежды, а во времена «северной зависимости» (I–IX вв.) и насильственное насаждение ханьского костюма в качестве неотъемлемого элемента конфуцианского канона, оказались для вьетнамцев не просто приемлемым, но и удобными, чего нельзя сказать о костюме западного образца.

Европейский костюм сыграл в истории и культуре вьетнамского общества особую роль. На первом месте оказалась его знаково-символическая функция. Вопрос костюма перестал

быть вопросом удобства и целесообразности использования, и даже этнополитическое, социальное, эстетическое значение его изменилось, так как восприятие европейской одежды, являющейся элементом чужеродной культуры, попав во вьетнамскую культурную среду, развивалось по особому пути, который до сих пор крайне мало изучен.

Вопрос костюма во вьетнамском средневековом обществе, воспринявшем от Китая конфуцианскую приверженность к строгому соблюдению иерархии и регламента, образованные люди и власти предержащие почитали как один из важнейших⁷; простой народ в этой сфере социально-культурной жизни также был консервативен и заметные изменения воспринимал тяжело, если не враждебно⁸. Логичным и объяснимым представляется тот факт, что прецеденты, известные истории, которые были связаны с отступлением от традиций в сфере национальной одежды до широкомасштабной экспансии европейского костюма периода французской колонизации, были напрямую связаны с религиозным учением, принесенным во Вьетнам с Запада, то есть с католичеством.

Примечательным и, без сомнения, требующим внимания моментом в контексте истории вьетнамской традиционной одежды и эволюции представлений о европейском костюме во Вьетнаме является путешествие вьетнамского католического священника Фелиппе Биня (1759-1832) и его спутников в Португалию в 1796 г.⁹. Это путешествие описано Бинем в «Книге записей разных дел» (1759-1832?), законченной в 1822 г.¹⁰.

Целью путешествия Фелиппе Биня было урегулирование вопроса о назначении во Вьетнам легитимного епископа, а также попытка восстановить Орден иезуитов, запрещенный папской буллой 1773 г. Фелиппе Бинь решил искать помощи у Жуана VI, правившего в Португалии в 1790-х гг., поскольку верил в идею покровительства португальского монарха над вьетнамскими католиками¹¹.

Фелиппе Биню и его спутникам нужно было придумать подходящий способ, при помощи которого они не только смогли бы попасть к португальскому королевскому двору, произвести определенное впечатление на иностранцев и возбудить их

интерес к «заморским диковинкам», но в то же время добиться внимания и уважения монарха к своей миссии.

Фелиппе и его спутники прибегли к тактике, обнаружившей не только недюжинную смекалку пилигримов, но и понимание менталитета, иерархии, социальной специфики португальского общества того времени. Пилигримы решили сшить для себя одежду, которая привлекла бы к себе внимание и поразила бы португальский двор своей необычностью.

«Ныне описывая наше путешествие, следует сказать насчет аннамской одежды. Мы сшили наши костюмы во время плавания, к тому же нарочно сделали ее такой, чтобы она казалась еще более необычной и непохожей на западную. В таком наряде легче предстать перед Государем, ибо люди склонны любить все необычное. Если бы мы решили одеться по-западному, то у нас не хватило бы на это средств, ведь нужно одеть четырех человек. К тому же, одеться нужно подобающим образом, а если бы мы нарядились как простой люд, то нами бы пренебрегли, ибо известно, что с простыми людьми не станут говорить о важных делах»¹².

Не только сам поступок, но и его объяснения, приведенные Фелиппе Бинем, а также некоторая ирония, с которой автор рассказывает обо всем этом предприятии, свидетельствуют о нетрадиционном, нехарактерном для средневекового Вьетнама отношении к костюму. Это взгляд человека, вышедшего за рамки строгих конфуцианских догм, относящегося к одному из неотъемлемых элементов ритуала с бросающейся в глаза легкостью и готовностью как можно более эффективно использовать одежду как способ достижения собственных целей за границей. Видна мысль человека, обладающего иным менталитетом, который сформировался благодаря его принадлежности к Католической церкви. В XVIII в. эта конфессия открывала много возможностей для получения образования и расширения кругозора, приобщая к европейской культуре.

Отметим, что Фелиппе Бинь лестно отзыается о европейском быте в целом, устройство которого, очевидно, его очень впечатлило. Священник хвалит обильные трапезы португальцев, обычай спать на разных кроватях, а также отмечает, что на его родине у простого народа зачастую нет возможности ку-

пить всего один комплект одежды, в то время как на Западе даже простые люди постоянно меняют костюмы сообразно случаю и времени года¹³.

Филиппе Бинь не стал вдаваться в детальные описания костюмов, сшитых для общения с высокопоставленными португальскими особами. Известно только, что в костюмы пилигримов входили штаны, короткая рубаха в качестве повседневной одежды и длинный халат с воротником-стойкой для торжественных случаев, имеющий широкое распространение в средневековом Вьетнаме, т.е. ничего из ряда вон выходящего для вьетнамцев в этой одежде не наблюдалось, и остается только предполагать, каким образом священник и его соратники пытались сделать свои наряды еще более экзотичными. Еще одну деталь Фелиппе Бинь описывает с явной иронией¹⁴: он и его спутники забыли сшить себе шапки, и решили выйти из этой ситуации со смекалкой – обмотали головы платками, как это было принято в Данччаунге¹⁵.

Тон всех этих описаний может навести на мысль о том, что Фелиппе Бинь и остальные пилигримы относились к своему национальному костюму без должного уважения, однако это утверждение было бы ошибочным. Посланники христиан Вьетнама дорожили своей национальной одеждой и отнюдь не спешили от нее отказываться, что, согласно традиционным вьетнамским воззрениям, могло символизировать отречение от вьетнамского подданства. Португальский государь жаловал пилигримам только нижнее белье и обувь, которые Фелиппе Бинь и его спутники принимали с благодарностью и удивлением. У себя на родине они не могли и помыслить о том, чтобы иметь столько разнообразных и дорогих деталей туалета. Когда наступили зимние холода, Фелиппе Биню и его соратникам понадобилось новое платье, поскольку их национальные костюмы не могли спасти от непривычно низких температур. Но и тогда костюмы были сшиты по вьетнамскому образцу¹⁶.

Лишь по прошествии нескольких лет, когда стало ясно, что путешествие Фелиппе Биня затянется на гораздо более долгий срок, чем предполагалось, вслед за смертью одного из его соратников посланники христиан Вьетнама приняли это важное и символичное решение – сменить свои костюмы на западные,

испросив разрешения Его Величества. Жуан VI торжественно пожаловал трем пилигримам костюмы секулярных пресвитеров (вторая степень священства в христианстве)¹⁷. Серьезность решения, принятого Бинем, трудно переоценить, ведь его поступок фактически нарушал регламентацию костюма, принятую на его родине, и имел важное политическое значение. Согласно представлениям своих соотечественников, Бинь, полностью сменив костюм на иноземный, тем самым стал идентифицировать себя с Западом и чужеродной вьетнамцам религией на еще одном важном уровне – на уровне материальной культуры.

Совершенно в ином тоне отзываются о европейском костюме создатели *Тэй Зыонг За То би лук* («Книги потаенного о западноокеанской вере во Иисуса») – четыре вьетнамских автора, двое из которых побывали в Италии и удостоились аудиенции у его святейшества Папы римского в 1793 г.

«Книга потаенного...» была написана в конце XVIII – начале XIX вв. и близка по времени Биню и его мемуарному произведению. Однако в отличие от Филиппе Биня и его соратников, ее авторы были явными сторонниками конфуцианских догм. Именно с позиции последовательного вьетнамского конфуцианца, у которого вызывает чувство неприятия все, что выходит за рамки ритуала, описана Италия и одежда ее жителей. Не только западный костюм описывается вьетнамскими конфуцианцами с некоторым пренебрежением (в частности, мужская одежда сравнивается с вьетнамской женской), но и о самой внешности итальянцев, разительно отличающейся от вьетнамской, рассказывается в не самых лестных выражениях¹⁸.

Одежда духовных лиц авторами «Книги потаенного...» откровенно высмеивается в попытке уязвить христианство, при этом обнаруживая незнание и непонимание многих аспектов европейской культуры. По словам авторов, сутану придумал сам Жезу (т.е. Иисус), а священник в епитрахили сравнивается ими с неповоротливой и неказистой черепахой¹⁹. Бросающимся в глаза отличиям во внешности и одежде, диковинкам, отсутствию тех или иных элементов материальной культуры, путешественники пытались найти объяснение с позиции конфуцианства и собственного культурного опыта, даже не пытаясь принять мысль о том, что западная культура не так примитивна

и враждебна, как кажется. Что касается тех вьетнамцев, которые носят платья чужестранцев, то они подверглись авторами «Книги потаенного...» жесточайшей критике и осуждению.

Отсутствие попытки вдумчивого анализа, оценка европейской одежды по формуле «если это не похоже на то, к чему мы привыкли и чего требуют конфуцианские нормы, то это плохо», а также откровенные выдумки с целью высмеять западные обычаи как нельзя лучше характеризуют духовно-ценностные основы традиционного общества средневекового Вьетнама. Тем более примечательна точка зрения Филиппе Биня, свидетельствующая о том, что в его сознании произошел кризис определенных установок и догм средневекового Вьетнама. У Биня сформировалось принципиально новое отношение к материальной культуре своей страны и в частности к одежде, pragmaticное, гибкое и подразумевающее относительную раскрепощенность сознания по сравнению с его современниками. Очевидно, что именно принадлежность Биня к Католической церкви и как следствие переоценка многих средневековых вьетнамских установок в сфере общества и культуры позволили ему не только взглянуть на национальный костюм как на средство достижения собственных целей, но и принять важное решение в пользу отказа от традиционной вьетнамской одежды, когда этого потребовали обстоятельства.

Переломным этапом в плане изменений представлений о национальном и европейском костюме стала первая половина периода французской колониальной зависимости, в которую Вьетнам попал, считая с 1858 г., более чем на 80 лет. Как никогда ясен стал тот факт, что вопрос костюма – это вопрос приверженности политическим взглядам и идеологии.

Традиционно считается, что в начале XX в. журналист, писатель переводчик и политический деятель Нгуен Van Vinh (1882-1936) первым во Вьетнаме надел костюм европейского образца. Van Vinh являл собой образ нового вьетнамского человека. В то время, как коллеги и современники Van Vinh, подобно ему занимавшиеся развитием латинизированной письменности *куокнгы*²⁰, переводами классической литературы с европейских языков и в целом популяризацией западной культуры (например, Фам Куинь²¹), продолжали носить *ao zai*,

тюрбан и длинные ногти²², молодой журналист и политик появлялся на публике в европейском костюме, кепке и кожаных ботинках. Волосы и ногти Ван Винь предпочитал стричь коротко, имел манеру громко разговаривать, а также много и с аппетитом есть²³.

Для Ван Виня, как человека образованного и обладавшего недюжинной смелостью, создание и поддержание этого образа «просвещенного вьетнамца» со всеми его атрибутами в виде европейской одежды, головного убора и прически имело символическое значение. В сфере материальной культуры страны, где конфуцианство играло первостепенную роль, появился качественно новый показатель статуса в обществе и способ выражения политических и религиозных взглядов – иностранный костюм. Европейская одежда вошла в систему регламентации одежды, имевшую многовековую историю, через несколько десятков лет заняла в ней главенствующую позицию, а к концу XX в. фактически эту систему уничтожила.

Отметим, что ранее знаменитый ученый, полиглот и член европейских научных обществ Чыонг Винь Ки (1837-1898), хорошо знакомый с западной культурой и смотревший на ее аспекты гораздо шире, чем авторы «Книги потаенного...», прикреплял свой французский орден Почетного легиона к длиннополому костюму ученого-конфуцианца²⁴, который можно рассматривать как прототип современного мужского *ao зая*. Очевидно, что для консервативного вьетнамского общества требовалось не только приятие европейской традиции на определенном уровне, но и немало времени для того, чтобы отказаться от такого репрезентативного элемента материальной культуры, как национальный костюм.

Что касается Европы, то широкое распространение западного костюма стало пусть и внешним, но весьма значимым показателем экспансии «цивилизованной» культуры. Идеология этой экспансии фактически оправдывала завоевание народов под предлогом приобщения к высокой культуре и знаниям Запада.

Важный момент заключается в том, что европейский костюм в известной мере «безличен», в том смысле, что вьетнамцы, как и другие жители стран Востока, где западная одежда

постепенно одерживала победу над национальной, не выделяли в ней черт, которые могли бы идентифицировать с определенным народом, как это было, например, с китайским, японским или корейским костюмами. Европейский костюм был неким обобщающим символом западной материальной культуры, который оказался противопоставлен национальному костюму и, в конечном счете, одержал победу.

Истоки и самые первые предпосылки к изменению представлений о европейском костюме и его добровольному принятию следует искать в среде вьетнамских христиан, а в последующие периоды – в среде образованных людей, не только обладающих знаниями о европейской культуре, но и определенными жизненными установками, прагматичным взглядом на вещи. Социально-культурные процессы, происходившие во Вьетнаме в XX в., позволяют утверждать, что постепенное принятие европейского костюма вьетнамцами, несмотря на его неприспособленность к климату страны, в конечном итоге оказалось не поражением, а способом адаптации, еще одним путем Вьетнама интеграции в мировое сообщество, жизненно необходимым для его народа.

Несмотря на то, что национальный вьетнамский костюм к концу XX в. оказался практически полностью вытеснен из повседневной жизни вьетнамцев, он не исчез и не был забыт. Более того, под влиянием французской моды появился новый костюм, соединивший в себе исконно китайские, традиционные вьетнамские и европейские черты – костюм *ao* *zai*. Кроме того, вьетнамский национальный костюм продолжает свое существование в других сферах жизни народа – прежде всего, духовной, религиозной, уступив европейской одежде сферу быта. Все это свидетельствует об удивительной гибкости вьетнамского менталитета, высокой способности к акцептации элементов иностранной культуры, если в этом есть необходимость, а также приспособления, переосмыслиения, ассимиляции этих элементов сообразно собственному мировоззрению и нуждам.

¹ См., напр.: Деопик Д.В. Вьетнам: История, традиции современность / Отв. ред. А.Л. Федорин. М.: Вост. лит., 2002. С. 450–451.

² Понятие *кимоно* (着物) - букв. «то, что носят» изначально использовалось в японском для обозначения любой одежды. В XIX в. с распространением западного костюма возникла необходимость разделения понятий «японская одежда» и «западный костюм». Так появился неологизм *вафуку* (和服) – для обозначения собственно японской одежды. Таким образом, в современном японском языке термин *кимоно* имеет два значения – одежда в широком смысле и разновидность *вафуку*, то есть традиционного костюма.

³ Проблема происхождения и формирования костюма *ao zai* разрабатывалась крайне мало как вьетнамскими, так и западными учеными. Высказанное суждение основывается на анализе конструкций китайской распашной одежды I–X вв. и более ранних традиционных вьетнамских костюмов *ao ba ba*, *ao ty tihan* и проч. Интересный взгляд на проблему и богатый материал для анализа предлагает вьетнамский исследователь Чан Куанг Дик: *Trần Quang Đức. Ngàn năm áo mĩ* (Тысячелетняя история одежды). Hà Nội.: *Thé giới; Công ty Văn hóa và Truyền thông Nhà Nam*, 2013. Tr. 258–265. *Описания костюмов, иллюстративный материал:* Huard P. A., Durand M. *Connaissance du Viêt-Nam* / Huard Pierre, Durand Maurice. Paris.: Imprimerie Nationale et Hanoi, École Française d' Extrême-Orient, 1954. 356 p.; Đoàn Thị Tình, Trang Phục Việt Nam (Dân tộc Việt). Vietnamese costumes through the ages (Вьетнамский костюм сквозь века) / Đoàn Thị Tình; xb lần t. 2 có bô sung. Hà Nội.: NXB Mỹ Thuật, 2006.

⁴ Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí (Описание установлений прежних династий, разделенное на главы). Hà Nội.: NXB Khoa học Xã hội, 1961. Т. 1. Tr. 103.

⁵ Ibid. Tr. 108.

⁶ *Ao yem* (áo yém) – женская плечевая одежда симметричного кроя, получила распространение среди вьетнамского населения всех сословий начиная с XII в. По своей конструкции *ao yem* представляет собой квадратный или прямоугольный кусок материи, в верхнем углу которого вырезана горловина и нашиты тесемки шириной примерно 0,5 см для закрепления на шее; для закрепления на пояснице на боковые углы нашиты две более широкие тесемки (от 1 см и более). *Ao yem* в городах был вытеснен современными функциональными аналогами (топами, нижним бельем и пр.) только к последней четверти XX в. В сельской местности *ao yem* возможно встретить и теперь. В целом, *ao yem* в наши дни – это один из популяризированных элементов традиционной вьетнамской одежды, который довольно активно эксплуатируется в сфере современной моды, туризма и масс-медиа.

⁷ Phan Huy Chú. Op. cit. Tr. 103.

⁸ В первой половине XIX в. император Минь Манг, по-видимому, преследуя цель нивелировать различия в одежде между севером и югом страны, ввел запрет на ношение женских юбок. Указ императора вызвал сильное недовольство в народе. Появилась даже шуточная песня, высмеивающая императора, и его запрет. См.: Lê Quý Đôn, Ván dài loại ngõ (Стела до облаков, разделенная на главы). Hà Nôi.: NXB Văn hóa, 1962. Tr. 90.

⁹ Binh Ph. Sách sô sang chép các việc (Книга записей разных дел). Đà-lạt.: XB Viện đại học Đà-lạt, 1968.

¹⁰ Binh Ph. Ibid. Tr.19.

¹¹ Никулин Н.И. К проблеме знаковости культур: вьетнамский и европейский костюмы в свете представлений XVIII – начала XIX в. // Слово и мудрость Востока: литература, фольклор, культура: к 60-летию акад. А. Б. Куделина / Отв. ред. Н. И. Никулин. М.: Наука, 2006. С. 389.

¹² Binh Ph. Op.cit. Tr. 158–159.

¹³ Ibid. Tr. 34.

¹⁴ Ibid. Tr. 159.

¹⁵ Дангчаунг – южновьетнамское княжество, существовавшее в период 1558–1777 гг. параллельно с северовьетнамским княжеством Даннгиоай.

¹⁶ Никулин Н.И. Указ. соч. С. 395.

¹⁷ Binh Ph. Op.cit. Tr.168-169.

¹⁸ Никулин Н.И. Указ. соч. С. 396.

¹⁹ Никулин Н.И. Указ. соч. С. 398.

²⁰ Куокнгы (*chữ quốc ngữ*) – букв. «письмо национального языка». Система письменности для записи слов вьетнамского языка, основанная на латинском алфавите. Португальские миссионеры, прибывшие во Вьетнам в первой трети XVI в. активно искали способы записи вьетнамского языка латиницей для нужд миссии. В 1651 г. французский миссионер Александр де Род, основываясь на трудах португальцев Гаспара д-Амарала и Даурте да Коста, выпустил в Риме «*Dictionarium Annamiticum Lusitanum et Latinum*», вьетнамско-португальско-латинский словарь, где использовалась существенно доработанная и усовершенствованная им транскрипция. До введения латиницы колониальным правительством Франции в начале XX в. использовался *тыы-ном* (字喃) – система письма на основе китайской иероглифики.

²¹ Фам Куинь (Phạm Quỳnh) (1892–1945) – вьетнамский деятель культуры, журналист, писатель, чиновник-мандарин династии Нгуен (1802–1945).

²² В средневековом Вьетнаме длинные ногти (на всех пальцах или же только на безымянных и мизинцах) считались признаком интелигенции, чиновников, представителей высших слоев общества, не занимаю-

щихся физическим трудом. Отголоски этой традиции существуют и в наши дни.

²³ Đỗ Lai Thúy. Nguyễn Văn Vinh, một người Nam mới đầu tiên (Нгуен Ван Винь, первый среди новых людей Вьетнама) // Đại Học Văn Hóa Hà Nội. [Hà Nội, 2013]. URL: <http://huc.edu.vn/chi-tiet/824/Nguyen-Van-Vinh-mot-nguoi-Nam-moi-dau-tien.html> (дата обращения: 11.08.2014).

²⁴ Никулин Н.И. Указ. соч. С. 389.

Бойцов В.В. *Хозяйственное развитие стран Юго-Восточной Азии и проблема их дифференциации*

С включением в состав АСЕАН во второй половине 1990-х гг. Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи сообщество завершило объединение всех стран региона ЮВА в единую интеграционную группировку. В связи с этим, естественно, возникает вопрос о результатах совместного развития стран-членов АСЕАН в новых условиях и, прежде всего, темпах их экономического роста, структуре производства, положении в мировом хозяйстве и т.п. Не менее важным представляется и вопрос о дифференциации стран-членов группировки и степени ее однородности и основных их тенденциях, обнаружившихся в эти годы.

Ключевые слова: *Юго-Восточная Азия, хозяйственное развитие, АСЕАН*

Николаев В.П. *Австралийский вариант: санкции против России*

Австралия не самостоятельна в установлении санкций против России, а следует в кильватере за США и теми странами Европейского Сообщества, которые готовы к усилению конфронтации с РФ; - у Австралии мало реальных рычагов для нанесения экономического ущерба России; - приоритетная сфера австралийских интересов в экономике, политике, оборонной политике находится в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а не вдали от ее берегов.

Ключевые слова: *Австралия, Россия, санкции*

Мосяков Д.В. *Перспективы российско-вьетнамского экономического сотрудничества*

Сегодня российско-вьетнамские отношения развиваются в сложной политической обстановке как для России, так и для азиатско-тихоокеанского региона. Однако, для Москвы, на фоне введенных Западом санкций, жизненно важной альтернативой становится восточное направление ее политики. Крайне существенной представляется задача — наполнить конкретным содержанием, объявленный еще несколько лет назад руководством страны курс «поворот на Восток». В рамках этой политики сегодня можно выделить несколько наиболее существенных направлений, среди которых одно из важнейших — вьетнамское.

Ключевые слова: *Россия, Вьетнам, экономическое сотрудничество*

Кобелев Е.В. СССР/Россия – Вьетнам: фрагменты истории

На протяжении 40 лет, начиная со дня признания Советским Союзом Демократической Республики Вьетнам (30 января 1950 г.), две страны были связаны настолько тесными узами сотрудничества, что в результате сформировалось «уникальное явление» международных отношений того времени – «братская советско-вьетнамская дружба». Именно этими словами характеризовалось сотрудничество двух стран в партийных и государственных документах обеих стран, в политических и научных статьях вьетнамских и советских авторов. Автор приводит малоизвестные данные о масштабах взаимного сотрудничества, в частности, в области поставок вооружения и военной техники.

Ключевые слова: Вьетнам, СССР, Россия, военно-техническое сотрудничество, стратегическое партнерство

Локшин Г.М. Политическое сотрудничество России и Вьетнама

В статье рассматриваются вопросы стратегического партнерства России и Вьетнама. Автор подчеркивает, что сегодня российско-вьетнамские отношения являются важным фактором обеспечения мира и безопасности, как в Юго-Восточной Азии, так и в целом в АТР. Их международная значимость особенно возросла после подписания в 2001 г. Декларации о стратегическом партнёрстве между РФ и СРВ. В июле 2012 г. стороны приняли решение повысить статус этих отношений до уровня «всеобъемлющего стратегического партнёрства».

Ключевые слова: Вьетнам, Россия, всеобъемлющее стратегическое партнерство, проблемы международной безопасности, международные организации

Соколов А.А. Российско-вьетнамское сотрудничество в области образования

В статье рассматриваются проблемы сотрудничества СССР/России и Вьетнама в сфере образования. С 1951 г. и примерно до распада СССР в Советском Союзе получили высшее, а также среднее и специальное образование (преимущественно техническое) около 30 тыс. граждан Вьетнама. За последующие 15 лет российские вузы окончили ещё свыше 20 тыс. вьетнамцев. В настоящее время в России обучается около 6000 вьетнамских студентов. Малая численность вьетнамских студентов в российских вузах обу-

словлена несколькими причинами, в частности, недостаточной безопасностью проживания вьетнамских юношей и девушек в нашей стране.

Ключевые слова: Россия, Вьетнам, образование, сотрудничество

Фомичева Е.А. Роль религии в общественной жизни и государственности в Таиланде

Автор рассматривает проблему влияния религии на общественные отношения и государственность в Таиланде, оценивает роль разных религий, функционирующих в стране. Подчеркивается ведущая роль буддизма для становления личности тайца, сплочения общества, строительства тайского государства. Показана тесная связь государства и буддийской сангхи и стремление использовать буддийское монашество в политических целях. Автор показывает как влияние модернизма оказывается на религиозном сознании тайцев.

Ключевые слова: Таиланд, религия, буддизм

Ряховская Е.И. Проблема маорийской преступности в Новой Зеландии

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования в традиционной культуре маори в Новой Зеландии до прибытия европейцев. Анализируются причины, по которым на современном этапе преступность в Новой Зеландии распространена среди маори в большей степени, чем среди представителей прочих этносов, проживающих в стране. Делается вывод о том, что решение проблемы лежит в необходимости проведения более целенаправленной политики со стороны государственной власти.

Ключевые слова: Новая Зеландия, маори, преступность

Мосолова О.В. Научно-техническая политика правительства Австралии

Австралия демонстрирует значительные достижения в развитии инноваций во многих областях научных исследований. Политика поощрения новейших исследований и разработок является важнейшим фокусом научно-технической политики правительства Австралии.

Ключевые слова: Австралия, научно-техническая политика, инновации.

Селезнева А.С. *Основные направления современной политики Австралии в области защиты традиционной культуры и интеллектуальной собственностиaborигенов*

В статье представлен краткий исторический обзор проблемы ущемления авторских прав коренного населения и выявлены причины необходимости легализации авторского, а также совместного права общинaborигенов.

Ключевые слова: традиционная культура, интеллектуальная собственностьaborигенов, авторское право

Заказникова Е.П. *Приоритеты внешней политики Австралии и проблема интеграции АТР*

Провозглашение Австралией своей новой роли в АТР усилило ее традиционный интерес к внешнеэкономическим связям с соседними азиатскими странами. Насущной задачей оставалось укрепление отношений с Китаем. Развивались и отношения Австралии с государствами Океании, одновременно усиливались военные связи Австралии с США.

Что касается отношений РФ с Австралией, до начала кризиса в Украине они имели лояльный характер. Вместе с тем, втянутая в стратегию Запада по изоляции и противодействию внешней политике РФ, Австралия пошла на серьезное осложнение своих отношений с Россией.

Ключевые слова: Австралия, сотрудничество, АТР, Россия, санкции

Астафьева Е.М. *Сингапурский мятеж 1915 г. и Сингапурский бунт 2013 г.: трагическое стеченье обстоятельств?*

Статья посвящена двум трагическим эпизодам в истории Сингапура - Сингапурскому мятежу 1915 г. и Сингапурскому бунту 2013 г. Эти события разделяют почти 100 лет, но они имеют общие черты и представляют несомненный интерес для исследования.

Ключевые слова: Сингапур, Сингапурский мятеж 1915, Сингапурский бунт 2013, индийцы-мусульмане, столкновения

Скоробогатых Н.С. *Австралия – СССР в 1940-е годы: динамика отношений. Часть 2. Время упущеных возможностей*

Статья посвящена проблемам становления дипломатических отношений между СССР и Австралийским Союзом в 1940-х годах.

В части 2 анализируются причины перехода к периоду «холодной войны» во второй половине 1940-х гг.

Ключевые слова: Австралийский Союз, СССР, Великобритания, США, ООН, международные отношения, Р. Мензис, Дж. Чифли, С.М. Брюс, Г.В. Эвартт, У. Черчилль, В.М. Молотов, А.Я. Вышинский

Минина Ю.Д. Эволюция представлений о традиционном европейском костюме во Вьетнаме в XVIII – начале XX вв.

Данная статья посвящена проблеме эволюции представлений о традиционном и западном костюме во вьетнамском обществе XVIII – начала XX вв. Понятия моды в европейском понимании и в таких масштабах, в каких это явление наблюдалось на Западе, во Вьетнаме не существовало. Образованные люди Вьетнама почитали костюм как неотъемлемую часть конфуцианской традиции, в то время как простой народ также отличался консервативными взглядами на национальную одежду и нововведения в данной сфере принимал тяжело. Истоки изменений в представлениях о костюме следует искать в среде вьетнамских католиков. Коренные изменения происходят в период французской колонизации Вьетнама (1887–1954), когда европейский костюм стал качественно новым показателем статуса в обществе и способом выражения политических и религиозных взглядов.

Ключевые слова: история Вьетнама, традиционная одежда, материальная культура, социокультурные процессы, католицизм во Вьетнаме

Dr. Vasily Boitsov. *Economic Development of Southeast Asian Countries and the Problem of their Differentiation.*

After Vietnam, Laos, Myanmar and Cambodia joined ASEAN in the late 1990s, the Association completed unification of all ASEAN countries into a common integration grouping. In this connection, there is a question what are the results of ASEAN countries joint development under the new conditions, especially their rates of growth, the structure of their respective economies, and their place in the world economy and so on. It is also important to understand the differentiation of the Association country-members, the level of their uniformity and the main trends that have manifested themselves lately.

Key words: *South-East Asia, economic development, ASEAN*

Dr. Valery Nikolaev. *Sanctions against Russia: Australian version.*

Australia demonstrated its dependence in imposing sanctions on Russia following in the footsteps of the USA and the EU countries ready for confrontation with Russia. Australia has little leverage to really damage the economy of Russia. Besides the Australian priorities in national economy, policy, defense are concentrated not that far from its shores but in the Asia-Pacific region.

Key words: *Australia, Russia, sanctions*

Dr. Dmitri Mosyakov. *The prospects for the Russian-Vietnamese economic cooperation.*

Nowadays the Russian-Vietnamese relations are developing in a trying political environment for both Russia and the Asia –Pacific region. For Moscow under Western sanctions the alternative Eastern direction of its policy is vital. It is an extremely essential task to give concrete content to the “swing to the East strategy” announced by the leadership of the country several years ago. In the framework of this policy one can sort out several directions with one of the most important of them being Vietnamese.

Key words: *Russia Vietnam economic cooperation*

Dr. Evgeny Kobelev. *The USSR/Russia – Vietnam: fragments of History*

During 40 years since the day when the Soviet Union recognized the Democratic Republic of Vietnam (30 January 1950) the two countries were connected by very close ties of cooperation resulted in estab-

lishing of the “unique phenomenon” in international relations of the time – “the fraternal Soviet-Vietnamese friendship”. It was those very words that characterized cooperation of the two countries in the party and government documents, in political and research papers of the Vietnamese and Soviet authors. The researcher gives new data on the scale of the two countries cooperation, especially in delivery of armaments and military equipment.

Key words: *The USSR, Russia, Vietnam, History, Cooperation*

Dr. G.Lokshin. Political cooperation of Russia and Vietnam

The author examines the problems of Russia – Vietnam strategic partnership, stressing that today the Russian-Vietnamese relations are a significant factor of peace and stability in the South-East Asia as well as in the Asia –Pacific. Its international importance has grown especially after the Declaration on strategic partnership between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam was signed in 2001. In June 2012 the parties decided to upgrade the status of the relations to a “comprehensive strategic partnership”.

Key words: *Vietnam, Russia, comprehensive strategic partnership, international security, international organizations*

Dr. Anatoly Sokolov. Russian-Vietnamese cooperation in education

The paper dwells on the problems of cooperation between the USSR/Russia and Vietnam in education. Since 1951 to the fall of the USSR about 30 000 Vietnamese citizens got higher and secondary specialized education (mainly in technologies). In the last 15 years over 20 000 Vietnamese had graduated from the institutions of higher knowledge. Today more than 6 000 Vietnam students study in Russia. Small number of Vietnamese students in Russian Instituts and Universities has several reasons, one of them being lack of security for the Vietnamese youth in our country.

Key words: *Russia, Vietnam, education, cooperation*

Dr. Elena Fomicheva. The Role of Religion in Social Life and Statehood building in Thailand

The author dwells on the problem of the religion influence on social relations and the Thai state, considering the role of different religions with Buddhism being the most important. Its influence on a Thai individual, social relations and the Thai statehood could not be overestimated. The close connection between the sangha and bureaucracy is

underlined as well as attempts to use Buddhist monks in politics. The author emphasized the modernity impact on a Thai religious consciousness.

Key words: Thailand, religion, Buddhism

Yevgenia Ryakhovskaya. *The problem of Maori crime in New Zealand*

The author describes the legal and regulatory issues in the traditional Maori communities prior to their first contacts with the Europeans. She analyzes the reasons why the crime rates among the Maoris nowadays exceeds the crime rates among the other ethnic communities of New Zealand. The author concludes that the resolution of the “Maori crime problem” involves more targeted steps of the New Zealand governmental and law enforcement authorities.

Key words: Maori, crime, New Zealand.

Dr. Olga Mosolova. *The Realization of Research and Development Policy in Australia*

Australia demonstrates great achievements in innovation policy in many fields of scientific research. Encouraging scientific research is one of the main aspects of Australian government’s science and technology policy.

Key words: Australia, scientific research, innovations

A.Selesneva in her article presents a brief historical overview of violations of the Australia aborigines copyright and the reasons for legalization of copyright and aboriginal community’s rights.

Key words: traditional culture, intellectual aboriginal property, copyright

Dr. Evgenia Zakaznikova. *The priorities of Australian foreign policy and the problem of the Asia-Pacific integration*

The new role in the Asia-Pacific proclaimed by Australia has strengthened its traditional interest to economic ties with neighboring Asian countries. The acute task was to fortify relations with China. Relations with the countries of Oceania were developing as well as military ties of Australia with the US.

As far as relations of the Russian Federation with Australia are concerned, before the crisis in the Ukraine they were normal. Nevertheless being involved by the West in its strategy of Russia isolation and confrontation to its foreign policy, Australia seriously damaged its rela-

tions with Russia.

Key words: Australia, cooperation, Asia-Pacific, Russia, sanctions

Ekaterina Astafieva. *Singapore Mutiny 1915, Singapore Riot 2013: tragic coincidence?*

This paper dwells on two tragic episodes in the history of Singapore: Singapore Mutiny 1915 and Singapore Riot 2013. Although these events are almost 100 years apart, they have some common features and are undoubtedly of great interest for a researcher.

Key words: *Singapore politics, mutiny 1915, riot 2013*

Dr. Natalia Skorobogatykh *Australia – the USSR in the 1940s: dynamics of attitudes*

The article deals with the main aspects of the Soviet – Australian relations in the 1940s. Part 2 “The period of lost opportunities” analyses the process that resulted in the “cold war” policies that dominated Australia and the USSR relations in the late 1940s.

Key words: *The Commonwealth of Australia, the USSR, Great Britain, the USA, the United Nations, international relations, R. Menzies, J. Curtin, S.M. Bruce, H.V. Evatt, W. Churchill, V. M. Molotov, A.J. Vyshinski*

Julia Minina in her paper addresses the problem of changes in views on the traditional and European clothing in Vietnamese society between the 18th and early 20th centuries. There was no “western” concept of fashion in Vietnam, while in European society the idea of being fashionable played an important role. Well-educated Vietnamese considered clothing as an integral part of the Confucian tradition. Common people’s views on the subject were also very conservative. The first traces of changes in views on the traditional clothing could be found in the socio-cultural environment of the Vietnamese Catholics. The main changes took place during the French colonial period (1887–1954). The European costume became a brand new indicator of social status, political and religious views.

Key words: *Vietnam, concept of fashion, traditional clothing. Social and cultural tradition, History of Vietnam, Catholicism in Vietnam*

Астафьева Екатерина Михайловна - научный сотрудник,
Ученый секретарь Центра Юго-Восточной Азии,
Австралии и Океании ИВ РАН

Бойцов Валерий Васильевич – к.и.н., доцент, заведующий
Кафедрой экономики и экономической географии стран
Азии и Африки ИСАА МГУ.

Заказникова Евгения Петровна – к.и.н., старший научный
сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и
Океании ИВ РАН

Кобелев Евгений Васильевич – к.и.н., зам. руководителя
Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, первый
заместитель председателя Общества российско-
вьетнамской дружбы

Локшин Григорий Михайлович – кандидат исторических
наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения
Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН

Минина Ю.Д. - соискатель ИВ РАН

Мосолова Ольга Владимировна – к.э.н., старший научный
сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и
Океании ИВ РАН

Мосяков Дмитрий Валентинович – д.и.н., руководитель
Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН

Николаев Валерий Павлович - к.и.н., ведущий научный
сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и
Океании ИВ РАН

Ряховская Е.И. - аспирант ДВГУ (г. Хабаровск)

Селезнева А.С. - аспирант исторического факультета ДВГГУ

Скоробогатых Наталья Сергеевна – к.и.н., старший научный
сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и
Океании ИВ РАН

Соколов Анатолий Алексеевич – к.филол.н., старший
научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии,
Австралии и Океании ИВ РАН

Фомичева Елена Алексеевна – к.и.н., старший научный
сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и
Океании ИВ РАН